

Леонид Дроздов

КВАНТУН

關東

16+

Леонид Дроздов

Квантун

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дроздов Л. В.

Квантун / Л. В. Дроздов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

1902 год, Киев. Скромный письмоводитель проявляет недюжинные способности в раскрытии преступлений, чем обращает на себя внимание председателя окружного суда. Волею интриг молодого выскочку отправляют на край света - в новую русскую окраину, город Дальний, - исполнять должность судебного следователя. Головокружительная карьера и захватывающий вояж превращаются вскоре в настоящее испытание...

(Ориентальный роман)

О, грёза дивная, мне сердца не тирань! —
Воспоминания о прожитом так живы.
Я на Квантун хочу, в мой милый Да-Лянь-Вань
На воды желтые Корейского залива.

Я в шляпке жизненной разбился о бурун,
И сердце чувствует развязку роковую...
Я по тебе грущу, унылый мой Квантун,
И, Море Желтое, я по тебе тоскую!..

(Игорь Северянин, «Тоска по Квантуну», 1904, Петербург)

Пролог

В день, когда во Франции отмечали 113-ю годовщину взятия Бастилии, а в Венеции обрушилась кампанила собора Святого Марка, в Киеве решалась судьба одного молодого человека...

Влиятельный господин прошелся по просторному кабинету и не спеша, по-хозяйски, опустил в высокое дубовое кресло, однозначно говорившее о большой важности и больших амбициях. Это был приличных лет мужчина, порядочно богатый и чрезвычайно честолюбивый, давно покинувший службу, но, тем не менее, оставшийся в тесных сношениях с самыми видными государственными деятелями России современной эпохи. Нередкие встречи с первыми лицами Империи продолжительностью не отличались, однако же сановитые мужи нашего Отечества считали едва ли не своим долгом по приезде в Киев непременно посетить добродушного непотиста. Быть может, он тем располагал к себе министров и сенаторов, что, обладая широчайшими связями и, главное, властью, помогал им бескорыстно, без всякого меркантильного умысла. При этом он всегда мог обратиться за их помощью, и они ему, как правило, не отказывали.

Нынче перед ним стоял субъект весьма незначительный: судебный следователь Бульварного участка Воскресенский. Кондратий Яковлевич (так звали Воскресенского) безуспешно пытался изобразить беспечность, что не скрылось от цепкого взора влиятельного господина (будем называть его так).

– Что же вы стоите, голубчик? Присаживайтесь! – хозяин дома сделал великодушный жест рукою. На мизинце сверкнул золотой перстень с латинской литерой «G».

Судебный следователь кивнул, явив кроткую улыбку. Устраиваясь в куда менее вычурном кресле, Кондратий Яковлевич так и не решил, как построить беседу. Весьма щекотливое положение, в котором он оказался, не давало ему покоя последнюю неделю. Бессонница сменялась головной болью, а головная боль бессонницею. Нехорошие мысли навязчиво атаковали мозг, изо дня в день предпринимая очередные штурмы. Терпеть это статский советник Воскресенский более не мог. Потому и направился к своему давнему покровителю за советом, а еще лучше – за разрешением сложившегося недоразумения. Из негожего христианину суеверия выждал окончания поста, а затем и месяца.

Дружбою с *ним* Кондратий Яковлевич дорожил. Не каждому выпадает шанс иметь в товарищах столь значимую персону. Где-то порою даже вел себя чересчур заискивающе. Но что поделать? Такова она наша жизнь, что без фавору в ней живетесь весьма непросто. К тому же первая заповедь братства обязывала к неукоснительному повиновению.

А ведь дело-то, по большому счету, пустяковое...

Стало судебному следователю вдруг совестно, что такого человека обременяет своими глупыми проблемами, которые он и сам в состоянии преодолеть. Зардел весь, налился краской.

Разговор их мучительно не получался. Влиятельный господин, заметив некоторое затруднение гостя, любезно осведомился о его текущих делах, о семье, о здоровье. Воскресенский, чей чин статского советника выглядел в сём доме, по меньшей мере, неубедительно, несколько расслабился, раскрепостился. Поблагодарил за участие, коротко, без углубления в детали, поведал о каких-то бытовых мелочах, которые и для самого Кондратия Яковлевича не представляли должного интереса. Однако что-то же надо было говорить, в конце концов?

Слушая ту чушь, которою обильно снабжал его Воскресенский, влиятельный господин пытался припомнить, каким образом этот сухопарый зануда стал вхож в его расположение. То, что за него поручился один из венераблей, еще отнюдь не подразумевает открытые двери и ковровую дорожку. Ничего, кроме как дальней родственницы, в голову не приходило, поэтому оставалось принять данную гипотезу как истинную. Впрочем, не подумайте, что общество Кондратия Яковлевича сильно тяготило хозяина большого дома. Напротив, он очень любил беседовать и помогать всевозможным *своим* господам, обращавшимся к нему за помощью, будь то товарищ министра или простой статский советник.

Простой статский советник. Большинству чиновников никогда в жизни не достичь столь высокой вершины. Влиятельный господин невольно улыбнулся. Ему льстило смотреть на пятый класс табели о рангах, как на нечто чрезвычайно отдаленное. Этак глядят на муравья или на божью коровку.

Тем временем божья коровка Кондратий Яковлевич постепенно подходил к самой главной теме. Воскресенский свернул было повествование к своему пошатнувшемуся здоровью, как вдруг запнулся. На лице влиятельного господина, пристально за ним наблюдавшего, возникла язвительная ухмылка. Что так развеселило хозяина большого дома, Воскресенский, разумеется, не понял, но, будучи не слишком талантливым судебным следователем, определил причину свою собственную жалкую персону и не преминул тотчас запунцоветь.

Первые секунды влиятельный господин никак не мог взять в толк, отчего собеседник замолчал. Монолог прервался столь неожиданно, что застал его врасплох. Затем, наконец, он осознал, что появившаяся на его лице улыбка явилась не к месту, и принялся беспромедлительно выправлять ситуацию.

– Кондратий Яковлевич, голубчик, – душевно начал он, – не могу скрыть улыбки, потому как вижу, что изменение самочувствия, о котором вы мне только что сообщили, есть долгая и завуалированная прелюдия к чему-то более важному.

Сказал, и самому понравилось, как ловко и красиво сумел повернуть проигрышную позицию в свою сторону. Словно шахматный гроссмейстер, доблестно вышедший из-под гарде. Простофиля Воскресенский ничего и не заметил.

– Ваша правда... – понуро вздохнул судебный следователь. Он хотел прибавить имя-отчество влиятельного господина, но вовремя спохватился. Называть хозяина большого дома по имени отнюдь не рекомендовалось. Этот человек ревностно заботился о том, чтобы никто не смел поминать его имя всуе.

– Желаете воды? Или коньяку?

– Что вы!.. – сразу откестился статский советник. – Не пью, так что даже и не предлагайте!

– А зря.

– Простите?..

– Нет-нет, забудьте. Так, может быть, воды?

– Благодарю...

Влиятельный господин позвонил в колокольчик. Не прошло и минуты, как перед Воскресенским возник бокал с ледяной водой. Настолько ледяной, что у судебного следователя свело челюсть.

– Итак, дорогой Кондратий Яковлевич, я весь внимание, – хозяин большого дома подался вперед, показывая тем самым, что настроен на самый серьезный разговор.

– Право, мне так неловко к вам обращаться... – замямлил статский советник.

– Полноте стесняться! Отбросьте ваши казенные ужимки! Мы же с вами, наконец, родственники! – наугад предположил влиятельный господин и не прогадал.

Воскресенский наиделикатнейшим образом кивнул. Удостоенный столь лестного сопоставления, засиял, точно медный самовар. Факт кровных уз всецело подтвердился.

– Как вам известно, – Кондратий Яковлевич заговорил уверенней, – служу я судебным следователем Бульварного участка весьма давно. Служу честно и самоотверженно, нисколько не жалея собственных сил на благо торжества закона. Преступников выявляю исправно, сомнительных подозреваемых под суд стараюсь не отправлять. Таков уж мой девиз: коли не уверен в виновности, не обвиняй.

– Хороший девиз, – одобрительно покачал головой влиятельный господин.

– Однако никто не застрахован от ошибок. Людям вообще свойственно ошибаться...

– Всё верно: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

– Только не подумайте, что я каким-то образом пытаюсь оправдать себя, подстелить соломку. Я, право же, нисколько не имею на то намерений.

– Милейший Кондратий Яковлевич! У меня решительно нет никаких поводов усомниться в вашей искренности.

Кондратию Яковлевичу на миг показалось, что собеседник над ним издевается. Слишком уж кисельным тоном принялся изъясняться великосветский покровитель.

– Буду с вами предельно честен, – сказал вдруг Воскресенский сурово. Ему порядком надоели все эти учтивости. – Моя карьера в большой опасности.

– Вот как? – влиятельный господин вскинул брови. Между тем лицо его выражало явственную индифферентность. Дескать, не вы, сударь, первый. Впрочем, за рамки приличий он не выходил. – В чём же собственно дело?

– Смею вас поправить: не в чём, а в ком... – осторожно уточнил судебный следователь.

– Гм. Вас кто-то шантажирует? – буднично осведомился хозяин большого дома.

– Нет-нет, увольте, меня никто не шантажирует. При моем положении и моей честности это было бы невозможно.

– Так уж и невозможно?

– Простите?..

– Продолжайте.

Кондратию Яковлевичу вновь показалось, что покровитель над ним потешается. Будто клоун на манеже цирка перед сотнями зрителей – так он себя тогда чувствовал. Впрочем, статский советник сам в том виноват, учитывая как долго и витиевато складывался его рассказ.

Собравшись с мыслями, Воскресенский выдал наконец то, что следовало сказать много раньше и сразу:

– Есть человек, который имеет все шансы занять мое место. А затем, быть может, и место следователя по важнейшим делам.

– Позвольте узнать, кто этот кандидат?

– Стыдно сказать... это мой письмоводитель.

– Вы шутите? – влиятельный господин немало удивился, сдвинул брови к переносице. – Кто же произведет письмоводителя в следователи? Без юридического образования?

– Видите ли... он как раз имеет таковое.

– И при этом он письмоводитель?

– Именно так.

– А состоит ли он в штате при Окружном суде?

– Состоит.

– У него, стало быть, имеется классный чин.

– Имеется, – кивнул Кондратий Яковлевич, а потом тихо и крайне смущенно прибавил: – Он коллежский секретарь...

– Чудно-с! – прыснул влиятельный господин. – Скажите на милость, как вам удалось ангажировать на должность писаря чиновника X класса?

– Тут дело вот в чем. Мой письмоводитель человек чрезвычайно способный и падкий до всякого рода следственных дознаний. У нас часто говорят, что истинным следователем надобно родиться. Так вот это как раз тот случай. Он пошел ко мне в камеру письмоводителем, чтобы быть ближе к любимому делу, чтобы погрузиться в него с головой и получить хорошую практику.

– Сколько ему лет?

– Двадцать семь.

– Нет, ваше высокородие, вы явно сошли с ума! – констатировал хозяин дома. – В вашем ведомстве чиновники годами ждут производств, а тут извольте: еще и тридцати нет, а уже в городские следователи! Где это видано? Неужели вы думали, что я поверю в этакую чушь?

– Но это правда!.. И если позволите, то я вам сейчас всё разъясню.

– Воля ваша. Уж коли пришли, выкладывайте, – влиятельный господин раскинулся в кресле, точно собирался слушать сказку.

Пренебрежение Воскресенский стерпел и принялся вещать:

– Я познакомился с этим весьма незаурядным юношей в 99-ом. Он проходил свидетелем по делу о дуэли между отставным офицером и титулованным дворянином, звучной фамилии которого называть не хотелось бы. Тогда я сразу обратил внимание на умного и интеллигентного студента Киевского Императорского университета, зарекомендовавшего себя с наилучшей стороны. Признаться, тогда он мне очень понравился, несмотря на то, что с несгибаемой силой отстаивал одного из дуэлянтов. Доблестный юноша призывал меня оставить поединщиков в покое, на что я пойти, разумеется, не мог. Итогом всего явилась трагическая развязка, о которой и вспоминать не хочется...

В глазах покровителя зажглась искорка. Что-то из сказанного судебным следователем его, безусловно, заинтриговало.

Отпив воды, Воскресенский продолжил:

– Я чувствовал себя виноватым... Страшно мучился. Де-факто открытое мною дознание по вышеупомянутой дуэли побудило одного из стрелявшихся к самоубийству, – произнеся последнее слово, статский советник тяжело выдохнул и зажмурился. Видно было, с какой болью в сердце вспоминал он то происшествие. Наконец он открыл глаза и заговорил тихо-тихо: – Бесчисленное множество раз молился я на вечернях и всенощных, три раза исповедовался в разных церквах. И каждый раз я задавал священнику один и тот же вопрос: «Может ли служебный долг быть оправданием для смерти?». И каждый из священников спокойно отвечал мне: «На всё воля Божья».

– На всё воля Божья, Кондратий Яковлевич, – медленно повторил влиятельный господин, точно пораженный открывшейся истине.

– Именно так, – согласился Воскресенский. – И знаете, к чему я пришел? А пришел я к тому, что, по-видимому, сам Бог послал мне этого юношу, чтобы он всегда направлял меня в правильную сторону. Был моей, так сказать, путеводной звездой в бескрайнем море уголовных дел.

– Не молодецват ли для праведника? – сыронизировал хозяин большого дома.

– Отнюдь нет.

– Я что-то никак не сосчитаю. Поправьте меня, дорогой Кондратий Яковлевич, если я ошибусь. Три года тому юноша ваш был еще студентом, тогда как нынче ему двадцать семь?

– Всё верно.

– Когда же он кончил университет?

– В прошлом 1901 году.

– Вот как?.. Вы не находите тут некое расхождение в годах?

– Нахожу. И вызвано оно тем, что юноша этот по окончании гимназии три года служил в полиции.

– Да-а?.. И кем же? Письмоводителем?

– Сперва оным, а затем и помощником участкового пристава.

– Гм! В каком участке?

– В первом...

– Старокиевском?

– Нет, минском...

Влиятельный господин, к своему огромному стыду, не сразу сообразил, что названный Воскресенским топоним к Киеву отношения не имеет. Более того, хозяин большого дома позволил себе задать вопрос, ответ на который лежал на поверхности:

– Что же заставило его оставить службу и перебраться в наш город? – серьезно спросил он.

«Даже у таких великих умов бывают помутнения», – подумал Кондратий Яковлевич, подбирая слова, чтобы не дай Бог не обидеть и не задеть самолюбия покровителя.

– Полагаю, что возможность получить высшее юридическое образование. Как известно, в Минской губернии университетов нет, – пояснил Воскресенский без малейшей доли сарказма.

– Верно. Стало быть, описываемый вами юноша приезжий?

– Точно так, – по-военному отчеканил судебный следователь. – В Киеве жилья не нанимает, хотя и получает некоторое жалованье от Суда. Вместо этого он предусмотрительно поселился в роскошной квартире родного дяди. Оба, кстати, потомственные дворяне.

– И вправду умен, – высокомерно бросил влиятельный господин. – Итак, вы приняли его на службу?

– Да... В прошлом году по окончании университета он с соблюдением всех формальностей поступил ко мне в камеру как младший кандидат в судебные должности. Признаться, он и до этого помогал мне два года по канцелярии по вольному найму. Дело в том, что своего письмоводителя у меня не было, я пользовался оным от полиции, с которой делил помещение Бульварного участка на Назарьевской. Такая ситуация меня не вполне устраивала, поэтому я решил обзавестись собственным письмоводителем. Тогда-то я с ним и познакомился при обстоятельствах, о которых уже докладывал... Он, конечно, сперва наотрез отказывался иметь со мною какие бы то ни было дела, однако по прошествии времени оттаял, согласился стать моим письмоводителем за весьма скромную плату. Все-таки острое желание приобщиться к следовательской деятельности перемогло в нем гордыню. С тех пор он стал не просто моим верным помощником, но и весьма серьезным конкурентом...

– Кондратий Яковлевич, голубчик, неужели вы всерьез думаете, что...

– Именно это я и думаю! – бесцеремонно выпалил Воскресенский, чем ввел хозяина большого дома в некоторое замешательство. – Вы не представляете, насколько он талантлив! Ему уготовано большое будущее!

– Так в чём же дело? Я полагаю, в ваших силах отстранить его от службы, – откровенно намекнул влиятельный господин. Водевиль, устроенный статским советником начинал ему надоедать.

– Вы совершенно правы: в моих силах лишить его всего того, что я ему дал. Лишить его, одаренного гения, блестящей карьеры. Лишить заработка. Лишить, в конце концов, самое наше государство неограниченного алмаза юстиции!

– Я что-то не пойму вас, Воскресенский. Две минуты назад вы утверждали, что именно из-за этого субъекта ваша карьера повисла на грани краха, а теперь поете ему панегирик?

– Я всё же не таков подлец, коим вы меня считаете, – обиженно буркнул Кондратий Яковлевич.

– А я вовсе и не считаю вас подлецом. Я прекрасно понимаю ваше естественное желание обезопасить свою недурно складывающуюся карьеру от разного рода неприятностей. Но ведь случилось, вероятно, нечто такое, что заставило вас вздрогнуть от ужаса, заставило прийти ко мне?..

Воскресенский нервно сглотнул.

– До меня дошли небезосновательные сведения, что моего помощника-письмоводителя хотят назначить исправляющим должность судебного следователя на мой участок...

– Глупости! Младший кандидат в судебные должности обязан заниматься судебной практикой как минимум полтора года, чтобы сдать экзамен на старшего кандидата. И только став старшим кандидатом, он может рассчитывать на временное замещение должности судебного следователя, – продемонстрировал свою эрудицию влиятельный господин. – Неужели его, младшего кандидата, уже сейчас ставят выше всех наличных старших Окружного суда?

– Я также сперва не поверил услышанному, однако источник, от которого я получил данные сведения, более чем надежен и попросту воздух не сотрясает. Зная своего помощника (называть его письмоводителем у меня теперь язык не поворачивается), я всецело верю в то, что его произведут в старшие кандидаты, а равно и назначат исправляющим должность судебного следователя с одним единственным годом службы по Министерству юстиции и при десятке опытных старших кандидатов.

– Это поразительно! – с затаенной злобой воскликнул влиятельный господин. Чужие головокружительные карьеры его явно не вдохновляли. В такие моменты чувство собственной исключительности невыносимо страдало. – Он, часом, не один из нас?

– Исключено. Разве что луфтон. В любом случае по отношению *к нам* он настроен крайне враждебно, поэтому не думаю, что он пользуется протекцией кого-то из братства.

Хозяин большого дома начинал осознавать нависшую над Воскресенским угрозу. Приезжий минчанин оказался на редкость ушл и сообразителен, раз его держат на хорошем счету и готовят для замены заскорузлого статского советника. По закону, изданному еще при Александре II, старшие кандидаты в судебные должности вправе замещать должности судебных следователей. Таковые примеры ныне повсеместно распространены, потому что исправляющий обязанности судебного следователя кандидат не приводится к присяге и не наделяется правом несменяемости. Это очень удобно для судейского руководства, так как позволяет держать следователей на коротком поводке. Таким образом, некий двадцатисемилетний выскочка, без году неделя состоящий при Окружном суде, имел все шансы занять теплое место утратившего сноровку Кондратия Яковлевича. Право несменяемости, коим пользуется вступивший в должность следователь, на практике отнюдь ничего не гарантирует, так как зачастую многое (если не всё) зависит от воли и желания председателя.

Получалось, что Воскресенский, желая упростить себе службу, тем самым неизмеримо ее усложнил. Пригрел за пазухой гадюку, как говорится. Впрочем, грешить на неизвестного молодого человека за его природный талант низко и недостойно.

– Тут еще вот что... – статский советник кашлянул. – Помощник мой крепко ко мне привязался. Иными словами, видит во мне наставника и учителя. Весьма уважает и всячески благоволит. Собственно поэтому мне не хочется становиться для него дьяволом, рушить все

его светлые мечты. Но, тем не менее, я остро чувствую, как он уже сейчас наступает мне на пятки. Что же будет через год, через полгода?

– Непременно будет судебным следователем, – уверенно заключил влиятельный господин.

Кондратий Яковлевич прикрыл ладонью лицо, тяжело взвыл. Знал статский советник, что карьеризм – сущее зло, дурманящее человека, попирающее все его моральные устои. Никогда прежде он и подумать не мог, что однажды станет заложником этой чумы.

«Власть портит людей», – подумал Воскресенский.

«Власть портит *не всех* людей», – твердо знал его покровитель.

– Итак, подытожим всё сказанное, – хозяин особняка поднялся из кресла и подошел к большому окну. – У вас есть одаренный помощник, которого прочат на ваше место. Ваша задача: сохранить за собой должность. Как этого достичь? Весьма просто: устранить помощника от дел. Каким образом? Устроить некое фиаско...

– Вы неправильно меня поняли. Я не хочу причинить ему вред, не хочу навредить его карьере. Я хочу остаться для него другом, учителем. Для меня это очень важно, как важно родителям сохранять в сознании ребенка явственность Деда Мороза.

– Вы, голубчик, многого хотите. Чтобы и волки у вас были сыты, и овцы целы. Так, знаете, не бывает. В жизни всегда чем-то приходится жертвовать. И вы не исключение, – философски заметил влиятельный господин. – Дети рано или поздно узнают, что Деда Мороза не существует.

Видя искреннее отчаяние статского советника, покровитель подошел к своему протеже и похлопал того по плечу. Милосердия хозяину большого дома было не занимать.

– Не переживайте, Кондратий Яковлевич, – без какой-либо иронии поддержал он родственника. – Я что-нибудь для вас придумаю.

Воскресенский с надеждой поглядел на человека, который мог практически всё.

ЧАСТЬ I Черный тигр

1. Серебряный рубль

Молодой чиновник в черном касторовом сюртуке бодро шагал по Бибииковскому бульвару в сторону Бессарабской площади. Его темно-русая шевелюра авантюрно вздыбилась, оголив высокий, в меру пологий лоб. Узкий подбородок и слабо выраженные скулы визуально увеличивали череп, который при всей своей округлости относился скорее к мезоцефальному, нежели брахицефальному типу. Чистые, светлые, глубоко посаженные глаза устало и в то же время удивительно пронизательно глядели по сторонам.

Недурной юноша с интеллигентными чертами лица какою-то редкостной красотой не отличался. Атлет в его фигуре также не просматривался. Скорее сублильный, чем полнокровный, он являл собою собирательный образ молодого человека конца девятнадцатого, но отнюдь не начала двадцатого века: мечтательно-меланхоличный, застенчивый и кроткий. Нынешние юноши всё больше пропитаны социалистическими идеями, а потому активны, как ртуть, до дерзости смелы и до упрямства бескомпромиссны.

Наш темно-русый чиновник – птица иная. На таких барышни обычно не заглядываются. Такие нынче не в моде. Зато такие прекрасно раскрываются в приватном общении как занимательные собеседники и эрудированные личности. Но это уже совсем другая история.

Весьма заурядная внешность делала Антона Федоровича Горского (так звали чиновника) чересчур заурядным, и если бы не печать благородства на ясной физиономии, потомственный дворянин имел все шансы раствориться в блёкло-серой толпе киевских обывателей. По этой причине год назад (сразу по окончании университета) он принял единственно верное решение: отпустить усы. Их носили практически все государственные служащие и подавляющее большинство интеллигенции. *Une belle moustache* считались одной из главных мужских гордостей того времени, а их отсутствие воспринималось как моветон. Несмотря на оптимистичные ожидания, усы выросли довольно жидкие и невнятные, чем неимоверно разочаровали своего обладателя. Молодой человек не без сожаления уяснил, что устойчивый волосяной покров лица не порадует его ближайшие лет пять как минимум. А было ему в ту пору уже двадцать семь. Большинство его сверстников к этим летам обзаводились первоклассными эспаньолками, брутальными бакенбардами и роскошными усами, а тут...

Так вот и получилось, что самой главной отличительной особенностью Антона Горского стали его претенциозные поперечные наплечные знаки коллежского секретаря и вызолоченные столпы закона в дубовых венках на концах бархатного воротника. Министерство юстиции обыватели обычно отождествляли или с прокурором, или с судебным следователем. Ни тем, ни другим молодой чиновник не являлся, но, будучи младшим кандидатом, занимал скромную должность письмоводителя. Вдобавок ко всему сумятицу вносили те самые поперечные погоны, где четыре серебряные звездочки, расположившиеся в просвете между золочеными коваными узорными галунами, порядочно озадачивали даже самых сведущих бюрократов. Мало кто знал, что в судебном ведомстве чиновникам X класса полагалось на одну звезду больше, чем прочим. Поэтому подавляющей массой населения наш герой воспринимался как значимый стержень государственного аппарата, и уж точно никто не рискнул бы угадать в нем письмоводителя.

Весу придавал и фрачный нагрудный знак (или попросту фрачник) с синим эмалевым крестом в белом ромбе с государственным гербом. Наглядное свидетельство об окончании Императорского Университета стало логическим завершением четырех нелегких лет сессий на юридическом факультете. Последние годы и вовсе выдались нервными: в самом начале 1901-

го за участие в студенческих сходках 183 универсанта были отданы в солдаты. Это послужило прекрасным поводом для всеобщей забастовки, причём не только высших учебных заведений, но и промышленных предприятий. К студентам присоединились рабочие заводов и фабрик, подогреваемые революционными агитаторами. Особую силу стала набирать партия социал-демократов. Издаваемая ею газета «Искра» быстро завоевала сердца радикально настроенной молодежи и взбудоражила трудовой элемент или, как стало модно говорить, пролетариат. 1 мая вооруженные красными бантами и кумачовыми стягами толпы недовольных подданных провели по всей стране десятки демонстраций с самыми амбициозными лозунгами. Не стал исключением и Киев. Мая 6 дня в столице Древней Руси прошли многолюдные выступления, выдвигавшие не столько требования, касающиеся условий труда, сколько требования политические. У всех в одночасье открылись глаза, все с ужасом осознали, что страна катится в тартарары.

Осенью вновь забастовали студенты (благо Горский уже студентом не являлся). К университетам теперь присоединились их коллеги из политехнического института. Разумеется, ни к чему хорошему это всё не привело. Ответные меры со стороны властей лишь добавили масла в огонь, усилив нарастающее недовольство Правительством.

В начале февраля этого года протесты рабочих, студентов, а также присоединившейся к ним «передовой» интеллигенции, обрели стихийный масштаб. Крещатик, Прорезная, Большая Владимирская и прочие центральные улицы города собрали порядка десяти тысяч бастующих, агрессивно призывавших свергнуть существующий монархический режим. В результате двух дней продолжительных провокаций тюремный замок получил в свое распоряжение несколько сотен арестантов.

И вот в таких, насыщенных событиями, буднях готовился впечатлительный Антон Федорович держать самый главный для себя экзамен – университетский. 31 мая 1901 года стало для него переломной точкой. Время строго разделилось на «до» и «после» этой даты, которая, по мере приближения, становилась всё мрачнее и страшнее. Впрочем, ничего ужасного в юридической испытательной комиссии не было – все ее члены относились к студентам с большой симпатией, никого не срезали. Потому что те, кого люто возненавидели и кого готовы были «потопить», давно отправились или в тюрьму, или в солдаты. Получив по всем дисциплинам «весьма удовлетворительно», Горский удостоился не только диплома первой степени, но и права на X классный чин, в который был незамедлительно произведен при поступлении на службу в Окружный суд к знакомому нам Кондратию Яковлевичу.

Впрочем, довольно копать в прошлом молодого коллежского секретаря, потому как прошлое его более чем туманно и достойно отдельного повествования. Как-нибудь в другой раз.

Сейчас же вернемся на Бибиковский бульвар, а вернее на Крещатик, куда свернул темно-русый чиновник, оставивший фуражку в присутствии. Он направлялся в роскошную квартиру своего дяди на Николаевской улице. Вместо того чтобы немного сократить путь, пройдя через Анненковскую и Меринговскую, Антон Федорович из раза в раз педантично поднимался до начала Николаевской. Причиной тому служило маниакальное желание пройти мимо гостиницы «Континенталь», с которой у Горского были связаны весьма волнующие события в бытность его студентом.

За «Континенталем» улица делала небольшой изгиб, открывая вниманию прохожих поистине чудо отечественной архитектуры. Недавно построенный доходный дом Гинзбурга настолько поражал всех своей красотой, что, вне всяких сомнений, стал визитной карточкой города. Шестиэтажное здание (не считая мансардного этажа) протяженностью в 30 и высотой в 15 саженей, украшенное античными статуями и изысканными балконами, насквозь пропиталось духом ренессанса. Будто по чьему-то барскому велению в Киев перекочевал один из многочисленных шедевров великолепного Парижа.

Помимо внушительных габаритов, творение архитектора Братмана выделялось пятью деревянными оцинкованными башнями-куполами, под которыми ютились романтические люкарны. Дом Гинзбурга также отличался тем, что его первые два этажа имели сквозные стеклянные проемы для размещения магазинов. Этакое привлекательное место долго не пустовало – вскоре после окончания отделочных работ всё торговое пространство обоих этажей единолично заняло акционерное общество «Яков и Иосиф Кон», открывшее здесь соответственно магазин венской гнутой мебели.

Внутренний интерьер поражал, прежде всего, широкой мраморной лестницей с коваными перилами и дубовыми поручнями. Расписные стены и лепнина на потолке дополняли общую торжественность. Разумеется, при входе дневалит бдительный консьерж. Коллежскому секретарю учтиво кланяется. В доме всего четырнадцать квартир – всех арендаторов знает в лицо и по имени-отчеству.

Подниматься на дядюшкин пятый этаж – неплохая зарядка для улучшения циркуляции крови. Но в тот день молодой чиновник несколько утомился, поэтому предпочел воспользоваться гидравлической подъемной машиной (отнюдь для него не новинкой – несколько лет тому имел удовольствие воспользоваться сим новшеством двадцатого века в соседнем «Континентале»). Лифт – английское название данного аппарата – двигался медленно, зато позволял сэкономить энергию, столь ценную для людей преклонного возраста, к коим можно было отнести дядю коллежского секретаря – крупного промышленника и потомственного дворянина Алексея Семеновича Горского, владевшего несколькими заводами и усадьбой в киевском предместье Демиевке. Дела его в последние годы пошли в гору, капитал некогда состоятельного холостяка приумножился, а события 1899 года принудили подыскивать новое жилье. Через год близкий друг Алексиса (Алексея Семеновича) – один из директоров Городского кредитного общества – Владимир Иванович Дулевич – порекомендовал обратить внимание на строящийся на Николаевской улице доходный дом, который затмит собою все остальные дома в городе. По мере того, как на Николаевской рос шедевр Братмана, внимание Алексея Семеновича к этому зданию экспоненциально увеличивалось. К концу 1900 года, когда объект готовили к сдаче, Горский-дядя окончательно утвердился в намерении заселиться в «Париж», как его прозвали обыватели за невиданную роскошь. Несмотря на высокую арендную плату, желающих обособиться в доме Гинзбурга оказалось достаточно. Пришлось воспользоваться помощью Дулевича, выхлопотавшего для своего товарища Алексиса исключительное право выбора любых апартаментов. Этой возможности Алексей Семенович безумно обрадовался и с детским трепетом подошел к выбору будущих покоев.

Варианты с двух- и трехкомнатными квартирами отпали априори, ибо решительно не удовлетворяли потребностям разбогатевшего промышленника. Выбор встал между девятью и одиннадцатью комнатами. Полюбивший роскошь Горский-дядя склонялся занять максимально возможную площадь, однако благоразумный и экономный племянник убедил-таки вошедшего во вкус родственника последить за финансами и остановиться на девяти комнатах, которых и так было более чем достаточно. Кроме столовой, большой и малой гостиных, кабинета, библиотеки и четырех спален, в доме имелась просторная кухня, ватерклозет и, разумеется, ванная комната. Прислуга арендаторов по традиции размещалась в мансардном этаже, и только Алексис настоял на том, чтобы его бессменный лакей Дмитрий занял одну из спален в девятикомнатных апартаментах. Дмитрий собственно и открыл дверь Горскому-племяннику.

– Извольте подать обед, Антон Федорович? – осведомился он у коллежского секретаря.

– Будь добр. Я нынче проголодался, – честно признался чиновник Министерства юстиции. – А что Алексей Семенович?

– Уже обедают-с.

– Так рано?

– Верно, у вас привычку переняли-с.

Действительно, до того, как Антон Федорович поступил на службу к Воскресенскому, обед в доме Горского подавался не ранее четырех часов пополудни.

В просторной столовой за длинным массивным столом одиноко принимал пищу подлысоватый господин в домашнем халате с заложенною салфеткой. Мешки под его глазами с каждым годом опускались всё ниже, гладковыбритые щеки за последнее время значительно расплнели, талия поплыла. Некогда записной ловелас Алексис превращался в угрюмого старика-мизантропа, любившего общаться лишь с близкими друзьями.

Возле его тарелки стояла наполненная рюмка шустовского коньку, рядом – графинчик. Пристрастие Алексея Семеновича к крепкому алкоголю продолжалось уже много лет, и ничто не говорило о том, что когда-нибудь это кончится. Без двух-трех рюмок коньку Алексис не начинал ни один день, а коли и начинал, то непременно в дурном настроении, да таком скверном, что не хотелось попадаться ему на глаза. Выпив же «свою порцию», он обретал относительное спокойствие и воспринимал окружающих с большей благосклонностью.

– Приятного аппетита, дядя! – пожелал Горский-племянник.

– И тебе того же, – ответил взаимностью промышленник.

– Что у нас сегодня? – задорно спросил Антон Федорович, заглядывая в тарелку родственника. – Суп?

– Грибной, – кивнул Алексей Семенович, зачерпнув ложку жидкого бульона.

– Что же так скромно? – осведомился коллежский секретарь. – Пост еще третьего дня кончился.

– Правда?.. – искренно удивился Горский-дядя. – Дмитрий!

Перед столом появился лакей.

– Дмитрий! – повторил дядя, глядя снизу вверх на своего слугу. – Ты почему, стервец, не сказал, что Петров пост уже кончен?

– Я полагал, вы знаете-с...

– Болван!

– Полно вам, дядя! – вступился письмоводитель за лакея. Очень он не любил, когда людей без причины оскорбляли.

– Виноват-с, Алексей Семенович... – сконфуженно пробормотал Дмитрий. – Вы сами пожелали давеча грибного супу.

– Так ведь я же не знал, дурья твоя башка, что пост кончен! – Алексис со злостью отшвырнул салфетку. – Убирай его к черту! И подай мяса!

– Так ведь не готовили-с...

– Что?..

– Дядя! Прекратите сейчас же! – Антона Федоровича эта ситуация изрядно раздражала. – Никто вам мяса тотчас не приготовит!

– А кухарка?

– Кухарка ушла на базар... за провиантом... – тихо ответил лакей.

– Мне что же, по-вашему, в ресторан идти?? – взбесился промышленник. Приступы ярости, к глубокому сожалению, стали у него нормой.

– Дмитрий, будь добр, сходи в «Континенталь», закажи для Алексея Семеновича что-нибудь мясное, – подал идею коллежский секретарь.

– Дело говоришь, Антуан! – просветлел Горский-дядя. – Ты у меня молодцом! Надо за тебя умного выпить.

Алексис потянулся к графину. Предлагать коньяк племяннику не стал – хорошо знал, что Антуан крепкие напитки не жалуется. Дмитрий тем временем убежал в ресторан, что при гостинице «Континенталь».

– Твое здоровье! – продекламировал Алексис и отработанным жестом осушил рюмку. Сколько им было выпито до того, Антон Федорович мог лишь догадываться по остекленевшим глазам родственника.

– По-моему, вам достаточно, дядя, – молодой чиновник потянулся за коньяком.

– Не тронь! – вмиг отреагировал промышленник, перехватив графин.

– Вы пьяны!

– Я?..

Состояние Горского-дяди оказалось куда более плачевным, чем представлялось первоначально, поэтому Антону Федоровичу не составило труда вырвать из его ослабевших рук графин с темно-янтарной жидкостью. Осоловевший Алексей Семенович вдруг резко захотел спать, а так как лакей удалился исполнять глупый каприз своего хозяина, то нести разжиревшего промышленника выпало всецело на долю Антуана. Подхватив родственника, письмоводитель едва не повалился под тяжестью пяти с половиною, а быть может и всех шести, пудов весу. Антону Федоровичу и ранее, будучи студентом Императорского университета, доводилось вместе с Дмитрием таскать пьяного дядю до спальни, но одному – никогда. Впрочем, с возрастом у коллежского секретаря прибавилось сил, и за благополучное прибытие Алексиса в спальню волноваться не приходилось.

Провалившегося в сон и захрапевшего дядю Горский-племянник перевернул на бок, чтобы тот ненароком не захлебнулся от рвоты. Всякое может приключиться. Заботливо снял с родственника домашние пантуфли. Горестно вздохнул, побрел доедать суп.

Спустя три четверти часа возвратился запыхавшийся Дмитрий со свертком из плотной бумаги.

– Вот-с, Антон Федорович!.. – с чувством выполненного долга сообщил лакей. – Говяжья отбивная в винном соусе с морковно-сельдерейным пюре. Как думаете-с, Алексею Семеновичу понравится?..

– Думаю, Алексей Семенович и не вспомнит, что хотел мяса, – иронично заметил Антуан. – Он уже спит.

– Спит?.. – жалостно простонал Дмитрий. Его усердие так и останется незамеченным. – Позвольте... но что же делать с этим?..

– Я съем.

– Хорошо-с, – неуверенно ответил лакей. – А ежели проснутся?..

– Не беспокойся, Алексей Семенович проснется не раньше пяти. К тому времени кухарка что-нибудь состряпает.

– Слушаю-с, – кивнул лакей. – Изволите чаю?

– Да, конечно.

Доедая континентальную отбивную, коллежский секретарь размышлял над тем, что обед в одиночестве разительно отличается от обеда вдвоем, втроем или вшестером. Принимая пищу с товарищами или родственниками непременно заглядываешь в чужую тарелку, что-то сравниваешь, анализируешь, иными словами отвлекаешься на сущую ерунду, будь то густота пюре или количество фрикаделек в супе у соседа. Обедая в одиночку, больше задумываешься над делами грядущими, куда как более важными, то есть экономишь собственное время.

Чай Дмитрий подал, как и ожидалось, горячее некуда. «Никогда в этом доме заранее не поставят самовар», – с досадою подумал Горский-племянник. Обжигая глотку, он спешил отправиться на Андреевский спуск, где ему предстояло отыскать некоего господина Лютикова. Этот Лютиков являлся важным звеном одной темной истории, которую безуспешно пытается распутать вся городская полиция.

А дело вот в чём.

С недавних пор на киевском железнодорожном вокзале, который всецело попадает под юрисдикцию Кондратия Яковлевича, стала промышленлять шайка негодяев, обкрадывающая при-

езжих пассажиров, а также провожающую и встречающую публику. За полтора месяца в Бульварный участок, располагавшийся в доме № 19 по Бибииковскому бульвару, обратилось более пятидесяти человек! У кого вытащили портмоне, у кого свистнули золотую «луковицу», а у кого и вовсе сняли браслет или ожерелье. Каким же надо быть виртуозом, чтобы незаметно для барышни отстегнуть фермуар?

Участкового пристава продолжали заваливать заявлениями, тогда как выйти на след преступников никак не удавалось. Ни одной улики, ни одной мало-мальски значимой зацепки, никаких следов мазурики не оставляли. На вокзале усилили охрану, но всё тщетно. Преступления продолжали совершаться с той же регулярностью, что и прежде. Оно и неудивительно: разве возможно уследить за сотнями людей, непрерывным потоком прибывающих и покидающих мать городов русских? Однажды стало казаться, что никаких карманников и вовсе нет, ибо если бы они были, то их непременно кто-нибудь бы заметил. Но ведь не могли же полсотни дам и господ вдруг разом растерять целую кучу ценных вещей? Стало быть, вору существуют.

Вскоре головная боль участкового пристава неожиданно разрешилась, и помог этому смекалистый Кондратий Яковлевич, камера которого располагалась в Бульварном участке. Судебный следователь резонно заметил, что в Киеве – одном из немногих городов Российской Империи – для производства розыска подобных негодяев существует сыскное отделение полиции. Вскоре на Бибииковском бульваре в доме № 19 к вокзальной шайке стали относиться спокойнее – ответственность за их поимку полностью возлегла на плечи господ с Большой Житомирской. А между тем заявления о кражах на вокзале всё продолжали поступать.

Господа из сыскаго отделения быстро сообразили, что дело ничего хорошего не сулит – преступников поймать им вряд ли удастся, – поэтому придумали оригинальный вольт: стали ссылаться на то, что территория железнодорожных путей, а равно и самого железнодорожного вокзала, подведомственна особому отделению – жандармскому полицейскому управлению железных дорог. Дескать, они отвечают за безопасность и благополучие пассажиров, они и обязаны ловить этих неуловимых подлецов. Те, разумеется, от таковой перспективы решительно отказались, указав сыщикам, что искать преступников – их, сыщиков, прямая обязанность.

Конфликт между правоохранителями затянулся и разрешаться не торопился, что позволило мазурикам безнаказанно продолжать свою гнусную деятельность. Тем временем ни одно из полицейских отделений не удосужилось оповестить население о вокзальных карманниках. Сколько ни просил Антон Федорович пристава Бульварного участка расклеить соответствующие объявления, никаких действий со стороны стража порядка не последовало. «Не наша теперича забота», – был письмоводителю ответ.

Но отчего же, спросите вы, все решили, что господ и дам обкрадывает непременно шайка? Ведь ни одного подозреваемого не задержано, так, может быть, резонно заметите вы, это вовсе и не шайка, а один единственный человек? Тем паче трудно представить, чтобы несколько лиц орудовали столь мастерски в одинаковой степени. Такой гипотезы придерживался, в частности, не имевший никакого отношения к сему делу Воскресенский. Он настаивал на уникальности вора, пока однажды его не переубедил собственный письмоводитель, коллежский секретарь Горский, увлекшийся этим трудным, но интересным делом с головою.

Антон Федорович начал с того, что внимательно перечитал копии каждого заявления о краже на железнодорожном вокзале, оригиналы которых сносились в сыскное отделение. Все заявления были очень похожи, содержали одинаковые детали, поэтому необходимо было их систематизировать и выявить некую закономерность. Этой работой наш молодой чиновник Министерства юстиции и занялся, благо иными поручениями обременен не был.

Получилось вот что.

Всего заявлений насчиталось 73 (!). Первое заявление поступило 24 апреля сего года, последнее – третьего дня, то есть 29 июня. Таким образом, статистически кражи на киевском

вокзале совершались каждый день. Практически же бывали дни, когда таковых не случалось, а, быть может, и случалось, потому как некоторые горожане в полицию не верят, а следовательно, не желают обращаться к ней за помощью. При любом исходе дней, когда заявлений не поступало, оказалось 22, что немало.

Дальше – еще интереснее.

За те 46 дней, в которые совершались преступления, кражи распределились в следующем количестве: одна кража была зафиксирована в 27-ми днях, две – в 14-ти, три соответственно трижды, четыре – единожды. Наибольшую активность мазурики проявили в светлый праздник Вознесения Господнего – в полицию поступило сразу пять заявлений. Таким образом, в 19-ти из 46-ти днях карманники не ограничились одной кражей, а предпочли продолжить эскападу, невзирая на увеличенный риск быть уличенными.

Из всего вышеоткрывшегося коллежский секретарь Горский вывел гипотезу о шайке преступников, промышляющих воровством на железнодорожном вокзале. Один человек, размышлял письмоводитель, каким бы великолепным карманником он ни был, не смог бы незамеченным обокрасть сразу пятерых и даже четверых человек подряд. Однако, как и всякая гипотеза, гипотеза Антона Федоровича требовала безусловного доказательства. Для этого чиновнику Министерства юстиции требовалось установить физическую невозможность совершения нескольких краж рядом одним предполагаемым лицом. В сих целях Антону Федоровичу пришлось вновь внимательно перечитать $\frac{2}{3}$ заявлений потерпевших.

В первую очередь Горский просмотрел заявления за дни, на которые приходилось наибольшее количество краж. К великому разочарованию, ни в день Вознесения Господнего, ни в иные дни ничего интересного так и не обнаружилось. Перелистывая страницы последних показаний с «двойными» кражами, коллежский секретарь мысленно смирился с тем, что доказать многоликость преступника ему не удастся. Вдруг что-то заставило его вернуться к предыдущему документу. Некие господа Н. и Х. были обворованы примерно в одно и то же время: с прибытием одного и того же поезда. Разумеется, оба несчастливца могли стать жертвой одного человека поочередно, но цепкий на слова Антон Федорович твердо углядел в представленных заявлениях диссонанс. Устройство киевского железнодорожного вокзала предполагало разделение пассажиров по прибытию и отправлению, стало быть, распределяло потоки по разным корпусам здания. Между тем в своем заявлении господин Н. упоминает о том, что лишился золотых часов с шатленом, когда провожал на вокзале товарища, а господин Х., навсегда распрощавшийся с бумажником, и вовсе никогда доселе в Киеве не бывал. Таким образом, господин Н. в момент кражи находился в зале отправлений, тогда как господин Х. – в зале прибытий. Появился более чем весомый аргумент в пользу мультиреусной версии.

Итак, письмоводитель Антон Федорович Горский фактически доказал, что на киевском железнодорожном вокзале промышляют как минимум двое первоклассных карманников. Этим выводом он поделился со своим шефом – судебным следователем Кондратием Яковлевичем Воскресенским, который также стал проявлять интерес к столь резонансному разбирательству. Их высокородие прекрасно отдавал себе отчет в том, что рано или поздно дело о вокзальных мазуриках окажется у него на столе. Так почему бы не предвосхитить события и не заняться им уже сейчас? Тем паче талантливый Горский выкладывал на блюдечке все необходимые сведения и, что главное, был ближе других к разгадке.

Доводами своего письмоводителя статский советник недальновидно поделился с членами Окружного суда, один из которых по секрету поведал Воскресенскому страшную тайну: Горский заинтересовал самого председателя, который много наслышан о молодом самородке и который не возражает и даже благоволит Антону Федоровичу на досрочный перевод в старшие кандидаты с дальнейшим исправлением должности судебного следователя.

Кондратия Яковлевича едва не хватил сердечный удар. Конечно, до него доходили подобные слухи. Однако одно дело слухи, и совсем другое – их подтверждение из уст одного из ува-

жаемых членов Окружного суда. Насколько престижно звание старшего кандидата на судебные должности и какие оно открывает перспективы довольно подробно описано нами ранее, поэтому не станем на сим заикливаться и повторяться. Скажем лишь, что во многом это обстоятельство подвигло Воскресенского обратиться за помощью к *влиятельному господину*.

Недаром говорят, язык до Киева доведет. Доказанная гипотеза о нескольких преступниках через Окружный суд просочилась в полицию и добралась до самого губернатора. Его превосходительство, дескать, ужасно разгневался на сыскное отделение за их бездействие, пригрозил сменить начальника, отчитал полицмейстера, велел не сеять в городе панику.

Паники, разумеется, никакой и не было. Кража – не самое худшее злодеяние, которому может подвергнуться человек. Все это хорошо понимали. В прессе сообщений о вокзальных мазуриках предсказуемо не появлялось. Верно, его превосходительство господин губернатор своей жесткой цензурой покрыл все киевские печатные издания.

На достигнутых результатах Антон Федорович не остановился. Далее он составил полный перечень украденного имущества и попытался его классифицировать. Выяснилось, что наибольшим спросом у воров пользуются бумажники. На втором месте по популярности шли дамские украшения, на третьем – хронометры. Далее следовало отыскать что-либо уникальное, какую-либо примечательную особенность или свойство утраченной вещи. Таких особенностей Горский нашел с избытком. Но какой от них прок? Полиция давно и тесно работает с каждым городским ломбардом, поэтому если бы какую-либо украденную вещь попытались сбыть, то с большой долей вероятности господина мазурики находились бы сейчас за решеткой. Стало быть, искать надо нечто иное.

И тогда коллежский секретарь обратил внимание на заявление некоего господина Лютикова. Об этом субъекте сведений практически не имелось, знали лишь, что квартирует он на Андреевском спуске в таком-то доме. Господин Лютиков сообщал довольно любопытную деталь, которую почему-то все упустили. На вопрос пристава, не заметил ли он, Лютиков, в тот день, когда у него украли серебряные часы «Жорж Фавр-Жако», что-либо странное, потерпевший ответил, что «ничего подозрительного не наблюдалось, за исключением припадка эпилепсии у молодого господина».

На взгляд Горского недлинная фраза несла в себе массу интересного и в то же время непонятного. Почему участковый пристав не ухватился за эту соломинку? Горского бросило в холодный пот. Мозг усиленно заработал, составляя логические конструкции.

Во-первых, господин Лютиков скорее всего врач, потому как обычные люди называют эпилепсию «падучей». Это факт. Во-вторых, если Лютиков врач, тогда он просто обязан был помочь несчастному юноше (хотя бы придержать голову). Но об этом ничего не говорится. Почему? В-третьих, с чего бы припадок эпилепсии называть подозрительным (цитировано слово в слово)?

Антон Федорович увидел во всём этом что-то нелогичное. В связи с чем и решил наведаться к господину Лютикову лично для прояснения упомянутых нюансов.

И вот уже наш письмоводитель уверенной поступью шагает мимо Десятинной и Андреевской церкви по Андреевскому же спуску в поисках дома господина Лютикова. Спуск, ведущий на Подол, здесь довольно крут и извилист, поэтому приходится всё время глядеть под ноги, дабы не покатиться кубарем вниз. Особенно это актуально зимой, когда мостовая превращается в ледяную горку. В это время года извозчики зачастую кобелятся, ломают двойную цену за подъем в Старый город.

Коллежский секретарь с интересом обнаружил, что по правой стороне спуска не хватает дома. Старую мазанку с флигельком снесли, место оградил забором. Вероятно, будут что-то строить. Зная, с каким размахом и изяществом в Киеве за последние годы возводят здания, можно было не сомневаться, что в первой русской столице появится еще один шедевр архи-

тектурного искусства. Душа радовалась за город, который за пять лет успел стать для Антона Федоровича родным.

Иван Иванович Лютиков действительно оказался врачом. Он занимал небольшую квартиру в первом этаже небольшого домика. В своих тесных апартаментах он умудрился устроить личный кабинет, где принимал больных. И что совсем замечательно, Лютиков был невропатологом.

Но обо всём по порядку.

Сперва Антон Федорович долго держал руку на электрическом звонке, дабы известить хозяина квартиры о серьезности своих намерений. Внутри послышался легкий топот, шуршание.

«Стало быть, женщина. Служанка. Или ассистентка. Хотя скорее первое».

Ни первое, ни второе. Женщина в строгом домашнем платье приходилась Лютикову женою. Обручальное кольцо не оставляло сомнений.

– Добрый день, сударыня, – учтиво поздоровался Горский.

«Голову держит ровно, но с опаской, так и норовит отвести взгляд в сторону. Вероятно, из мещан».

– Здравствуйте, – тихо пролепетала она. – Прошу вас, проходите.

– Благодарю.

Перед тем как войти, коллежский секретарь несколько секунд осматривал внутреннюю обстановку.

– У доктора сейчас пациент. Вам придется подождать, – предупредила дама. – Прошу вас, присаживайтесь.

С этими словами она удалилась, оставив Антона Федоровича в крохотной передней наедине со старенькой банкеткой. Помещение оказалось настолько тесным, что если бы не замызанное треснутое окно, выходящее на спуск, впору было ощутить себя жуком, посаженным в спичечный коробок. Между тем здесь, точно в народной сказке, имелось три выхода. Первый, разумеется, на улицу. Второй – во внутренние, надо думать, жилые покои. Ну и за третьей, самой более-менее презентабельной дверью слышался мягкий неразборчивый баритон. Там, по всей видимости, проходил сеанс терапии.

Коллежский секретарь присел и тотчас почувствовал себя некомфортно. Если бы его сейчас кто-нибудь увидел, то непременно бы над ним посмеялся из-за комичности обстановки, в которой он очутился. Находиться в глупом положении Горскому ужасно не нравилось и ужасно его злило. Будто самая комнатка провоцировала пациентов на агрессию и необоснованное проявление агитации.

«Здесь любому здоровому покажется, что он больной. Интересно, что это: намеренная проверка нервов до встречи с врачом или дефицит пространства?»

Исходя из скромных размеров домика, второй вывод звучал убедительнее.

В кабинете невропатолога начались физические упражнения. Скрип половиц перемежался с хрустом суставов. Несколько раз пациент умолял доктора «прекратить» и «сжалиться», неожиданно ойкал и резко выдыхал, точно его щекотали.

Антон Федорович терял терпение. Он хорошо понимал, что нервничать на приеме (пусть и деловом) у невропатолога не следует, однако ничего не мог поделать с тягостным чувством ожидания.

«Мыслящий человек, – успокаивал себя коллежский секретарь, – из любого простоя извлечет выгоду. Стало быть, есть прекрасная возможность обдумать насущные дела, спланировать будущий день или просто разобрататься в самом себе».

Но вот насущных дел у письмоводителя не нашлось, а рефлексировать в подобной обстановке отчего-то не хотелось. Единственное, что занимало его в ту пору, а вернее кто, – пресловутые вокзальные карманники.

«Неплохо же Лютиков живет, коли может себе позволить серебряные «Жорж Фавр-Жако». Не золотые, конечно, но и не мельхиоровые. И что собственно он делал на вокзале?»

Чем больше Антон Федорович размышлял, тем больше личность Лютикова его отталкивала. При расследовании всякого дела самое губительное – это субъективизм. Необходим единый равный подход ко всем действующим лицам, чего добиться крайне непросто, а порою и невозможно. Коллежскому секретарю пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить разгулявшуюся фантазию.

– С вас рубль пятьдесят, – послышалось за дверью.

«Стало быть, прием окончен».

Горский напрягся. Очень скоро ему предстоит важная встреча.

Из кабинета доктора вышел довольно высокий и корпулентный мужчина, возраст которого угадывался с трудом. Он внимательно уставился на чиновника Министерства юстиции, как будто его здесь никак не могло быть. Вероятно, он испугался, что незнакомый молодой человек всё слышал, стал свидетелем чего-то строго интимного. Впрочем, очень скоро тучный господин удалился, потеряв к Горскому всякий интерес.

– Добрый день, – поздоровался Антон Федорович, войдя в кабинет.

– Добрый день! Присаживайтесь! – улыбнулся врач.

Иван Иванович Лютиков представлял собою классический тип эскулапа: сухопарый, с клиновидною бородкой на остром подбородке, в пенсне. Взгляд мягкий, но очень сосредоточенный. Белый халат выделяется снежным сиянием. В левой руке стальное перо, в правой – миниатюрный, точно игрушечный, молоточек. На безымянном пальце обручальное кольцо.

– Я собственно... – не успел проговорить Антон Федорович, как был насильно усажен на стул.

– Вы присядьте, присядьте! – ходил возле него доктор. – И самое главное, не нервничайте.

– Я нисколько не нервничаю, – вспыхнул письмоводитель. – Я...

– Вы главное успокойтесь, – продолжал выводить из себя Лютиков. – Нервы – материя очень деликатная – восстанавливаются медленно.

– Я к вам по делу, доктор, – поспешил сообщить письмоводитель. – Позвольте представиться, коллежский секретарь Окружного суда Антон Федорович Горский, – он встал, вытянувшись по струнке, как того и требовал этикет. Лютиков понял его отнюдь не правильно.

– Очень рад! Что же вы вскочили, милейший Антон Федорович? Присядьте, присядьте! И прошу вас, не волнуйтесь. Я вам помогу.

Письмоводитель раздраженно вздохнул.

– Как раз это мне и нужно!

Тем временем Лютиков уже приступил к осмотру. Сначала он покрутил перед лицом Антона Федоровича указательным пальцем и попросил ответить, не двоится ли у него в глазах.

– Не двоится. Но вы меня совершенно не поняли... – ответил Горский, желая, наконец, открыть глаза неугомонному доктору.

– Ага. Значит, двоится? – уцепился за двусмысленную фразу дьявол в пенсне.

– Да нет же!..

– Сколько пальцев? – он вновь помаячил перед коллежским секретарем своим длинным худым перстом.

– Один, черт возьми!.. – в сердцах крикнул чиновник.

– Дотроньтесь указательным пальцем кончика вашего носа!

– Господи, доктор, я здесь вовсе не за этим...

– А вы не спорьте, милейший Антон Федорович. Выполняйте!

Горский понял, что артачиться с полоумным невропатологом бесполезно, поэтому безропотно исполнял то, о чём просил его Лютиков.

– Прекрасно! – воскликнул Иван Иванович. – Теперь сожмите руку в кулак. Отлично... Другую! Превосходно... А теперь окажите мне сопротивление!

Доктор уперся ладонями в длани Горского и попробовал того продавить. Письмоводитель, как и положено здоровому человеку, применил мышечную силу.

– Очень хорошо-с! – одобрительно кивнул Лютиков. После этого он пробил своим миниатюрным молоточком по сухожилию двуглавой мышцы под обоими локтевыми суставами. Рефлексы не заставили себя ждать. Ну и под конец осмотра невропатолог взял со стола тонкую кисточку и принялся водить ею по рукам «пациента».

– Прекратите, щекотно! – отмахивался Антон Федорович.

– Вы вполне здоровы, – недоуменно заключил Иван Иванович, почесав затылок. – Зачем же вы пришли?.. Вас беспокоят головные боли, мигрени?

– Слава Богу, хотя бы теперь вы дадите мне слово, – успокоился коллежский секретарь. – Вы, пожалуйста, присядьте, Иван Иванович, присядьте.

Лютиков сконфуженно опустил в кресло. Глаза его внимательно глядели на Горского.

– И самое главное, не нервничайте, – письменоводитель позволил себе немного мести. – Нервы – материя деликатная.

– Да-да, конечно... Я вас слушаю.

– В июне сего года на железнодорожном вокзале у вас украли часы, – после короткой паузы начал письменоводитель. – Серебряный хронометр фирмы «Жорж Фавр-Жако». Верно?

– Ах, вы пришли за этим... Но я уже давал подробные показания полиции. Или же... быть может... вы их нашли?.. – слабая надежда промелькнула в голосе Лютикова.

– Увы, нет. Не нашли. Пока не нашли. Но очень рассчитываем с вашей помощью их найти.

– Едва ли я смогу вам чем-либо помочь, так как всё, что помнил, я уже рассказал.

– И тем не менее мы имеем основания полагать, что вы нам поможете.

– Кто это «мы»? Вы явно не из полиции.

– Я помощник его высокородия судебного следователя Воскресенского. Прибыл по его поручению, – прибавил Горский для большей убедительности.

– Вот как?.. Что ж, я сделаю всё от меня зависящее.

– Итак, – Антон Федорович закинул ногу за ногу, сцепил руки в замок, – читая ваши показания, я обратил внимание на некий эпизод, который вы охарактеризовали как подозрительный. Припоминаете?

– Эпизод?.. – нахмурился доктор. Сняв пенсне, он долго тер переносицу, вспоминая события минувшего месяца. – Ах да!.. В тот день, когда у меня пропали часы, на вокзале один молодой человек изображал эпилепсию.

– Изображал? Что вы имеете в виду? – не понял Горский.

– Знаете, Антон Федорович, я за свою врачебную практику повидал немало больных этим недугом. Поверьте мне, я знаю, что говорю.

– Но как вы определили, что человек притворяется? Вы пытались ему помочь?

– Сперва, разумеется, хотел помочь, но, подойдя ближе, засомневался. Очень уж неправдоподобно корчился тот юноша. Почти не закатывал глаз. Так редко бывает. К тому же ему уже держали голову, поэтому моя помощь не требовалась.

– Вы точно уверены, что это была всего лишь инсценировка?

– При довольно длительном припадке в семь-восемь минут, он неимоверно быстро пришел в себя без характерного для выхода из эпилепсии состояния оглушенности и сонливости. Всё это жалкий спектакль, свидетелем которого, к глубочайшему моему сожалению, мне довелось стать.

– И вы все эти восемь минут за ним наблюдали?

– Хотелось понять, действительно ли он притворяется.

– И вы в этом убедились?

- Всецело.
- Скажите, а когда вы обнаружили пропажу часов?
- В вагоне, в тот самый момент, когда тронулся поезд. Хотел сверить время отправления...
- Вот как? Стало быть, вы уезжали? Но в ваших показаниях об этом не упоминается.
- Послушайте, господин Горский, какая разница: уезжал я или прибывал? Неужели это каким-то образом поможет найти вора?
- Возможно, что и поможет. Ничего нельзя исключать, – строго парировал письмоводитель. – Значит, вы уезжали. Позвольте осведомиться, куда?
- Ездил в уезд к одному давнему знакомому. Очень уж он меня просил. У него, знаете ли, расстройства серьезные. Вот и отправился...
- Постойте, но в вашем заявлении указана одна и та же дата: в день, когда вас обокрали, вы и обратились в полицию.
- Этого не может быть, так как я прибыл в Киев лишь на следующее утро. Тогда и обратился в полицию.
- Но я своими глазами видел...
- Стало быть, ошибка. Бывает.
- Ошибка... – лицо Антона Федоровича озарилось надеждой. – Значит, у вас украли часы, когда вы находились в зале отправлений?
- Этого я вам сказать не могу. Вероятнее всего да, но обнаружил я пропажу лишь в вагоне. Стало быть, украсть хронометр могли и на дебаркадере, и в зале отправлений, и на улице перед вокзалом, и, может быть, еще где.
- Гм. Вы можете описать того молодого человека? Как он выглядел? – взволновался Горский, подходя к самому главному.
- Столько времени прошло...
- Попытайтесь вспомнить, Иван Иванович. Это чрезвычайно важно.
- Ну... сублильный такой... лет двадцати двух – двадцати трех. Ну, как вам где-то.
- Мне двадцать семь...
- А вы неплохо сохранились!
- Глаза, волосы?
- Ох, не помню. Шатен, кажется.
- Во что был одет?
- Мешковатые брюки, поношенный сюртук песочного цвета...
- Высокий?
- Признаться, не знаю, так как видел я его уже лежащим. Оценить не сумел.
- При нем были какие-нибудь вещи?
- Кажется, никаких... Я бы заметил.
- Кругом, вероятно, собралось немало зевак?
- Вы правы: обступили так, что не подойдешь. Будто эпилепсии никогда не видели!
- Многие действительно с нею не сталкивались.
- Это отнюдь не оправдание, господин Горский, – Лютиков прислушался к скрипу входной двери. Вероятно, прибыл очередной пациент. – Полагаю, я ответил на все ваши вопросы, – он встал, показывая, что разговор окончен.
- На все. Благодарю вас, – намек врача Антон Федорович понял правильно.
- С вас, кстати, рубль с полтиною, – напомнил эскулап.
- За что же?? – ахнул коллежский секретарь.
- Как же? За осмотр!.. Ну хорошо, так и быть, раз вы пытаетесь найти мои часы, с вас рубль.

Покрасневший письмоводитель никак не рассчитывал расставаться с целковым. Но деваться было некуда, а спорить Антон Федорович посчитал ниже своего достоинства. Проныра-доктор знал, как заработать.

Положив на стол серебряный рубль, Горский откланялся. У самой двери он вдруг обернулся.

– Вы точно помните, что обратились в полицию на следующий день после кражи? – спросил он.

– Вот вам крест, – Иван Иванович усердно перекрестился.

– Благодарю вас, доктор!

Серебряный рубль был потрачен не зря.

2. Антреприза

После встречи с влиятельным господином нервы Кондратия Яковлевича вернулись в устойчивое состояние. Безусловно, он не мог быть полностью доволен разговором, ибо моментального решения не последовало, но не стоит желать журавля в небе, когда нет и синицы в руках. Всему свое время. Покровитель всегда держит слово, а значит, что-нибудь обязательно для него придумает.

Воскресенский умиротворенно пил чай, поглядывая на высокие тополя Бибиковского бульвара. За окном камеры сновали прохожие, проезжали экипажи, ругались извозчики, грохотали трамваи. Приличная публика прогуливалась по аллее, отдыхала на скамейках. Городская суета многих господ страшно угнетала, а Кондратия Яковлевича напротив – ободряла. В этой суете он ощущал гармонию, чувствовал себя в своей тарелке.

Вторая половина дня началась с визита очередного свидетеля. Свидетель этот прибыл несколько раньше положенного, чем вызвал некоторое неудовольствие его высокородия. Гнев Воскресенского был связан исключительно с отсутствием письмоводителя, Антона Горского. Антон Федорович зарекомендовал себя человеком весьма пунктуальным и в высшей степени ответственным, поэтому к означенному времени начала допроса, безусловно, явится, думал Кондратий Яковлевич. Тут не может быть и сомнений. Иначе кто будет записывать? Но и заранее, скорее всего, ожидать коллежского секретаря не стоит – у этого молодого человека всегда находится масса дел, каждая секунда для него на вес золота.

Свидетелю ничего не оставалось, как смиренно дожидаться начала допроса. Впрочем, сам виноват. Судебному следователю за неимением занятия более важного, чем чаепитие, пришлось имитировать работу, просматривая и перекладывая старые показания.

Видавшие виды незамысловатые настенные часы мерно отстукивали секунды. Время – наше четвертое измерение. Оно всегда сопровождает нас по жизни то замедляясь, словно уставший скакун, то ускоряясь, будто курьерский поезд. А в камере судебного следователя Бульварного участка оно и вовсе приобрело стихийный характер.

Отрезок до означенного срока пролетел для Кондратия Яковлевича мгновенно. Подняв глаза и обратив их на стену, статский советник к своему глубочайшему удивлению обнаружил, что минутная стрелка приблизилась на критическое расстояние к римской двойке. Брови Воскресенского поползли вверх, от растерянности раскрылся рот. Горского отчего-то всё еще не было.

Боявшийся сказать слово свидетель, воспользовавшись конфузливый состоянием судебного следователя, осмелел и пошел в наступление:

– Прошу прощения, ваше высокородие. Не пора ли начинать?

Кондратий Яковлевич нервно дернул уголком рта, неохотно повернул голову в сторону ожидавшего господина.

– Сейчас начнем, – холодным тоном произнес Воскресенский перед тем, как выйти из камеры. Он отправился в полицейский участок (то есть в соседнее помещение) просить пристава позволить ему воспользоваться услугами полицейского письмоводителя за отсутствием своего собственного.

– Не жирно ли вам, Кондратий Яковлевич, держать в письмоводителях коллежского секретаря? – донельзя саркастически и едко бросил пристав. – Теперь вот пожинаете плоды.

Необоснованный укол в свой адрес статский советник пропустил мимо ушей. Ни о каком высокомерии Антона Федоровича не могло идти и речи. Ну и что же, что письмоводитель – чиновник X класса? В Окружном суде еще и не такое бывает.

«Но где, черт возьми, Горский??»

Воскресенский начал допрос при содействии полицейского чиновника. Ждать более не было никакой возможности. Очень уж неловко выходило перед свидетелем.

Между тем Антон Федорович как в воду канул. Кондратий Яковлевич забеспокоился: хорошо ли с ним всё? Быть может, что стряслось... Быть может, несчастье... То и дело терял нить разговора, забывал вопросы, которые собирался задать. Судьба Горского была ему отнюдь не безразлична.

Допрос с горем пополам кончился. Еще никогда судебный следователь Воскресенский не терпел подобных фиаско. Итог беседы с заранее прибывшим господином оказался неутешительным: ничего стоящего узнать не удалось. Честно признаться, Кондратий Яковлевич не шибко и стремился узреть правду, ибо его мысли витали если не в облаках, то где-то рядом. Отсутствие письмоводителя не давало ему покоя.

Антон Федорович откинул серебряную накладку и поглядел на эмалевый циферблат карманных часов «Павел Буре». Времени до начала допроса оставалось намного меньше, чем он рассчитывал, однако его вполне хватало на неблизкую прогулку до Бульварного полицейского участка, в котором держал камеру судебный следователь Воскресенский. Чтобы уж точно не опоздать, коллежский секретарь решил подъехать на трамвае с пересадкой у нового Оперного театра, открытого в сентябре прошлого года. Трамваи ходили от Андреевской церкви, поэтому молодому человеку достаточно было подняться обратно по спуску. Путь наверх он преодолел за считанные минуты.

Чудная пятиглавая церковь, построенная по проекту архитектора Растрелли, чем-то отдаленно напоминала магометанскую святыню с высокими минаретами. Своей оригинально-

стью она вносила необходимый колорит в плеяду схожих киевских храмов, при этом отнюдь не вызывала брезгливости среди православного люда. Эффектно возвышаясь на берегу Днепра, она хорошо просматривалась с Подола и имела еще несколько особенностей. Во-первых, фундаментом церкви служил белый двухэтажный дом, уходящий по спуску вниз, а во-вторых, у церкви отсутствовала колокольня. Доподлинно неизвестно, что стало тому причиной, но существует поверье, что коли ударил бы колокол на «Андрее», то непременно вызвал бы волнение на Днепре, способное затопить весь город. Так вот.

Барышни порою остроумно шутят, назначая свидания у Андреевской колокольни. Это значит, что ни на какое свидание навязчивый кавалер может не рассчитывать.

К Андреевской церкви вела широкая лестница. А так как самая церковь располагалась фактически на двухэтажном доме-фундаменте, то со стороны Большой Владимирской открывался невероятный вид: монументальная каменная лестница, ведущая на крышу. На первой ступеньке стояла очень молодая и очень симпатичная барышня с кремовым зонтиком.

Горский тотчас отметил ее прекрасное личико, тонкий стан и дорогой наряд. Легкое летнее платье из газа с муслиновыми рукавами жиги и шемизеткой всецело соответствовало моде начала века. Аккуратная шляпка подчеркивала утонченный вкус, а кремовый зонтик добавлял шарма.

Барышня обращала на себя внимание правильными чертами лица и выразительными голубыми глазами. Русые волосы, собранные в укладку, смотрелись бы много лучше в косе, как носят деревенские девушки. Но светские законы не терпят исключений. *Noblesse oblige*. Ей было никак не больше двадцати, но уже сейчас в этой прелестной особе хорошо просматривалась любовь к роскоши, следование модам.

Направляясь к трамвайной остановке, коллежский секретарь краем глаза поглядывал на барышню в белом. Ему безудержно захотелось завязать с нею разговор, прогуляться рядом, однако ни о каком общении, разумеется, не могло идти и речи. Давненько с Антоном Федоровичем не случалось ничего подобного, давненько не трепетало его сердце.

Горский стоял у трамвайного павильона и думал о том, что, быть может, вот его шанс, его судьба, от которой он бездушно отворачивается. Глядя на приближающийся вагон, он проклинал себя за излишнюю сдержанность, за упрямое рыцарское благородство, которое, возможно, никто и никогда не оценит и не поймет.

Взглянув в последний раз на лестницу Андреевской церкви, Антон Федорович едва не вскрикнул от неожиданности: барышня в белом платье неподвижно лежала на ступенях, рядом валялся кремовый зонтик.

Забыв о том, что до начала допроса оставалось совсем мало времени, письмоводитель мигом оказался возле потерявшей сознание незнакомки.

– Сударыня! Сударыня, с вами всё в порядке?.. – склонившись, взволнованно пробормотал Горский. Дотронуться до барышни казалось ему преступлением.

– Обморок, – как ни в чём не бывало констатировал прохожий господин с сединою.

– Что же делать??

– Да ничего, – пожал плечами мужчина. – Такое иногда бывает. Жара, нервы-с. Скоро очнется, вы так не волнуйтесь.

– Я и не волнуюсь! – буркнул Горский. Призыв «не волнуйтесь» или «не нервничайте» способен порою вывести из себя.

– А то можете искусственным дыханием барышню оживить, – подмигнул неизвестный господин и удалился, сотрясаясь от флегматичного сухого смеха.

– Мерзавец, – процедил сквозь зубы письмоводитель, наливаясь краской.

Требовалось что-то предпринять. Коллежский секретарь не нашел ничего лучшего, как похлопать несчастную барышню по щекам. Молодая аристократка приоткрыла глаза. Не голубые, а синие, будто сапфиры, очи ровно глядели на Антона Федоровича.

– Кто вы?.. – прошептала она удивленно. – Что со мной?..

– Вы упали в обморок, сударыня. Позвольте я вам помогу.

Горский подал ей руку. Барышня присела на ступеньку, Антон Федорович присел рядом. Касание ее ладони точно молнией пронзило молодого чиновника.

– Вы не ушиблись? – коллежский секретарь и мечтать не мог о том, чтобы находиться к ней так близко. Он видел, как поднимается и опускается ее грудь, как подрагивают на ветру выбившиеся из укладки пряди, чувствовал неповторимый амбре французских духов.

– Я? Нет-нет... Благодарю вас... Я смогу идти...

Она резко поднялась, но, не пройдя и трех шагов, рухнула как подкошенная, благо вовремя подоспел Антон Федорович – в последний момент подхватил обессилившую незнакомку. От тесного контакта, от невозможно близких соприкосновений в голове у него самого едва не случилось затмение, сердце забило барабанную дробь. Пальцы крепко держали хрупкую фигуру барышни, столь неожиданно оказавшуюся в его объятиях.

«Вот так поворот».

– Очнитесь, сударыня! Ради Бога, очнитесь!

– Мне так перед вами стыдно... – первое, что вымолвила она, придя в себя. – Я так слаба... Господи...

– Вам не о чем волноваться. Такое бывает, – неосознанно ответил письмоводитель словами скабрезного прохожего. – Вам лучше вернуться домой. Позвольте я найму извозчика?

Аристократка утвердительно кивнула. На беду ни одного извозчика поблизости не случилось. Искать пролетку следовало на Житомирской улице или Михайловской площади. Испросив разрешения, Горский взял барышню на руки. Понимая, что к началу допроса он уже не успеет, Антон Федорович, тем не менее, нисколько не жалел о содеянном: помощь ближним всегда должна рассматриваться первостепенной задачей любого православного христианина.

Пролетка отыскалась лишь у Михайловского монастыря. Коллежский секретарь счел своим долгом сопроводить барышню до дома, а заодно и разузнать место ее постоянной дислокации. Путь лежал в Липки – самый фешенебельный район Киева. К Липкам, кстати, относилась и Николаевская улица, на которой проживал Антон Федорович со своим дядей.

Подъехав к большому особняку, Горский нисколько не удивился – внешний вид незнакомки однозначно указывал на ее высокое аристократическое происхождение. Вероятно, она приходилась дочерью какого-либо видного киевского промышленника, администратора или военного. В любом случае ему это вряд ли удастся узнать. Заходить в такой дом Антону Федоровичу отчего-то не хотелось.

– Благодарю вас... Что бы я без вас делала? – кокетливо улыбнулась барышня необычайно пленительной улыбкой. От этой улыбки у Горского перехватило дыхание. – Но как вас зовут? Я даже не знаю, кому я обязана своим спасением!

– Вы преувеличиваете, сударыня... Антон Федорович Горский мое имя. Коллежский секретарь Окружного суда, – зачем-то прибавил молодой человек. Называться письмоводителем он постеснялся.

– Агата, – вновь улыбнулась барышня, протягивая руку. Как и требовал этикет, Антон Федорович едва коснулся губами ее кисти.

– Я безумно счастлив с вами познакомиться, Агата...

– Лучше без отчества.

– Позвольте мне спросить вас?

– Спрашивайте...

– Что вы делали там у церкви?

– Ах, пустое... забудьте.

– И всё же?

Барышня вспыхнула. Тема эта не доставляла ей удовольствия.

– Вы пришли на свидание?... – догадался Антон Федорович и чуть не прыснул от смеха. Барышня смутилась пуще прежнего. – Ответьте, прошу вас!

– И что же тут такого? – уязвленно вскинула брови Агата.

– Вам, верно, назначили у Андреевской колокольни?

– Положим, так, – с достоинством выгнула спину аристократка.

– Только вы не учли, что у Андреевской церкви колоколов нет.

– Да?... – барышня сперва немало удивилась, но затем вдруг искренно и звонко рассмеялась. Умение смеяться над собой – качество чрезвычайно важное и полезное. Рассмеялся с нею и Горский. Разумеется, хохотать в одиночку он бы не посмел. – Что ж, приму к сведению. Надеюсь, вы не будете столь легкомысленны и не станете назначать мне свидание в несуществующем месте.

Горский чуть не подавился воздухом. Аристократка весьма деликатно и в то же время очевидно недвусмысленно настаивала на новой встрече. От стремительно развивавшихся событий у коллежского секретаря не осталось времени на размышления. Решение надо было принимать здесь и сейчас незамедлительно.

– Жду вас завтра в восемь вечера в ресторане при Гранд-Отеле, – смело заявил чиновник Министерства юстиции, памятуя, что едва ли сможет освободиться раньше семи. Особенно ввиду нынешнего опоздания.

– Прекрасный выбор, Антон Федорович, – одобрила барышня. – Я непременно буду!

– До скорой встречи, Агата! – Горский вновь приложился к руке обворожительной красавицы, чувствуя, как за его спиной вырастают крылья.

Антон Федорович опоздал на 36 минут. Тридцать шесть минут – для некогда пунктуального молодого человека опоздание вопиющее и недопустимое. Но что больше всего изумило взволнованного и растерянного Кондратия Яковлевича, так это то, что Горский явился в превосходном расположении духа, как будто ничего не произошло.

– Антон Федорович, – нехорошим голосом начал судебный следователь, – извольте посмотреть на собственные часы. Полагаю, они у вас безнадежно отстают.

– Вовсе нет. Мои часы не менее точны, чем ваши... Кондратий Яковлевич, прошу меня простить. Я очень перед вами виноват.

– Позволь узнать, что послужило причиной смены твоих приоритетов? Вижу, пунктуальность для тебя перестала быть определяющей, – строго сказал Воскресенский, перейдя на «ты».

– Я помог человеку, который нуждался в помощи... – завуалированно объяснил коллежский секретарь, не желая упоминать, что речь идет о барышне.

– Ну-ну. Не замечал, что тебя так воодушевляет оказание помощи, – статский советник не поверил, явив кривую ухмылку. – На первый раз прощаю.

– Благодарю вас, Кондратий Яковлевич. Такого впредь не повторится!

– Не зарекайся. Мало ли что может случиться, – назидательно вздохнул судебный следователь. Через несколько минут он уехал, оставив Горского наедине со своими мыслями.

Но думы думать, как говорили в старину, коллежскому секретарю не пришлось: имелось неотложное занятие. Беседа с Лютиковым явила два направления дальнейшего хода расследования. Во-первых, странный юноша для чего-то разыгравший припадок падучей. Логика подсказывала, что действовал лжеэпилептик в целях привлечения внимания большого числа дам и господ. То есть создавал благоприятную среду для воровского промысла. Стало быть, этот субъект весьма вероятно причастен к вокзальным кражам. Во-вторых, как оказалось, Лютикова обокрали на день раньше заявленного. Это дает возможность отыскать иного потерпевшего за тот день. А таковые, безусловно, должны быть, потому что инсценировать припадок падучей в столь людном месте ради одной единственной кражи, по меньшей мере, глупо. В этой связи Антон Федорович имел все основания полагать, что в означенный день непременно отыщется еще один, а, быть может, и двое потерпевших.

Так оно и вышло. За тем лишь исключением, что потерпевших в день, когда обокрали Лютикова, оказалось целых трое! Не зря, выходит, был устроен спектакль с падучей.

Не теряя ни минуты, Горский одно за другим перечитывал нужные показания, внутренне понимая, что ни о какой эпилепсии в них говорить не будет. Данные сочинения он уже читал, но педантичная скрупулезность заставляла всё перепроверить. Итог оказался предсказуемым.

Затем коллежский секретарь обратился непосредственно к личностям трех иных, за исключением Лютикова, потерпевших. Все трое выступали в роли провожатых, а потому заявили в полицию тотчас, не дожидаясь следующего дня. Причём двое господ (Лапкин и Капканцев) приходились друг другу товарищами, состояли экстраординарными профессорами в Киевском Императорском университете и довольно хорошо знали Антона Федоровича – некогда образцового студента. Третьей была жена обер-офицера Генкеля. Женские натуры особенно подвержены состраданию, поэтому госпожа Генкель имела все предпосылки стать ключевым свидетелем в этом сложном деле. Ее Антон Федорович оставил напоследок, решив начать с товарищей-профессоров.

Господин Лапкин квартировал неподалеку: на Караваевской. Летний месяц не гарантировал застать профессора дома, однако фортуна в тот день отворачиваться от Горского не стала. Чрезмерно спокойный и при этом удивительно мнительный Лапкин с большим нежеланием впустил к себе своего бывшего студента. Сквозь толстые очки профессора на письмоводителя глядело самое непонимание, приправленное неодобрением. Диалог их сразу не задался. Быть может, поэтому Лапкин ни о каком эпилептике говорить не стал, а возможно, такового попросту не вспомнил.

Куда радушней Горского принял профессор Капканцев. Этот угостил письмоводителя и чаем с печеньем, и ликёром, и предложил даже с ним отобедать, но Антон Федорович от всего деликатно отказался, согласившись лишь на чай. При всей словоохотливости и открытости, ничего нового Капканцев не сообщил. Юношу-эпилептика он также не вспомнил.

Зато вспомнила госпожа Генкель. Обер-офицерша провожала в командировку своего капитана, когда в зале отправления как подкошенный упал на пол высокий русский юноша в просторном песочном сюртуке. Припадок падучей, случившийся с ним, длился не менее шести-семи минут, что всецело совпадало с показаниями Лютикова. Вокруг собралось много зевак, поэтому неудивительно, что у госпожи Генкель впоследствии пропал золотой браслет. Никого

подозрительного вокруг она не видела. На вопрос Горского, что было потом с эпилептиком, ответить затруднилась, однако четко заверила, что багажа при юноше не было.

Неофициальное следствие, начатое Антоном Федоровичем, зашло в тупик. Ниточка, за которую он ухватился, быстро и со свистом оборвалась: по полученным описаниям найти в Киеве высокого молодого шатена в песочном сюртуке не представлялось возможным.

Утром коллежский секретарь изложил свои мысли Воскресенскому. Одна голова хорошо, а две, как известно, лучше. Кондратий Яковлевич внимательно выслушал своего письмоводителя, но, как и предполагалось, ничего дельного посоветовать не смог. И вообще судебный следователь выглядел рассеянным и обремененным. Чтобы как-то его отвлечь, Горский заговорил о политике.

– Как вы считаете, чем обернется для нас русская экспансия в Маньчжурии? – спросил молодой человек.

– О чём это ты? – очнулся Воскресенский.

– Я о Квантунской области, которую мы недавно арендовали у Китая. Говоря хирургическим языком, приживется ли новый край или Россия его отторгнет?

– Чтобы он прижился, надо сперва подчинить Маньчжурию, которая отделяет арендованный анклав от метрополии, – резонно заметил статский советник.

– Но ведь вопрос: за счет чего он будет приживаться? Одни говорят, за счет военной мощи. Другие, в числе которых министр финансов, – за счет экономического влияния. Первые строят крепость Порт-Артур, вторые – порто-франко Дальний. Вы лично за какую экспансию?

– За умеренную.

– Поясните, пожалуйста.

– Нужен комплексный подход. Одним мечом область, да и Маньчжурию в целом, не подчинишь. Но и одной экономикой дело не выгорит. Да, экономическая экспансия эффективна, но чревата последствиями. Давно сказано *si vis pacem, para bellum*. Поэтому развивая экономику, не стоит забывать о защите своих рубежей.

– Полностью разделяю вашу точку зрения. Однако согласитесь, Кондратий Яковлевич, идея Витте о постройке крупнейшего на Тихом океане порта выглядит весьма заманчиво?

– Витте – гениальный администратор и выдающаяся личность, – одобрительно отозвался судебный следователь. – Если у него получится превратить Дальний в русский Гонконг, ему впору будет ставить памятник!

– В газетах пишут, что Дальний – самый красивый город Империи. Он строится в лучших традициях европейской архитектуры, учитывая местный колорит. Видели бы вы, какие чудесные фотографии Дальнего публикуют в газетах!

Воскресенский внимательно поглядел на своего письмоводителя, будто что-то прикидывая. В глазах статского советника появился азартный блеск.

– Неужели, если бы у тебя была возможность, ты бы отправился на край света, в этот Дальний? – вызывающе, но очень осторожно спросил судебный следователь.

– О, да! Признаюсь вам, я уже года три мечтаю там побывать.

– Даст Бог, ты там окажешься.

Чтобы мечты сбывались, надо трудиться. Трудиться самоотверженно, честно и добросовестно. Антон Федорович это хорошо знал, поэтому снова взялся за вокзальных карманников. Поразмыслив над этой нелегкой задачей, коллежский секретарь нашел путь, который подсказывала логика.

Итак. С большой долей уверенности можно сказать, что припадок эпилепсии, случившийся с высоким молодым человеком в зале отправлений, способствовал обворовыванию сразу четырех человек. Это факт. Следовательно, можно предположить, что обворованный на

Вознесение квинтет обывателей также стал свидетелем лжеприпадка падучей у подозрительного шатена. Иначе как еще объяснить невнимательность пятерых лиц одновременно?

В новом раскладе, после уточнения нюанса с доктором Лютиковым, картина выходила следующая: 27 дней – по одной краже, 15 дней – по две кражи, 1 день – три кражи, 2 дня – по четыре кражи и 1 день – пять краж. Выписав в памятную книжку адреса и имена потерпевших за те дни, когда было совершено три и более кражи кряду, Горский принялся методично и последовательно обходить каждого из них, навещать к каждому домой или в присутствии. Особое внимание он уделял дамам и барышням, как самым впечатлительным категориям. Испросив у Кондратия Яковлевича благословения, Горский целый день промотался по городу, успев поговорить с семью (!) свидетелями. Результаты превзошли все его ожидания и открыли много любопытного.

Две преклонных лет дамы, обворованные в один и тот же день, не сговариваясь, вспомнили, как стали свидетелями неприятного инцидента: у бледного бородатого мужчины случился сердечный удар. Держась за сердце, мужчина минут пять просидел на полу возле буфета. Его тотчас обступили, предложили помощь. С ним всё, слава Богу, обошлось, но вот обедавшие в буфете дамочки вскоре обнаружили пропажу денег из собственных ридикюлей. Впрочем, ни одна из них не взялась утверждать, что кредитные билеты у них вытащили именно в тот момент, когда они отвлеклись на несчастного господина.

Антон Федорович допускал, что такие совпадения возможны, однако разум подсказывал обратное. Довольный проделанной работой, усталый, но воодушевленный, он поспешил скорее домой, чтобы к свиданию с Агатой подойти во всеоружии. Умывшись, побрившись, уложив волосы фиксатуаром, взбрызнувшись одеколоном и сменив форменный сюртук на партикулярное платье, коллежский секретарь отправился в Гранд-Отель, до которого было рукой подать. Как и подобает джентльмену, пришел загодя, занял великолепный столик у окна, заказал белого вина. Сам он предпочитал красное, однако знал, что большинство барышень любят белое. С волнением и трепетом пригладил зализанную шевелюру (которую не мешало бы остричь), звякнул крышкой карманных часов. Стрелки «Павла Буре» показывали пять минут девятого. Официант за это время успел принести вино и два бокала.

Барышня появилась в восемь с четвертью. Горский узнал ее сразу, как только она вошла в ресторан. Сегодня на ней было чудесное светло-зеленое шелковое платье, выгодно подчёркивавшее ее тонкую талию. Быстро сориентировавшись, шатенка под села к молодому чиновнику в штатском.

– Добрый вечер, Антон Федорович! – мило произнесла она. Голос ее опьянял и завораживал, синие глаза сводили с ума.

– Добрый вечер, Агата! Вы даже не можете себе представить, насколько я рад вас видеть! Вы замечательно выглядите!

– Мерси, – улыбнулась барышня. – Мне стоило больших усилий незаметно выйти из дома.

– Почему же? Вам еще нет шестнадцати?..

– Увы, есть, – хихикнула Агата. Веселья ей было не занимать. – Однако папенька не позволяет мне в одиночку гулять по городу. Говорит, это неблагоразумно и опасно. Особенно вечером. Он у меня очень строгий.

– Вы ему не сказали, что у вас свидание?

– Что вы! Он и слышать не хочет о моих свиданиях! Он сам находит мне женихов из высшего света. Но знаете, Антон Федорович, ни один из них не запомнился мне так, как запомнились вы.

У Горского перехватило дыхание. Наполнив бокалы, он предложил выпить за знакомство, которое так внезапно случилось.

– А что ваш батюшка делает с особо настойчивыми кавалерами? – игриво осведомился письмоводитель, пытаясь соответствовать тону собеседницы.

– Своих протеже поощряет, а со всеми остальными не церемонится. Я, Антон Федорович, очень боюсь, что этого свидания он вам не простит. Он очень влиятельный! Будут у вас из-за меня проблемы...

– Проблем я не боюсь, потому что человеку всегда под силу решить самую на первый взгляд трудную задачу, – бравировал Горский. – Даже если вскорости я потеряю должность и меня выставят со службы, я ни разу не пожалею о том, что однажды провел с вами прекраснейший вечер!

Барышня вспыхнула, жантильно улыбнулась. Коллежскому секретарю было с ней необычайно легко и приятно. Как-то сразу они нашли общий язык, общие душевные мотивы. Заказав легкие блюда, они продолжили осыпая друг друга комплиментами, изредка притрагиваясь к вину.

– А знаете ли вы, дорогая Агата, в каком замечательном месте мы сейчас с вами ужинаем? – решил блеснуть эрудицией Горский, когда подали жаркое.

– Разумеется, это один из лучших отелей города! – снисходительно ответил барышня.

– Не только.

– Чем же так примечателен этот отель?

– В самом отеле ничего примечательного нет. Я сейчас говорю о ресторане. Мне довелось читать, что именно здесь в 1878 году прошли первые в Киеве сеансы электроосвещения.

– Как интересно! – искренно воскликнула шатенка. – Аж в 1878 году! Я тогда еще не родилась...

– А мне уже было три года, – улыбнулся Антон Федорович. – Нам с вами, Агата, выпал уникальный шанс жить в эпоху технического прогресса!

– А вы большой романтик! И как это у вас получается в вашем скучном Окружном суде?

– Напротив. Окружный суд – заведение весьма живое. Каких только дел там не слушаешься!..

– Только там совсем не поют...

– Еще не хватало, чтобы в суде пели!

– Поэтому я предпочитаю театр. А пойдете завтра в оперу? – предложила барышня.

– С удовольствием! Беру на себя все расходы! – охотно вызвался Горский. – Но как мы встретимся?..

– А вы подъезжайте за мной завтра к шести вечера! В табельные дни спектакли начинаются поздно.

Утром следующего дня, когда судебный следователь Воскресенский со своим письмоводителем пили чай, в камеру ввалился участковый пристав Закусилов со стопкой документов в руках.

– Что стряслось, голубчик? – уставился на него Кондратий Яковлевич.

– Вот, извольте. За вчерашний день поступило три новых заявления о кражах.

– Дайте угадаю, все три на вокзале?

– Точно так, ваше высокородие... Одолели черти вокзальные! – в сердцах выругался пристав.

– Позвольте взглянуть, – Антон Федорович бесцеремонно схватил документы и с жадностью принялся их читать.

Быстро пробежавшись глазами по заявлениям и по протоколам допросов, Горский ничего интересного в них не обнаружил.

– Семен Петрович, у меня к вам большая просьба, – обратился письмоводитель к участковому приставу. – Обязательно справляйтесь у новых потерпевших о внезапных, но незначительных происшествиях. Пусть вспоминают. Быть может, кто-то стал свидетелем припадка падучей или сердечного удара. Это чрезвычайно важно.

– Хорошо, – настороженно кивнул Закусилов. А затем прибавил, улыбнувшись Воскресенскому: – Сдается мне, Кондратий Яковлевич, ученик превзошел учителя. Не так ли?

Судебный следователь нервно сглотнул, выдавив из себя кривую ухмылку.

– Вы позволите мне навестить этих господ? – спросил дозволения Горский, надевая фуражку.

– Иди!..

Жертвы прибыли в Киев из Москвы, куда ездили по службе и по личным обстоятельствам. После навоящих вопросов Антона Федоровича все трое вспомнили о юной барышне, внезапно потерявшей сознание прямо посреди зала прибытия. Девушку тотчас обступила готовая прийти на помощь публика (сплошь мужского полу). Стало ли это минутное рассеивание внимания ключевым, никто из потерпевших не знал, но дома каждого из них ждал неприятный сюрприз: у двоих пропали часы, у третьего – жемчужная булавка из галстука.

Шайка карманников уже отнюдь не ограничивалась двумя мазуриками. Это была настоящему сплоченная артель, «работавшая» в промышленных масштабах. Этим господам (среди которых оказалась и дама) удалось поставить на поток воровство драгоценностей, портмоне и часов. При этом вот уже более двух месяцев они ловко дурачат полицию, не желая попадаться в ее лапы.

Далее Антон Федорович сделал для себя страшное открытие: число пострадавших от рук этой шайки должно быть раза в полтора больше. Дело в том, что у покидающих Киев господ физически нет возможности подать заявление в полицию. Едва ли кто-либо отправляющийся в Москву или в Одессу отложил свой вояж из-за утери часов или браслета.

После обеда Горский заехал к двум из пяти обворованным на Вознесение. Господин из Управления государственным имуществом и преподаватель латинского языка из Духовной семинарии неожиданно вспомнили, как в тот день на вокзале некая юная барышня свалилась в обморок. Описание ее в точности совпало с описанием давешней особы. Оба мужчины не придали этому обстоятельству большого внимания, а потому не упомянули его при обращении в полицию.

Опрашивать остальных свидетелей Горский не стал, потому что он уже догадался, как вывести преступников на чистую воду.

Прежде чем вернуться в Бульварный участок, Антон Федорович наведился в кассы новенького Оперного театра, который недовольные скептики сразу после постройки окрестили

«огромной жабой». Трудно поспорить, но здание, выходящее фасадом на Большую Владимирскую, действительно напоминало по своей форме это скользкое земноводное.

Вечером давали оперу в четырех действиях «Манон Леско» Джакомо Пуччини по одноименному роману аббата Прево. С момента открытия театра в сентябре прошлого года Горскому лишь однажды удалось побывать в нем. Зимой дядюшка Алексис любезно пригласил племянника на «Евгения Онегина», разжившись где-то контрамаркой.

Цены на билеты повергли Антона Федоровича в немое оцепенение. Он, конечно, предполагал, что театр – удовольствие не для бедных, но не думал, что оно окажется таким дорогим. Самые дешевые билеты продавались на галёрку. Их можно было приобрести всего за полтину, однако с такой аристократкой, как Агата, и ложи первого яруса мало, не говоря уже об амфитеатре или партере. Хотя первые ряды партера стоили более четырех целковых.

Выбор письмоводителя колебался между ложей бенуара и бельэтажа. В итоге Горский решил не жадничать и купил два билета в бельэтаж, уплатив за них 20 рублей (!) или $\frac{4}{5}$ своего месячного жалованья. Очень он надеялся на то, что синеглазая барышня оценит его щедрость.

От театральных касс коллежский секретарь подъехал на трамвае до угла Бибиковского бульвара и Безаковской. Войдя в камеру судебного следователя, он сходу заявил:

– Я всё понял. Завтра, самое позднее – послезавтра, мы их возьмем.

– Кого? – не понял Воскресенский.

– Вокзальных мазуриков.

Кондратий Яковлевич от удивления раскрыл рот.

– Что для этого нужно?

– Сегодня же надо собрать сведения обо всех театральных труппах, гастролирующих в Киеве с 24 апреля. Пусть помощники Закусилова наведаются в новый театр Соловцова, в театр Бергонье, в Оперный, а также в Лукьяновский и Троицкий народные дома и в театр в Контрактном доме. Надо будет установить места проживания подходящих трупп. Не думаю, что их наберется много, поэтому, Кондратий Яковлевич, сразу после доклада Закусилова поезжайте к прокурору и заставьте его выписать бумагу для производства обыска. Раз ни одна вещь не всплыла в ломбардах, логично предположить, что эти гастролёры их коллекционируют. Хотят, вероятно, сбыть в другом городе.

– Ты полагаешь, что преступники артисты?..

– Я в этом уверен.

Воскресенский побежал к участковому приставу, а Горский поспешил домой переодеться. Два билета в ложу бельэтажа приятно грели душу. Он уже чувствовал, что этот вечер станет для него поворотным.

Дома Антон Федорович столкнулся с большой проблемой: на театральные представления этикет предписывал штатским господам являться во фраке. Фрака у него не было, а бежать в магазины готовых платьев не позволяло время. Паника тотчас охватила молодого чиновника, поездка в театр стала под вопросом. На выручку племяннику пришел дядя Алексис. Алексей Семенович, порывшись в собственном гардеробе, отыскал два старых узких фрака, в которых он щеголял до тех пор, пока талия не пошла вразнос. Один из них Антон Федорович и надел. Лакей Дмитрий быстро нашел к нему чистую манишку, манжеты, пикейный жилет и белый галстук-бабочку. Брюки пришлось коллежскому секретарю в самый раз, а вот белые замшевые перчатки слегка болтались. Впрочем, это уже были мелочи.

Напыщенным франтом подъехал Горский к крыльцу большого особняка в Липках. До шести вечера оставалось 5 минут. Спрыгнув с коляски, Антон Федорович решил размяться, так как знал, что Агата непременно задержится. Беззаботно разглядывая богатый дом, в котором жила барышня, он мысленно представлял, как будет однажды входить в него в роли ее жениха...

Размышления письмоводителя во фраке прервали двое крепких джентльменов в модных коротких сюртуках – пиджаках, вышедших из особняка вместо Агаты. Быстро приблизившись к молодому франту, они ловко подхватили его за локти и без лишних слов потащили в дом.

– В чем дело, господа?!.. – растерялся от такого приема коллежский секретарь.

Антон Федорович оказался в особняке дамы сердца намного быстрее, чем он рассчитывал. Богатое убранство вестибюля и широкая мраморная лестница, устланная красным ковром, производили приятное впечатление. Однако любоваться красотами роскошного дома молодому человеку довелось мало, потому что его сразу затащили в просторный кабинет с высокими окнами. У окна спиной к входу стоял невысокий пожилой господин в белой сорочке и черном жилете – не иначе хозяин и одновременно отец Агаты.

Обернувшись, он продолжил стоять у окна. Солнечный свет, озарявший кабинет, не позволял хорошо рассмотреть его лицо.

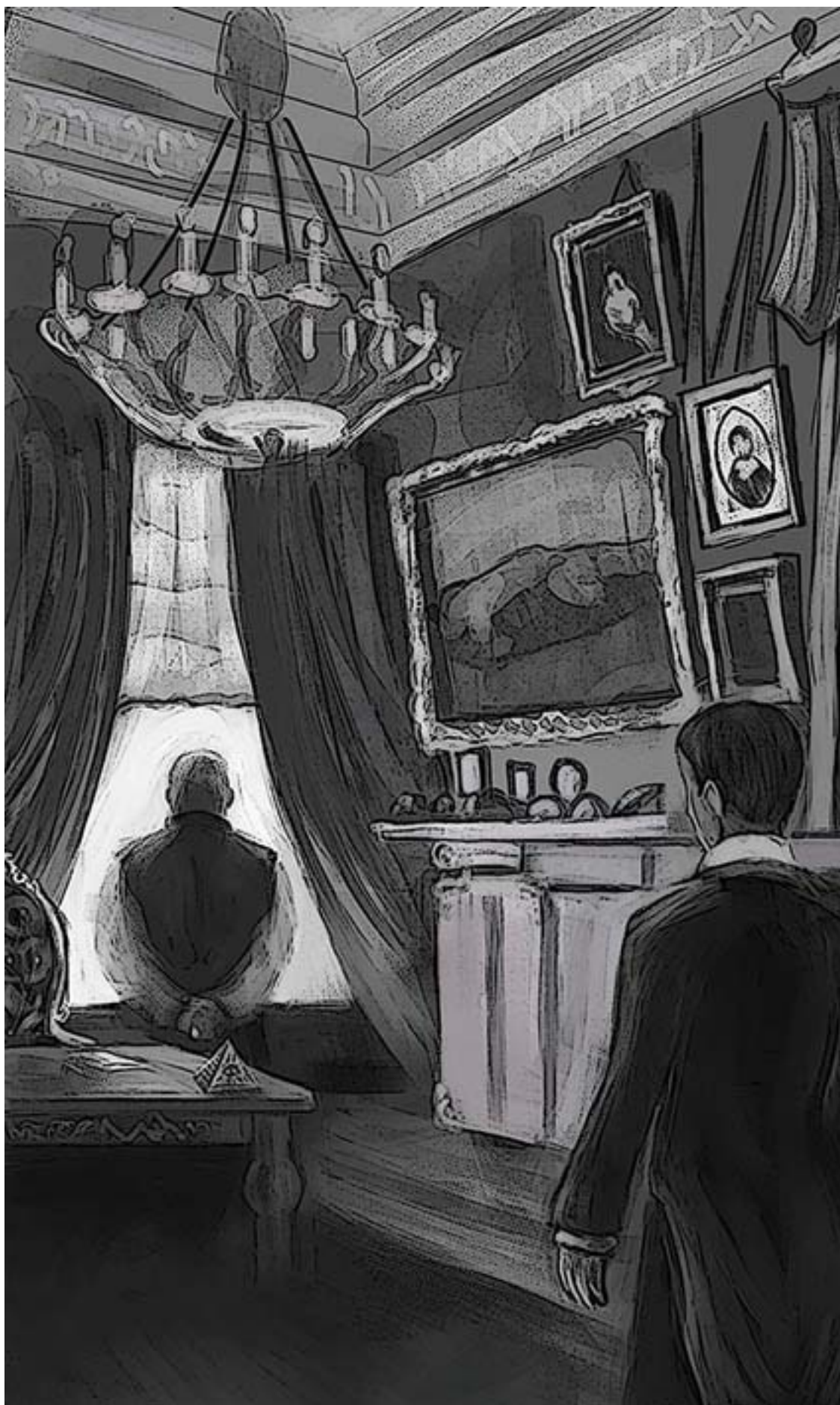
– Кто вы и что вам здесь нужно? – строго спросил хозяин особняка, враждебно скрестив руки на груди.

Горский сразу понял, что перед ним очень влиятельный человек. Тон, которым заговорил господин в черном жилете, не оставлял никаких сомнений. Лгать такому себе дороже.

– Младший кандидат в судебные должности коллежский секретарь Антон Федорович Горский. Я подъехал к вашему дому, чтобы встретиться с вашей дочерью. Я пригласил Агату в оперу.

Господин у окна поиграл желваками.

– А кто вам сказал, что она моя дочь? Может быть, я ее муж.

Антон Федорович попытался разглядеть черты лица негостеприимного «тестя». Скрывшееся на минуту солнце стало его союзником.

– Это исключено, – возразил коллежский секретарь. – Во-первых, у вас одинаковая форма носа, глаз и подбородка. Во-вторых, у вас с ней схожие интонации. И в-третьих, вы не похожи на ханжу.

Мужчина улыбнулся, почесал упомянутый подбородок. На мизинце сверкнул золотой перстень. Сверкнул также какой-то странный предмет на массивном столе. Золотая пирамида. «Неужели масон?»

– Да, Агата действительно моя дочь, – согласился хозяин большого дома. – Однако должен вас огорчить: она вам отнюдь не пара.

– Довольно странно слышать такое от масона.

Влиятельный господин пристально поглядел на смышленного молодого человека. Протестовать в данной ситуации значило уронить себя.

– А что собственно вы, коллежский секретарь, можете ей предложить при вашем нищенском жалованье? – без злобы и совершенно спокойно осведомился отец Агаты. – Быть может, такой же большой особняк, как этот, или хотя бы чуть меньше? Или хотя бы просто особняк? Или хотя бы семь комнат в апартаментах? *Что вы можете ей предложить?*

– Я могу предложить ей самое ценное, что у меня есть: мою любовь и мое сердце! – горячо ответил письмоводитель.

– Покорнейше прошу меня простить, сударь, но наш с вами разговор окончен. Возвращайтесь в этот дом, как только у вас появится что-нибудь более ценное, что вы сможете предложить моей дочери. Если она, конечно, будет еще свободна, в чём я лично сомневаюсь. А пока я вам настоятельно рекомендую держаться от нее подальше.

Расстроенного донельзя Антона Федоровича вывели вон. Он покидал этот дом с чувством глубокого унижения, которому его подверг высокомерный «вольный каменщик». Слезы теснились в его глазах при одном воспоминании о прекрасной барышне. Горькая обида закрапалась в душу. Возможно, ему стало бы чуть легче, если бы он заметил в окне второго этажа наблюдавшую за ним и не менее грустную, чем он, Агату.

Утром следующего дня судебный следователь Воскресенский отчитывался перед своим письмоводителем. Как коллежский секретарь и поручил, сбором сведений о приезжих актерах занимались товарищи Закусилова. Помощники участкового пристава установили, что на данный момент в Киеве с гастролями находятся пять театральных трупп и только одна из них (житомирская) гостит в матери городов русских с 22 апреля. Вольняне всё это время проживали в гостинице «Версаль» на Прорезной (как все киевляне называют Васильчиковскую улицу). Место в самом центре города, в десяти минутах ходьбы от Оперного театра и от театра Бергонье и в двадцати – от нового театра Соловцова. Кондратий Яковлевич с гордостью сообщил, как вчера поздно вечером, ошачливленный этим известием, он поехал домой к прокурору, который охотно выписал постановление о проведении обыска в означенной гостинице и в случае положительного результата наделил полицию полномочиями ареста всех подозреваемых.

– Славно постарались! – оценил Горский. – Когда назначена облава?

– На восемь утра. Значит, уже идет, – ответил статский советник, взглянув на часы. – Старокиевские полицейские охотно пошли нам навстречу. С Божьей помощью всё будет хорошо.

Уже к десяти часам в Бульварный участок доставили шестерых гастролёров, среди которых был высокий шатен-эпилептик, бородатый господин, переживший сердечный удар, и склонная к обморокам юная барышня. Еще трое молодых людей особыми приметами не отличались, разве что двое из них были евреями. Слаженная работа этого секстета приносила им

хорошую прибыль. В общей сложности у мазуриков было изъято полсотни карманных часов и два десятка дамских украшений из драгоценных камней и благородных металлов. Кроме того, в номере каждого из них обнаружили большие суммы денег, происхождения которых арестованные объяснить затруднились. Наибольший барыш полиция отыскала в комнате бородастого «сердечника». Выяснилось, что этот господин являлся антрепренёром, а стало быть, и главарем всей шайки. Он также был иудеем, поэтому, опасаясь погромов, дело решили елико возможно засекретить. Гастроли волынской антрепризы на сём закончились.

Воскресенский поспешил с докладом в Окружный суд, а Горский собрался отобедать в кухмистерской. На бульваре он вдруг наткнулся на Агату. Столь неожиданное свидание напрочь лишило его дара речи.

– Здравствуйте, Антон Федорович. Вижу, вы очень удивлены увидеть меня. Пойдемте присядем, – пролепетала аристократка.

Они вышли на аллею, где заняли свободную скамейку. Барышня взяла Горского за руку.

– Вы, вероятно, злитесь на меня за вчерашнее... Поверьте, мой дорогой, мне очень хотелось поехать с вами в оперу, но мой папенька мне строго-настрога запретил...

– Вы ни в чём не виноваты, милая Агата, – меланхолично улыбнулся письмоводитель. – Ваш отец желает для вас лучшего, нежели отношений с коллежским секретарем. Он так прямо мне об этом и сказал.

– Но вы ведь не станете его слушать, верно?... – с надеждою спросила она.

– Да, он не сможет запретить моему сердцу думать о вас. Но и манкировать его мнением я также не вправе, – обреченно ответил Антон Федорович. – Всё-таки вы его дочь.

– Вы что же, отказываете мне иметь собственное мнение?

– Вовсе нет, – спохватился письмоводитель. – Я очень уважаю ваше мнение.

– Значит, вы боитесь моего папеньки?

– Что вы! Отнюдь нет, – уязвленно отозвался Горский. – Клянусь вам, если ваш батюшка вздумает меня пытаться, я ни за что на свете не променяю свободу на счастье быть с вами! Потому что я... я...

Барышня восторженно округлила глаза, подалась вперед. Коллежский секретарь почувствовал сладкое амбре ее духов.

– ...я люблю вас! – закончил, наконец, фразу письмоводитель.

– О, мой дорогой!.. Как давно я мечтала именно о таком рыцаре, как вы! – с придыханием прошептала Агата. Голос ее показался Антону Федоровичу самым приятным из всех звуков этого мира.

Судебный следователь Воскресенский вышел от председателя Окружного суда с тяжелым и гнетущим чувством. Примерно с таким же чувством опытный врач покидает палату безнадежно больного пациента.

Его высокородие Константин Константинович Александров-Дольник встретил своего равночинца подчеркнуто снисходительно. Выслушав краткий доклад о пойманных театрах-карманниках, председатель суда довольно улыбнулся, причмокнув губами. Справился, не Горский ли распутал это непростое дело. Воскресенский врать не стал, но и петь дифирамбы своему помощнику и письмоводителю не взялся: сделал упор на свою энергичность. Константин Константинович бодро кивал, однако сразу понял, что мазуриков удалось поймать исключительно благодаря настырности и таланту коллежского секретаря.

– Славного вы помощника воспитали, Кондратий Яковлевич, – заключил под конец Александров-Дольник. – Очень, очень достойную смену себе подготовили!

– Я покамест на покой не собираюсь... – побледнел Воскресенский.

– Поймите меня правильно. В последнее время я начал замечать, что занимаемая вами должность несколько вас тяготит. Да и возраст уже, согласитесь, не тот.

– Напротив – я полон сил и энергии!.. – запротестовал судебный следователь.

– Однако стоит отметить, ваши методы ведения расследований устарели. В чём-то вы, безусловно, потеряли сноровку. Признайте, консерватизм в вашем деле только мешает. Взять хотя бы ваше упорное нежелание переезжать в это здание. У нас все судебные следователи имеют при Окружном суде камеры. И только вы по старой привычке сидите вместе с полицией в вашем Бульварном участке.

– И не вижу в этом ничего зазорного. Так много удобнее. Нынешний пример тому подтверждение.

– Нынешний пример подтверждение тому, что надо давать дорогу молодым! – разозлился председатель суда. Миндальничать с Воскресенским ему надоело. – Горский весь город оббежал, повторно опрашивая свидетелей! И добился результата. А вы в это время преспокойно следили за распрями железнодорожных жандармов и сыскного отделения, вместо того чтобы помочь ему. Забронзовели и заскорузли в своей камере!

– Я с вами не согласен, ваше высочордие! Кроме того, смею вам напомнить, что ваш покорный слуга, как назначенный Высочайшим приказом на должность судебного следователя, пользуется правом несменяемости.

– Тут вы правы, – с сожалением констатировал Александров-Дольник. – Но я полагаю, что мы оба заинтересованы в том, чтобы в Киеве, в частности в его Бульварном участке, преступления раскрывались быстро и своевременно. Именно поэтому я сейчас произведу Горского в старшие кандидаты...

– Но ведь у него всего один год стажа по судебному ведомству!..

– ...и напишу министру, чтобы его прикомандировали к исполнению обязанностей судебного следователя седьмого участка.

– Но ведь это же мой участок!.. – чуть не плача заскулил Воскресенский.

– Не переживайте, дорогой Кондратий Яковлевич, – участливо отозвался Константин Константинович. – Я о вас позаботился. Предлагаю вам на выбор должность судебного следователя в Бердичевском или Васильковском уезде.

– Но я не хочу уезжать из Киева!..

– Что поделать? Такова жизнь, – развел руками председатель. – Рекомендую выбрать Васильков. Ближайший уездный город. Всего тридцать пять верст. И евреев вдвое меньше, чем в Бердичеве. Ну что, согласны?

– Я буду жаловаться!.. – процедил сквозь зубы Воскресенский. Тягучая желчь разливалась по его телу.

– Не советую вам рыть мне яму. Как гласит народная мудрость, рискуете оказаться в ней сами, – строго напомнил Александров-Дольник. – И еще. Советую вам скорее определиться с уездом, а то вакансия в Василькове может перевестись. Придется вам тогда ехать в Бердичев.

Судебный следователь вышел от председателя Окружного суда не попрощавшись. Несмотря на прекрасную погоду, воцарившуюся в Киеве, Кондратию Яковлевичу показалось, что над городом сгущаются тучи. Ослабив тугой воротничок и глубоко вздохнув, он медленной, но уверенной поступью направился в сторону Липок.

Влиятельный господин его не ждал. Появление судебного следователя застало его за чтением книги в любимом кресле-качалке. Переходить в кабинет хозяину большого дома не хотелось, поэтому их разговор состоялся прямо в библиотеке, на фоне высоких шкафов, плотно уставленных книгами.

Кондратий Яковлевич треснутым голосом поведал о несчастье, которое с ним приключилось, и попросил не бросать его в этой беде одного. Первое, что сделал всемогущий покровитель, это приказал подать судебному следователю стакан воды с валерьяной. Пока гость с жадностью пил, стуча зубами о стекло, хозяин особняка думал, как помочь незадачливому родственнику и одновременно брату-каменщику. При всей своей доброте и благожелательности

помогать ему он отчего-то не хотел. Однако данное первого числа обещание следовало исполнить. Да и что подумали бы о нем братья в случае отказа? Иначе он перестал бы себя уважать.

– А что, если вашего письмоводителя отправить в уезд вместо вас? – предложил влиятельный господин.

– Меня бы это всецело устроило, однако председатель никогда на это не пойдет. Он считает моего помощника более талантливым, чем меня, поэтому видит для него место в Киеве.

– Гм. Это значит только одно: чтобы вам не потерять свою должность, вашего письмоводителя надо перевести в другую губернию.

– Да! Это то, что нужно! – обрадовался Воскресенский.

– Однако это должно быть очень заманчивое предложение, от которого он не сможет отказаться. Задача, прямо скажем, сложная, потому что в Российской Империи мало городов, которые могут сравниться с Киевом.

– Помнится, вот уже три года он рассказывает мне о расчудесном городе Дальнем. Грезит там побывать.

– Дальний? – переспросил влиятельный господин. – Это наш новый порто-франко в Квантунской области, который курирует сам Витте? Очень хорошо! Я неплохо знаком с Сергеем Юльевичем. Справлюсь у него о наличии в Дальнем вакансий по судебному ведомству. Полагаю, он мне не откажет. С Николаем Валериановичем я также всё улажу.

– Вы мой спаситель! – обрадовался Кондратий Яковлевич. – Если бы вы еще попросили сменить председателя нашего Окружного суда...

– А вы, однако, наглец, ваше высококорodie! – вспыхнул хозяин большого дома. – Вам палец в рот не клади – по локоть откусите. Я, понимаете ли, любезно согласился вам помочь, а вы...

– Простите, Христа ради!.. Я подумал, что так проще будет... – залебезил Воскресенский.

– Нет уж! Константин Константинович человек деятельный и даровитый, высококвалифицированный профессионал – иными словами, на своем месте. Копать под такого – грех. Это я вам как патриот заявляю. Вы же, как я понимаю, видите во мне единственно интригана.

– Что вы!.. Это отнюдь не так!

– Запомните, дорогой Кондратий Яковлевич. Я никогда никому не делаю зла. Таков мой жизненный принцип. Если я что-то делаю, то только неукоснительно следуя эскулапскому правилу «не навреди». Вот и в вашем случае я попробую сделать так, чтобы вы остались в прежней должности, а ваш помощник осуществил давнюю мечту. Все от этого выиграют. Проигравших не будет.

– Вы самый благородный из всех, кого я знаю! – лицемерно воскликнул судебный следователь.

Влиятельный господин поморщился, потянулся за карандашом и бумагой.

– Как, говорите, зовут вашего письмоводителя?

– Антон Федорович Горский.

– Гм, кажется, где-то я уже слышал это имя, – нахмурился хозяин особняка, тщетно пытаясь вспомнить.

– Вполне возможно. В Окружном суде только о нем и говорят.

– Он поступил к вам после окончания юридического факультета университета, верно?

– Да.

– Но в возрастной ценз двадцати пяти лет, необходимый для занятия должности следователя, он подпадает?

– Да, ему двадцать семь. Единственное, с чем у него проблемы, так это со стажем. Он всего год как младший кандидат в судебные должности.

– Но вы же сами сказали, что Константин Константинович будет просить за него у Муравьева. Значит, это не столь важно. Главное, что он станет старшим кандидатом.

– Не знаю, как вас и благодарить!

– Подождите благодарить. Может статься, что с Дальним ничего не поучится. Тогда придется искать для вашего помощника что-нибудь другое.

Кондратий Яковлевич вернулся домой счастливый и спокойный. Дела его обещали в скором времени успешно устроиться.

Влиятельный господин в тот же день телеграфировал министру юстиции Муравьеву, справляясь о наличии вакансий по судебному ведомству в недавно арендованной у китайцев Квантунской области, особенно в Дальнем. Ответ пришел скоро и отнюдь не порадовал. Николай Валерианович сообщал, что в дальнинском градоначальстве (так правильно называется эта территория), а равно и в главном городе Квантунской области – Порт-Артуре – все вакансии давно заняты.

Хозяин большого дома несколько расстроился: придется подыскивать для талантливого чиновника что-то другое.

«А может, оставить молодое дарование в покое? – подумал вдруг он. – Может, для города будет лучше, если он останется здесь? Очевидно, что Воскресенский следователь никудашный, поэтому председатель Окружного суда решил сменить «несменяемого». Лучше найти Кондратию Яковлевичу хорошее место для достойного завершения стремительно угасающей карьеры».

Довольный принятым решением, он собрался поужинать. Тем не менее его смущал тот факт, что Воскресенский – один из «каменщиков». В этот момент его внимание привлек шум в вестибюле. Хлопнувшая входная дверь сообщала о чьем-то приходе.

– Агата? – удивился влиятельный господин, заметив крадущуюся в свою комнату дочь.

– Да, это я, папенька.

– Я велел тебе сидеть дома! Где ты была?

– Я встречалась с господином Горским! – честно, с чувством собственного достоинства призналась девушка.

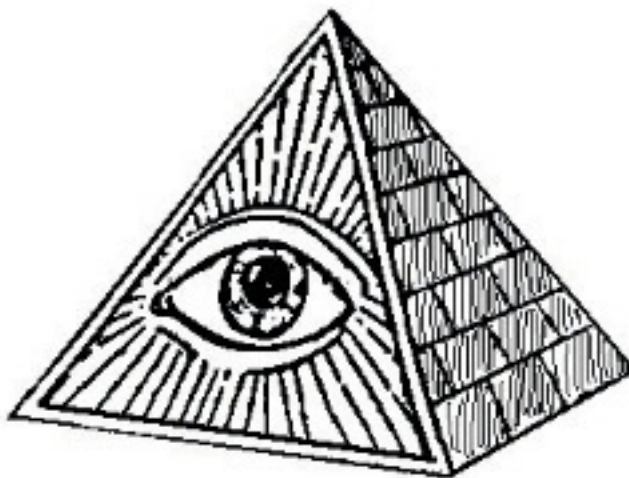
– С кем?? – опешил отец, вспомнив о недавнем разговоре с Воскресенским. Именно эту фамилию называл сегодня судебный следователь.

– С Антоном Горским. Это тот молодой человек во фраке, с которым мы давеча собирались в оперу и с которым ты имел удовольствие разговаривать в своем кабинете, – напомнила ему дочь.

У хозяина большого дома потемнело в глазах.

«Так это и есть тот самый талантливый письмоводитель, которого прочат в судебные следователи Бульварного участка! Воистину пути Господни неисповедимы!»

Требовалось срочно что-то придумать, чтобы оградить дочь от этого голодранца. Но что может заставить его покинуть Киев? От какого предложения он не сможет отказаться? Похоже, без помощи Витте тут не обойтись...

3. Белокаменная

Горский не верил собственному счастью. Еще каких-то полгода назад он и представить не мог, что будет заслан судьбой в далекий и желанный край – в Квантунскую область – самую молодую административно-территориальную единицу Российской Империи и самую загадочную. В тот момент, когда молодой человек понял, что его заветная мечта близка к исполнению, он почувствовал себя избранным. Не Божьим помазанником, разумеется, но и не рядовым смертным. Провидение при содействии статского советника Воскресенского уготовило ему грандиозный сюрприз: увлекательнейший вояж, от одной мысли о котором мурашки бежали по коже.

Тем не менее Киев Антон Федорович покидал с тяжелым сердцем. Расставание с Агатой прошло совсем не так, как он рассчитывал. Аристократка долго редела и упрекала его в малодушии, в нежелании противостоять ее влиятельному папеньке. Одним словом, в нем разочаровалась. Под конец кинула в него носовым платочком и ушла. Кстати, самый платочек с ее слезами и с вышитой литерой «А» он оставил себе на память и даже взял с собою в дорогу. Разумеется, он несколько не испугался угроз ее отца – хорошо понимал, что до тех пор, пока он не станет личностью с большой буквы, их любовь положительно невозможна. Ну а желание уехать в Дальний – шанс кардинально изменить свою жизнь, совершить рывок вверх, а вместе с тем и возможность уехать из города, в котором остается его роковая любовь. В глубине души он надеялся вернуться в Киев известным и состоятельным человеком, приехать в большой особняк в Липках и просить ее руки. Однако безжалостный разум подсказывал иное: ты потерял ее навсегда!

Не только с гложившей грустью уезжал он из города, который считал для себя родным, но при этом и с чувством выполненного долга. Шайка житомирских воров-театралов, промышлявшая на железнодорожном вокзале (с которого он собственно и отправился в путь) дождалась своего приговора в Тюремном замке. Напасть на след этих негодяев оказалось непросто. Долго сжимал вокруг них удавку коллежский секретарь и таки на радость полиции сжал. Никто в городе не смог их найти, а он смог. Только вот Кондратий Яковлевич, показалось, не шибко этому обрадовался. Как-то очень сдержанно на всё это сперва отреагировал. Через

несколько дней, правда, судебный следователь Бульварного участка явился на службу в необычайно приподнятом настроении. С чего бы вдруг? Оказалось, не за себя, за помощника своего радуется: в связи с последними успехами выхлопотал для подопечного местечко при мировом суде порта Дальнего, что строится на арендованном у китайцев Ляодунском полуострове недалеко от Порт-Артура. Вакансия судебного следователя – это как раз то, о чём грезил наш новоиспеченный старший кандидат на судебные должности. Горский готов был расцеловать своего покровителя и благодетеля. Дальний и вовсе был его заветной мечтой. А тут обе мечты разом слились воедино, явив коллежскому секретарю бесценный подарок.

– Не мелковат ли мой десятый классный чин? – с опаской и треволнением спрашивал Антон Федорович Воскресенского.

– Все нет, – как-то чересчур уверенно отвечал Кондратий Яковлевич. – Мировой судья Дальнего лишь надворный советник. В самый раз тебе.

До сих пор не верится.

Антон Федорович на секунду отвлекся. Поезд значительно замедлил ход – приближался к Москве. Пейзаж из пасторально-лесного переменился на индустриально-городской. Будто сменили декорации в театре. Тут и там – всюду повывлазили трубы фабрик и заводов, точно вся Первопрестольная состояла сугубо из объектов промышленности. Лес труб порою разбавляли длинные кирпичные строения самой незамысловатой архитектуры и самого отвратительного вида. Вдобавок ко всему свой штрих вносила серая промозглая октябрьская погода. Горский даже начинал разочаровываться: что же это за город такой дрянной?

В Москве ему доводилось бывать однажды в далеком детстве. Куда-то они ехали с родителями, куда-то спешили. Воспоминания о той поездке остались очень скудные и какие-то неточные, размытые. Помнил лишь Горский толпы народу, среди которых он удачно лавировал с рара et мамап. Помнил запруженные экипажами улицы. Помнил... а впрочем, больше он ничего не помнил.

– Этак, господа, у вас может сложиться неверное впечатление о нашей красавице-Москве, – озабоченно заявил старичок с козлиной бородкой, что сидел рядом.

– Не беспокойтесь. Красоты Белокаменной мы с женою уже имели счастье оценить, – успокоил его флегматичный брюнет, улыбнувшись благоверной.

– Это правда, – пропищала барыня. – Москва на редкость хороша!

– Хорошо, что вы у нас бывали, – гостеприимно потер руки старичок. – А вот вы, молодой человек, полагаю, у нас впервые. Вы так внимательно всё рассматриваете.

– Да, впервые, – Антон Федорович оторвался от окна и откинулся на серую спинку дивана второго класса.

– Тогда непременно советую вам прогуляться по Тверской, посидеть в Александровском саду и посетить соборы Кремля.

– Увы, у меня будет очень мало времени. Чем-то придется поспешить.

– В таком случае сразу отправляйтесь в Кремль! – участливо посоветовал москвич.

Горский благодарно кивнул. Времени у него будет и впрямь в обрез. Уже без двадцати три пополудни он должен быть в купе первого класса Сибирского поезда.

Кондратий Яковлевич позаботился о том, чтобы его подопечному комфортно ехалось до самой Маньчжурии. До Москвы билет первого класса достать не удалось – много мест выкупили в Курске. Пришлось довольствоваться вторым. А вот в Дальний прикомандированный судебный следователь поедет по высшему разряду. Воскресенский зарезервировал для коллежского секретаря Горского первый класс. Выдал 100 рублей путевых. Заверил, на всю дорогу хватит, а уж по приезде ему предоставят казенную квартиру (или даже дом). Все-де в курсе, все о его прибытии извещены. Забота Кондратия Яковлевича искренно трогала. Не видел Антон Федорович в ней и доли злого умыслу.

Поезд между тем тихой сапой дополз до Курско-Нижегородского вокзала. На перрон высыпали толпы народу. Носильщики тотчас предлагали свои услуги, выхватывая из рук прибывших саквояжи, кофры и портпледы.

Горский не спешил. Надев утепленное пальто, кожаные перчатки и водрузив на остриженную голову фуражку, он вышел из вагона. Проводник пожелал ему счастливого пути, а старичок-москвич предложил свои услуги в качестве чичероне. Не иначе как рассчитывал добраться до дома за чужой кошт. Горский вежливо отказался.

Получив свой большой черный чемодан, он, наконец, осмотрелся. Не так давно перестроенный вокзал коллежского секретаря не впечатлил. Киевский побольше будет и посимпатичнее. Залы просторные, светлые, но что-то не то. Публика здесь очень мрачная. Много подозрительных личностей слоняется – того и гляди обворуют. Рука сама собою вцепилась в чемодан, другая – судорожно проверяла, на месте ли бумажник. На месте.

Первым делом молодому путешественнику потребно было выкупить билет в тот самый Сибирский поезд. Очень кстати пришлось то обстоятельство, что в Дальний поезда отправлялись именно с Курско-Нижегородского вокзала. Дождавшись своей очереди в кассе, Антон Федорович любезно улыбнулся угрюмому служащему.

– Добрый день! На фамилию Горского из Киева был резервирован билет первого класса на Сибирский поезд.

– Из Киева?.. – недоверчиво переспросил мужчина с усталыми глазами по ту сторону окошка.

– Именно.

– Горский?.. Ага, есть такой Горский. До Дальнего изволите?

– Всё верно, – обрадовался Антон Федорович. Тотчас же его поджидал первый неприятный сюрприз.

– Извольте. С вашего благородия 165 рублей.

– 165?.. – ахнул киевлянин. – Но мне сказали, что хватит сотни... Вы не ошиблись?

– За сотню идет второй класс. Но там билетов, увы, нет. Есть третий за 64, если желаете, конечно. Но я вам не советую. Третьим в основном унтеры с прислугой едут да всякая шушера.

– Пусть будет первый, хорошо, – смирился коллежский секретарь. С собой он взял скопленные 200 рублей. На первое время должно хватить. А там следовательское жалованье с квартирными и столовыми в 120 рублей. Так что всё будет хорошо. Отсчитал 165 целковых, протянул в окошко.

Служащий брать деньги не спешил. Привстал, точно разглядывая антоновские ботинки.

– Чемоданчик ваш? – строго спросил он.

– Мой.

– Фунтов 40, не меньше.

– Где-то так, – согласился Антон Федорович.

– Тогда еще плюс 10 рублей за багаж. Копейки отбросим. Итого с вас 175 рублей.

Мрачнее тучи Горский протянул служащему еще одну «красненькую». Видя недоумение пассажира, кассир положил перед коллежским секретарем занимательный справочный бюллетень. Из аккуратной и ясной таблички следовало, что билет первого класса до города Дальнего действительно стоил 165 рублей, второго – 100 рублей и 80 копеек, третьего – 64 рубля и двугривенный. Кроме того, за каждые 10 фунтов багажу предусматривалась дополнительная плата в размере 261,1 копейки. Но, что самое замечательное, поезд этот был отнюдь не скоростным – прибывал в Дальний через 16½ суток, тогда как скорый преодолевал то же расстояние тремя днями ранее! И стоил на порядок выше. За тот же первый класс Горскому пришлось бы отдать на сто рублей больше. Время – деньги.

Впрочем, получив на руки билеты, Антон Федорович несколько приободрился. Скоро он отправится в неведомый для себя край. А деньги... деньги – субстанция переменчивая. О них не стоит беспокоиться.

Однако расход едва ли не половины всех сбережений еще в Москве наводил коллежского секретаря на размышления о предстоящей экономии. Мало ли что еще в дороге произойдет?

Следующая финансовая трата случилась через несколько минут после покупки билета: полтинник ушел на камеру хранения, куда Антон Федорович снес свой большой черный чемодан. Гулять по Москве без него будет, несомненно, сподручнее.

Выйдя из белоснежного двухбашенного здания, Горский попал на площадь, плотно уставленную пролетками. Сотни извозчиков дружными рядами выстроились перед вокзалом, ожидая своей очереди. Стоило Антону Федоровичу остановиться, как ему тотчас предложили прокатиться с ветерком.

– Залезай, барин! Не робей! – убеждал первый в очереди извозчиков. – Куды нужно? На Красную? В соборы?

– Как узнал? – изумился коллежский секретарь, совершив серьезную ошибку для приезжего: сел в пролетку, не договорившись о цене.

– Сразу видно – их благородие нездешний. Замест Георгия у вас на пуговках тужурки какой-то архангел. Да и глазенки вылупили, точно цыпленок. Хоша в Москву все с такими глазами приезжают. Ну и главное: без чемодану.

Горский подивился столь наблюдательному вознице. Пальтишко застегнул. Не потому, чтобы киевскую тужурку скрыть, а только из резону согреться – мороз в Первопрестольной стоял знатный. Ну да ничего, успокаивал себя коллежский секретарь, в Маньчжурии климат много мягче. Как бы и это утепленное пальтишко не понадобилось.

Глядя на запруженный Земляной Вал, возница от души чертыхнулся:

– Вот же, ...! Придется через Воронцово поле ехать.

– Что же в этом плохого? – полюбопытствовал Антон Федорович.

– А то, вашабродь, что за Воронцовым полем Хитровка починается...

– Вот и славно, – как ни в чём не бывало отозвался Горский. – Там, пожалуй, интересней Кремля.

Возница посмотрел на коллежского секретаря как на умалишенного, но огрызнуться не посмел.

Вскоре они пересекли Покровский бульвар и покатали по Подколокольному переулку. А вот и добрались до Хитровской площади. Ничего такого страшного в этой площади не было. Обычные торговые ряды, разносчики, бедняки, бедняки, бедняки. Несмотря на довольно раннее время, много пьяных. Много детей. Вот один мальчуган лет семи увязался за пролеткой, тянет Горскому картуз, милостыню просит. Антон Федорович как поглядел на босёнка, так сразу сердце защемило: у мальчика того вместо одного глаза зияла дыра...

Сжалился молодой чиновник, кинул бедняге полтинник – сдачу из камеры хранения. Мальчонка монету тотчас в кулачке зажал, благодарственно поглядел на Антона Федоровича и умчался со всех ног прочь.

Видевший всё извозчик горестно вздохнул.

– Зря вы ему дали, барин...

– Это почему же? Видал, он без глаза? А такой маленький.

– Дык они нарочно таких малых берут, да глаза им колют, кабы больше подавали.

– Да ну!.. – не поверил Горский.

– А то! На таких милосердных, как вы, рассчитано. Чем дитя увечней, тем лучше для гешефту.

– Кто эти мерзавцы, что детей калечат?

– Вестимо: фартовые. Много каторжников. Их тут видимо-невидимо. Вечером вообще караул! По всей Хитровке кабаки с «малинами». Чистому люду здесь делать нечего.

– А как же полиция? Там же была пожарная каланча! Я видел! Стало быть, и участок.

– Что полиция? – скривился извозчик, выезжая на Варварку. – Полиция старается их не замечать. У них с фартовыми всё договорено, обо всём условлено. Чтò можно, а чтò нельзя. Часть слама им идет, вот и весь коленкор.

Горский укоризненно покачал головой, возница недобро усмехнулся.

На Красной площади пришло время прощаться, оплачивать проезд.

– С вас, благородие, рупь с пятиалтынным, – уверенно заявил возница, остановившись у Покровского собора.

– Сколько?..

– Это вам Москва, любезный барин! Привыкли у себя в губернии за двугривенный по городу колесить. Тут у нас иной масштаб, понимаете ли.

«Это какой-то грабеж среди бела дня», – подумал Горский. Карманные «Павел Буре» показывали полдень. На Спасской башне Кремля ударили куранты, зазвучал мелодичный марш Преображенского полка.

Вдоволь нагулявшись по Красной площади, Тверской, Александровскому парку, Успенскому, Архангельскому и Благовещенскому соборам Кремля, юноша вернулся на Курско-Нижегородский вокзал... всего за полтинник!

В половине третьего коллежский секретарь расположился в маленьком двухместном купе первого класса Сибирского поезда и с нетерпением ожидал, кто будет его попутчиком в течение ближайших шестнадцати дней. Мягкие плюшевые диваны, золотистые стены, вычищенные ковры, газовое освещение – интерьер вагона вполне соответствовал затраченным средствам. Единственно, чтò удручало, так это крохотные размеры отделения, в котором он имел счастье находиться. Ширина его едва ли превышала два аршина, из которых половину занимал самый диван. Над ним – второе спальное место, взобраться на которое можно было при помощи складного столика у окна. Белоснежная скатерть, электрическая лампа с абажуром, расшитая занавеска – при всей существующей тесноте создавали атмосферу непередаваемого уюта. В итоге Антон Федорович пришел к выводу, что так много лучше, нежели в четырехместных, но более просторных купе. Особливо при вояжах парой.

За несколько минут до отбытия по коридору прошел проводник, предлагая провожающим покинуть вагон. Горский понял, что ехать ему предстоит одному. Такое обстоятельство его нисколько не огорчило, напротив – одиночество лучше всего помогало разобраться в самом себе и поразмыслить над будущим.

4. Попутчик

Кондуктор забил в колокол. Раздался протяжный свисток. Поезд должен был тронуться с минуты на минуту. В этот момент некто успел запрыгнуть в вагон.

– Уф! Слава Богу, успел! – выдохнул чей-то молодцеватый баритон.

– Прошу, располагайтесь! – любезничал кондуктор.

Шестое чувство подсказывало Горскому, что незнакомец сейчас войдет в его купе. Так оно и вышло. Перед Антоном Федоровичем возник невысокий субтильный офицер флота с пышными венгерскими усами и элегантными саквояжами в каждой руке. Брюнет в серой нестрогой шинели-пелерине и черной фуражке приветливо поздоровался:

– Честь имею. Лейтенант Унгебауэр! – кивнул он.

– Коллежский секретарь Горский, – поднялся Антон Федорович и чуть было не упал – поезд тронулся.

Легко закинув саквояжи на сетки для ручной клади, офицер флота с интересом воззрился на Горского.

– А где же ваши вещи?

– Мой чемодан слишком тяжел – пришлось сдать в багаж.

– Вот это правильно! В иной раз непременно возьму большой чемодан. А то, знаете ли, осточертело с двумя саквояжами. Коромысла не хватает для потехи! – попутчик весело хохотнул. С чувством юмора у него было всё в порядке.

– Вы, я гляжу, не впервой катаетесь, – осторожно резюмировал коллежский секретарь.

– Лишь второй раз. Из отпуска возвращаюсь, – охотно пояснил лейтенант, снимая шинель. Под черным двубортным укороченным пальто позвякивал кортик.

– В Порт-Артур?

Унгебауэр на мгновение замер. Едва заметная грусть промелькнула в его глазах.

– Нет, в Дальний.

– В Дальний?.. Как славно! Мне тоже в Дальний! Но, насколько я осведомлен, Дальний – порт коммерческий и...

– Вы правы. Крейсеров и миноносцев там нет. Нет и канонерок. Зато есть Управление Морского пароходства общества К.В.ж.д., где я служу помощником управляющего. Ходим во Владивосток, Нагасаки, Шанхай, Фузан. Я лично курирую сообщение с Порт-Артуром и Чифу. Но когда управляющий уходит в отпуск, вся власть переходит в мои руки. И вся ответственность.

– А на боевой корабль вам не хотелось?

– А вы как думаете?

– Думаю, хотелось.

– Вот вы сами себе и ответили, господин коллежский секретарь.

Горский понял, что затронул болезную тему. Лучшим выходом было перевести разговор в нейтральное русло, но Антон Федорович отчего-то медлил. Возможно, ему хотелось получше разглядеть незнакомого человека.

Лейтенант с немецкой фамилией ушел, что называется, «в себя». Закинув ногу на ногу, он достал портсигар, намереваясь закурить.

– Вы курите? – очнулся вдруг Унгебауэр.

– Нет.

– Тогда я лучше выйду в тамбур.

Горскому офицер понравился. Сангвинический склад характера предвещал нескучное путешествие, а тот факт, что лейтенант служит в Дальнем – полезные беседы.

Вернулся Унгебауэр с улыбкой. Сел рядом, поглядел в окно, затем на коллежского секретаря.

– Вы, стало быть, в Квантун впервые едете, господин... простите, запомнил.

– Горский.

– Да-да. Господин Горский.

– Вы можете звать меня Антон Федорович.

– Рад знакомству! Демьян Константинович, – попутчики пожали руки. – Так что же, Антон Федорович, насчет Квантуна?

– Как вы догадались?

– Пальтишко у вас весьма хиленькое для Маньчжурских зим. Сам на те же грабли наступил в первый раз.

– А я слышал, зимы там много мягче наших...

– Дело в том, что Квантунская область лежит в поясе муссонов. Летом с океана приходят обильные осадки, жары стоят невообразимые. В июне до 28 градусов по Реомюру доходит! Порой и тайфуны наблюдаются. В особенности весной и осенью, когда происходит смена океанических муссонов на континентальные. Зима поэтому сухая, ясная и дьявольски холодная. Несмотря на минус 5–7 градусов, реже 10–14, пробирает до костей. Сугубо из-за ветра.

– Вот как? Буду знать.

– Там вообще всё по-другому...

В купе вошел дородный обер-кондуктор. Представляться не стал, лишь хитро улыбнулся и, поправив мерлушковую бадеюку, попросил предъявить билеты. От простых кондукторов его отличал щеголеватый вид, белая окантовка черного мундира и витые красно-белые погоньгалуны.

– В обоих торцах вагона имеются уборные, в коридоре можете ознакомиться с расписанием. Если что-то необходимо, вот электрический звонок, при помощи которого вызывайте кондуктора, когда вам понадобится – он всегда в своем купе. Следом за нашим – салон-вагон. За ним – вагон-ресторан. Имеется одна ванна. Следующая крупная станция – Тула. Стоим два с половиной часа. Прибудем в начале десятого вечера. Счастливого пути, господа!

Обер-кондуктор отсалютовал и удалился. Буквально следом возник его подчиненный: кондуктор-проводник.

– Желаете чего, господа? – услужливо осведомился мужчина с лукавым прищуром. – Может быть, чаю?

– Не знал, что теперь чай в купе подают, – подивился Антон Федорович. В киевском поезде он несколько раз выходил в кубовые, чтобы набрать кипятку.

– В нашем поезде можно-с, – гордо подтвердил служащий. – Принести?

Пассажиры от чаю отказались.

– Если хотите, можете погасить свет. Вот здесь, – не отставал проводник. – В вагоне водяное отопление, поэтому даже если похолодает, не замерзнете. Да и, кстати, с помощью вот этой легкой раздвижной двери можно объединить два купе в одно большое.

Оба путешественника ехали поодиночке, поэтому объединять купе резонно не стали. Поняв, что получить с молодых людей чаевые не удастся, кондуктор направился дальше.

– Они, кажется, не дали вам досказать... – возобновил разговор Горский.

– О, про Квантун я могу говорить долго! – в глазах Унгебауэра сверкнули искорки. – Это, знаете ли, моя любовь.

– Несмотря на его климат?

– Климат – пустое! Надел шинель, и дело сделано! Там иной жизненный уклад, иная философия, там всё иное...

– Стало быть, вам наскучило в России?

– Там тоже Россия! Не забывайте! – ревностно воскликнул Демьян Константинович.

– Да, конечно. Просто мне с трудом верится, что за несколько лет из китайской провинции возможно сделать русскую губернию.

– Вы сможете в этом убедиться лично!

Поезд набрал ход, вагон затрясло.

– Отчего вы не снимете кортик? – поинтересовался Антон Федорович.

– Знаете... офицер флота всегда должен носить кортик. При парадной форме – палаш. Без кортика допускается быть только на корабле. И то за исключением вахтенного.

Горский почтительно кивнул.

– Тут дело даже в какой-то традиции... моряки люди очень суеверные. Офицеры всегда сходят с корабля и заходят именно при кортике. Вот и я поехал в отпуск с кортиком, оставив дома палаш.

– Как интересно. Вот гляжу я на вас, Демьян Константинович, и спрашиваю себя: отчего я не служу во флоте?

Унгебауэр искренно улыбнулся, польщенный комплиментом.

– Что-то я проголодался! – заявил он. – Антон Федорович, не составите мне компанию в ресторане?

– С удовольствием. У самого живот урчит.

Миновав пустой, но очень уютный и роскошный салон с сафьяновыми диванами и креслам, ломберными столами с сукном для карточных игр и столиками с шахматами, с библиотечным шкафом и газетницами, часами и барометром, попутчики оказались в невзрачном вагоне-ресторане, напоминавшем дешевую столовую на уездной станции. Мещанская мебель, прочные, но убогие стулья, белые казенные скатерти, пыльные шторы. Определенное оживление вносило стоявшее в углу пианино, но без тапёра и оно выглядело сиротливым и забытым. За дальним столом возле большого прямоугольного зеркала (еще одно убожество) сидело трое мужчин, все в дорогих тройках. Обсуждали коммерческие дела, пили вино. Расположившись по другую сторону, Горский с Унгебауэром принялись изучать меню. К ним тотчас подбежал официант в белом переднике, разложил куверты.

– Что посоветуете, любезный? – спросил у служащего лейтенант.

– Ростбифы очень сегодня хороши-с.

– Две штуки! Щи есть?

– Есть. Изволите?

– Непременно и обязательно! К ростбифам, пожалуйста, французскую булку. К щам – ржаной.

Официант кивнул, быстро записывая карандашом.

– Теперь... штоф водки.

– Я не пью, – заранее предупредил Горский.

– Жаль, – вздохнул Унгебауэр. – Тогда графинчик.

– Не много ли? – усомнился коллежский секретарь.

– В самый раз! Вечер долгий, мы никуда не торопимся.

– Вам виднее, – пожал плечами Антон Федорович.

– Что-нибудь еще? – спросил официант у Унгебауэра.

– К водочке, разумеется, ветчинки, язычку... И непременно с хреном!

– А вам, сударь?

– Мне телятину со сдобной булкой и клюквенного квасу, – заказал Горский на 65 копеек.

На сколько заказал лейтенант, Антон Федорович не хотел и думать.

Первым делом официант принес графинчик водки. Унгебауэр ждать не стал: тотчас налил рюмку.

– Твое здоровье, Антон Федорович! Позволь на «ты». За знакомство, так сказать...

Ухнул, скривился.

– Я вот всё говорю, говорю, а про тебя толком ничего и не знаю, – Демьян Константинович, казалось, только теперь решил как следует присмотреться к собеседнику. – Какими судьбами в Дальний? В опалу попал?

– Напротив – пошел на повышение. Начальник мой похлопотал за меня.

Унгебауэр прыснул.

– Значит, надоел ты своему начальнику, коли он тебя в Квантун сбагрил!

– Вовсе нет!..

– Знамо дело: подсидел, поди, своего шефа, вот он тебя и спровадил за тысячи верст. На другой конец Империи, хе-хе!..

Горский задумался. В словах лейтенанта прослеживалась логика. А что если Воскресенский действительно всерьез обеспокоился за свое место? Что если он нарочно устроил хитрую комбинацию, дабы не потерять теплую должность?.. От подобных мыслей старшему кандидату в судебные должности сделалось мерзко. В этом случае он всецело являл собою одураченного интригами болвана.

– Домыслил, наконец, Антон Федорович? – проницательно залез в душу Унгебауэр, наливая вторую.

– Ты бы, Демьян Константинович, обождал, покамест щи с ростбифом принесут. Я тебя в купе тащить не собираюсь, – съязвил Горский. Очень уж он не любил так быстро переходить на «ты».

– Ха-ха! Да ты шутник, ваше благородие! Я остряков люблю! Сам порою бывает... ехидничая. Хе-хе. За морфлот! – вторая рюмка опрокинулась быстрее первой. – Ух!.. Дрянь у них водка...

Антон Федорович начал догадываться, почему весьма симпатичный и строгий лейтенант служит в управлении пароходством, а не на боевом корабле...

– Ну-с! Стало быть, коллежский секретарь Горский подсидел своего патрона. Кстати, кто он?

– Судебный следователь.

– О!.. По Министерству юстиции, значит. Занятно, занятно! А город?

– Мать городов русских.

– Киев! Ты из Киева? – в глазах офицера возникло неподдельное уважение. – Славный город! Бывал разок – кузина там живет по матушке. Так значит, ты из Киева?

– Можно и так сказать. Хотя наше родовое имение в Минской губернии. Да и гимназию я кончал в Минске.

– Хо-хо! Да мы почти земляки: мой дом в Вильне!

Наконец-то принесли еду. С аппетитом набросившись на щи, лейтенант потянулся к графинчику.

– За Северо-Западный край! И за Россию! – провозгласил тост Унгебауэр.

– Эдак тебе и графина будет мало. Пьешь, как зверь, – метко заметил Горский.

– Странно, что ты не пьешь, – парировал Демьян Константинович, закусывая ветчиной

– Не тянет. На водку смотреть не могу, так что ты уж меня извини. Изредка пью вино, шампанское – не больше.

– Что же ты молчал? Официант! – Унгебауэр повелительно щелкнул пальцами. – Подай бутылочку бордосского!

– Право, не стоит...

– Спокойно, Антон Федорович! Я угощаю! У меня три сотни путевых, – шепнул он Горскому, когда официант удалился.

– Три сотни?? – ахнул Горский.

– А ты как думал! Как-никак к структуре К.В.ж.д. приписан.

– К.В.ж.д.?

– Ага. Китайско-Восточная железная дорога. Там своих не обижают. Жалованья у путейцев – будь здоров! У нас поменьше, правда... но всё же. А что до путевых, то и трехсот мало-вато: в скором поезде почти все отдашь за билет I класса. Я поэтому экономлю: еду в пассажирских.

«А остаток пропиваю...» – подумал киевлянин.

В ресторан потянулась публика. Вошли две пары: мужчины в визитках, дамы – в жемчугах. Уселись в центре. Официант принес бутылку французского вина, обернутую белым полотенцем.

– За знакомство, Демьян Константинович! – поднял бокал Горский. – Надеюсь, оно положит начало долгой дружбе!

– Великолепно сказано! За дружбу!

Четыре выпитые рюмки водки слегка раскрепостили лейтенанта, но не более. Рассудком он владел отменно. И даже глаза не скатывались в кучу.

«Опыт», – грустно подумал коллежский секретарь. Дамы по соседству скромно засмеялись.

– Не женат? – спросил Горский, не обнаружив на попутчике обручального кольца. Тот отрицательно покачал головой. – Ну а невеста есть?

– Какая к черту невеста в Квантуне?

– Ну а в Вильне?

– Ну уж нет! Жить на два дома – это не для меня! А тащить невесту в Дальний – маразм. Умрет со скуки. Поэтому, дорогой Антон Федорович, как бы мне не хотелось обзавестись семьей, ее у меня в ближайшие лет пять-шесть не предвидится. Сейчас мне тридцать два – время еще терпит. Тебе, поди, и двадцати пяти нет?

– Мне двадцать семь.

– Да?.. А выглядишь моложе, – поразился Унгебауэр.

– Действительно, мне многие говорят, что я выгляжу моложе своих лет. А когда отрастает шевелюра – и вовсе за студента принимают.

– А ты отрасти усы. Сразу лет пять прибавится.

– Пытался – едва растут...

– Хе-хе!.. И это в двадцать семь? Хе-хе! Впрочем, ты и без усов как будто бы с усами! Оригинальная физиономия!

– А сам-то с кайзера Вильгельма пример берешь?

– С кого же мне еще пример брать? Шутка. Хотя мой род из Лейпцига, хе-хе!..

Время бежало незаметно. Разговор постепенно раскрывался, выходил на более доверительный уровень. Собеседники рассказывали о себе все больше, все меньше друг друга стеснялись. Распивая гравское бордо, Горский в общих чертах поведал о своей минской, а затем и киевской службе. Сублильный Унгебауэр внимательно его слушал, не переставая есть и пить.

«Куда в него столько влезает?» – недоумевал Антон Федорович.

Несколько раз Демьян Константинович отлучался в уборную. Шел он при этом весьма ровно и четко. Горский отлучался единожды.

К шести часам вечера весь вагон-ресторан заполнился публикой. Отовсюду раздавался звон бокалов и фужеров. Пианино в тот вечер пустовало, зато поставили тихую музыку на граммофоне. Стало много уютнее.

– Расскажи мне про Дальний, – задал свой главный вопрос Горский. – Про маньчжурский климат я понял. Теперь меня интересует самый город.

– Расскажу, – кивнул Унгебауэр. – Обязательно расскажу! И даже схему нарисую. Только не сейчас. Нет настроения.

– Не сейчас, так не сейчас, – пожал плечами Антон Федорович. – Но учти, что я от тебя так просто не отстану.

Лейтенант отсалютовал.

Стемнело. В окнах отражались посетители вагона-ресторана. Бутылка бордо опустела на половину, графин водки – на три четверти. Коллежскому секретарю с непривычки ударило в голову. Каково же офицеру флота?

Демьян Константинович до поры до времени держался молодцом. Заказал еще закусок. Горский растягивал остатки холодной телятины.

Разговор перешел в политическое русло и так из него и не сворачивал. Унгебауэр оказался закоренелым монархистом, в плане Квантуна имел весьма оптимистичную позицию.

– Я благодарю Бога, что нам достался этот край! Этот чудесный край! Помяни мое слово, Антон Федрыч, – язык его стал порою заплетаться, проглатывая и упрощая отдельные слова. Первый признак наступившего опьянения. – Через пять, много десять, лет Дальний станет крупнейшим портом на всём тихоокеанском побережье!

– Планы грандиозные. Хотелось бы верить, – с сомнением ответил Горский.

– Ты бы видел дальнинскую гавань, молы, пристани! Там будут останавливаться океанские пароходы самых больших водоизмещений! Сотни тысяч рублей затрачены на обустройство пристаней!

– А как же Порт-Артур? Я думал, большая часть средств идет туда.

– В Артур идут копейки по сравнению с Дальним. Министр финансов Витте явный пацифист. Войны с Японией избегает. Всё вбухивает в экономику. Дальний – его детище. Хочешь знать: все в области подвластно главному начальнику – вице-адмиралу генерал-адъютанту Алексееву. Он царь и Бог. Но между тем градоначальника Дальнего назначает непосредственно министр финансов. Хотя инженер Сахаров формально подчиняется генералу Алексееву, но де-факто уволить его может лишь Витте. Каково?

– И неужели не бывает противоречий?

– Бывают! Еще как бывают! Военные в шутку называют Дальний «Лишним». Дескать, зря выкидывают деньги – толку от него не будет. В Порт-Артуре спят и видят, чтобы Император сместил Сергея Юльевича. Но покамест его позиции прочны. И слава Богу! Очень уж мне хочется увидеть цветущий, развитый европейский порт Дальний – жемчужину Тихого океана!

– В Дальнем должно быть много иностранцев. Я читал, что город пользуется правом порто-франко.

– Всё верно, – подтвердил Унгебауэр, осушив неведомо которую по счету рюмку. Тут же достал сигарету, закурил. – Но как ни странно, правом беспошлинной торговли воспользовались очень немногие. В городе не более ста европейцев. И порядка трехсот японцев с корейцами.

– Да уж...

– Признаться, я сам недолго в Дальнем. Дело в том, что наше Управление сейчас перебирается из Артура в Дальний – 1 ноября запланировано торжественное открытие специально отстроенного здания на Административной площади. Я сперва в Артуре жил, но затем управляющий отправил меня куратором в Дальний: следить за ходом работ. К концу работ перебрался и сам начальник. А мне в благодарность предоставил отпуск...

– И что же, Демьян Константинович, неужели тебе, как офицеру, милее коммерческий Дальний, нежели боевой Порт-Артур с крейсерами и миноносцами?

Унгебауэр задумался, уставился в стол. Объяснять не стоило – Горский тотчас всё понял. Но лейтенант, тем не менее, слукавил.

– Милее! Право, Антон Федрыч, милее! – повысил он голос, чем привлек внимание окружающих. – Не веришь?

– Верю. Успокойся.

– Господи!.. – хлопнул себя по лбу Унгебауэр. – Как же мы могли забыть?

– Что такое? – забеспокоился Горский.

– Мы забыли выпить за здоровье Государя!

Резко вскочив, он вытянулся во фрунт и поднял рюмку.

– Дамы и господа! – продекламировал изрядно осоловевший Демьян Константинович. – Я хочу выпить за здоровье Его Императорского Величества Николая Александровича!

Все разом замолчали, уставились на смутьяна. Повисла немая пауза. Ситуацию разрядил крупный мужчина, поднявшийся поддержать Унгебауэра.

– За здоровье Государя Императора стоя! – пробасил он. Все тотчас поднялись, выпили.

Горский налил краской. Поведение лейтенанта делалось всё более развязанным, а речь сбивчивой. Наконец, он и вовсе стал засыпать прямо за столом! Чтобы не краснеть за попутчика, Антон Федорович поспешил расплатиться по счету и довести офицера до купе.

Но не тут-то было! Нового товарища Горского штормило так, что он не мог пройти и двух шагов без посторонней помощи. Пришлось брать любителя водки на плечи.

С горем пополам добрались до тамбура, но предстояло пройти через весь салон. Там наверняка собралось немало народу. Каков стыд! Парочку молодых пьянчужек, среди которых (подумать только!) морской офицер, запомнят надолго. Можно не сомневаться.

На счастье Горского и Унгебауэра в салоне лишь трое господ играли в преферанс. Игра настолько их увлекла, что они едва обратили внимание на двух прилично одетых господ, одного из которых вели под руку. Сбросив лейтенанта на диван купе, коллежский секретарь закрыл на защелку дверь. Хотя его место предусматривалось внизу, делать в сложившейся ситуации было нечего: Антон Федорович закрепил полку в горизонтальном положении, обреченно расстелил постель, забрался наверх и быстро провалился в сон.

Первый раз киевлянин проснулся, когда поезд стоял в Туле. Было начало одиннадцатого. С дебаркадера доносился лай собак и протяжные зазывания разносчиков. А так – тишина полнейшая, гробовая. У Горского пересохло в горле. К тому же перегар от Унгебауэра немилосердно отравлял воздух. Дышать сделалось решительно невозможно.

Одевшись, Антон Федорович оставил дверь приоткрытой и вышел из вагона. Белоснежный вокзал встречал прибывших яркими люстрами.

– Сколько еще простоим? – спросил Горский у курившего кондуктора.

Тот достал «луковицу», звякнул крышкой.

– Еще с полчаса. Без четверти отправляемся. Расписание в коридоре висит. Ваше благородие может с ним ознакомиться.

– Да, да. Вы говорили. Благодарю вас.

Поезд прибыл отчего-то не к перрону, а на второй путь. Из их вагона никто более не вышел. Антон Федорович и проводник стояли одни. Заметив потенциального покупателя, разносчики гурьбой устремились на платформу прямо через рельсы. По всему дебаркадеру очень близко были натканы фонари, поэтому каждый выходивший подышать свежим воздухом пассажир попадал под пристальное внимание торговцев.

– Пирожки, расстегаи, плюшки! – кричала дородная женщина, приближаясь.

– Капуста, соленые огурчики, грибочки! – кричала другая.

«Это по части Демьяна Константиновича», – подумал коллежский секретарь, отворачиваясь от назойливых разносчиков. Точно навозные мухи облепили они бедного путешественника.

По своей доброте и интеллигентности юноша не мог что-нибудь не купить, дабы не обидеть крестьян. В итоге за сущие гроши приобрел себе несколько медовых пряников – местную гордость.

Антон Федорович знал, что Тула славится на всю Империю оружием, самоварами и пряниками. Но что гармониками – искренно удивился. Подумал, мужик совсем с глузду съехал: ночью да с гармоникой. Оказалось, продает. И ведь действительно отменного качества товар! Ай да тульские мастера!

«Слава Богу, ружья не притащили».

Попросив у проводника чаю, Горский возвратился в купе. Мирно храпевший Унгебауэр отвернулся к стене, поджав колени. Будто нарочно, оставляя попугайку место присесть. Пока поезд стоял, киевлянин с удовольствием поужинал, отдав должное тульским пряникам. Теперь понятно, почему они считаются лучшими в стране.

Сытый и довольный Антон Федорович лег спать. Дверь в купе на сей раз закрывать не стал, оставив узкую полоску света, сочившуюся из коридора.

Однако поспать коллежскому секретарю удалось недолго: в два ночи проснулся Унгебауэр и до самого утра курсировал по маршруту купе – уборная. По изможденным стонам, с которыми он всякий раз возвращался, можно было судить о его дурном самочувствии.

Под утро он, наконец, уснул, дав возможность отдохнуть и Горскому.

Ряжск проспали. Проснулись оба путешественника ближе к полудню. Унгебауэр уселся к окошку – ни жив ни мертв. Весь бледный, отекающий он дрожал точно осиновый лист.

– Как же мне мерзко...

– Это называется абстинентный синдром, – ехидно уточнил Антон Федорович. – Токсины выходят из организма.

– Голова трещит... Сколько я выпил?

– Ты не помнишь? – удивился Горский. – Графин водки – полштофа.

– Как я добрался до купе?

– При непосредственной моей помощи, ибо идти самостоятельно ты к тому времени уже не мог.

– Каков позор!.. Все вокруг, вероятно, потешались?

– Разве что в ресторане. В салоне лишь трое господ играли в преферанс.

– В преферанс? Это я люблю. А еще больше люблю винт! Надо будет как-нибудь присоединиться. Ты играешь?

– Нет. Азартные игры не для меня.

– Не пьешь, не куришь. В азартные игры не играешь. Экий схимник выискался, – улыбнулся Унгебауэр.

– Каков есть.

– Раз ты меня выводил, значит, ты и расплачивался. Вот, возьми, – лейтенант протянул Горскому «красненькую».

– Это очень много, – запротестовал коллежский секретарь. – Мне лишнего не надо.

– Перестань миндальничать, я тебе говорю. Бери! – и сунул банковский билет Горскому в тужурку. – Будем считать, это с услугами артельщика: ты ведь меня словно багаж до купе нес, хе-хе.

Антон Федорович 10 рублей взял, но вернул «синенькую». Унгебауэр понял, что Горский человек принципов, и препираться не стал.

Весь второй день пути прошел под сенью лейтенантского похмелья. Намучался Демьян Константинович вдоволь. Поклялся даже водку не пить, но в это совершенно не верилось.

В тот день крупных городов не проезжали. Лишь к полуночи подъехали к Пензе. В двадцать минут первого кондуктор спустил лестницу. Горский с Унгебауэром еще не спали, поэтому сошли на дебаркадер. На сей раз поезд пришел на главный путь.

Пензенский вокзал откровенно разочаровал. Невзрачное деревянное строение слабо освещалось и всем своим видом показывало, что гостям не радо.

– Губернский город, а вокзал уездный... – расстроился Антон Федорович, точно от вокзала в данный момент зависела их судьба.

– Вокзал лишь недавно стал принимать пассажиров. До этого ориентировался на грузоперевозку, – поведал проводник. – Не сегодня завтра новый выстроят, не беспокойтесь.

Разносчиков можно было по пальцам пересчитать. Все какие-то вялые, сонные. Тем не менее пассажиров без внимания не оставили. Горский с Унгебауэром купили по бутылке сельтерской, отдав по пятиалтынному, тогда как в буфете вагона-ресторана точно такая же бутылка стоила в два раза дороже.

Антон Федорович намеревался вернуться к разговору о Дальнем, но, глядя на измученного Демьяна Константиновича, сжалился: оставил лейтенанта в покое. И более того, уступил ему на время свое нижнее спальное место, на котором, впрочем, тот уже ночевал. Унгебауэр выразил признательность и пообещал вскорости место освободить. Точно как Китай уступил России Квантун.

Оба путешественника долго не могли заснуть, ворочались. Как бы ни прекрасен был первый класс, но и он не мог обеспечить спокойного сна.

Провалившись до полудня, они чуть было не пропустили мост через Волгу у села Батраки. В самом селе стояли с десять минут, но Горский отметился и там.

– Сейчас Волга будет! – предупредил проводник, выбрасывая на рельсы окурки.

Антон Федорович много читал и слышал о великой русской реке Волге, но и представить себе не мог, насколько она широка.

– Вот это да!.. – изумился киевлянин, разинув рот, который и без того имел дурную привычку приоткрываться.

Поезд сбавил ход до скорости трамвая заворачивая на длинный мост из тринадцати пролетов (Антон Федорович успел сосчитать). Над мостом в червленом щите красовался золотистый двуглавый орел. Над щитом – императорская корона, вокруг щита – лавровые ветви.

– Грандиозно! Версты две, не меньше! – продолжал восхищаться коллежский секретарь. Проходивший мимо кондуктор усмехнулся.

– Давно ли мост строили? – воспользовавшись случаем, спросил Унгебауэр.

– Давно, – кивнул служащий. – Еще при Александре Николаевиче!

– Не опасен ли? – уточнил Горский.

– Да нет! Еще нас с вами всех переживет.

Темно-серые, тяжелые и беспокойные волны несли на юг несколько рыболовецких сойм. Морем раскинулась река посреди крутых берегов, олицетворяя могущество природы, величие русской земли.

– Неужто ни разу на Волге не бывал? – не верил Унгебауэр.

– Ни разу, – подтвердил Горский. – Летом девятисотого года должен был в Симбирск ехать. Сестра моя Манечка за местного чиновника замуж выходила. Да в тот год в Киеве продолжались забастовки среди рабочих и студентов, начавшиеся в девяносто девятом. Я как раз третий курс кончал. В сходках, разумеется, не участвовал, так как всегда придерживался монархических взглядов, но, тем не менее, наш инспектор отказался подписать мне увольнительный билет. А самовольная отлучка без разрешения инспектора даже в вакационное время лишала права на зачет полугодия. Как бы мне ни хотелось присутствовать на венчании младшей сестры, поступиться учебюю я, конечно, не мог. Я всецело разделял позицию руководства нашего университета, потому что за то неповиновение и за ту дерзость, которую позволили себе радикально настроенные социалисты, следовало навести жесткий порядок и обуздать зарвавшихся «хлопцев». Чтò не позволено одним, не должно быть позволено и другим. Последовательность была крайне важна.

Без двадцати пять пополудни доползли до Самары.

– Стоим полтора часа! – громко объявил кондуктор.

В Самаре сразу стал ясен масштаб: трехэтажный вокзал, толпы народу, в которых то и дело мелькали черные шинели городских. Всё серьезно.

На сей раз, должно быть, половина пассажиров Сибирского поезда вылезла на перрон и устремилась в самое здание вокзала.

– Куда это они все?

– В буфет! Куда же еще? – пояснил проводник. – И вашему благородию советую волжской рыбки отведать. Не пожалее!

Антон Федорович с Демьяном Константиновичем последовали совету проводника и слились с обезумевшей толпой, как Кама сливается с Волгой. Людское течение занесло путешественников к богатой витрине, за которой соседствовали расстегаи с осетром, расстегаи с шипом, кулебяка с сомом, соленая белуга, жареная севрюга с хреном, тельное из щуки, тельное из карпа, фаршированный судак с ореховым соусом, паровая стерлядь, стерляжья уха и, разумеется, бутерброды с банальной паусной икрой, на которые, ввиду такого широкого ассортимента, никто и не зарился. Простояв не менее получаса в исполинской очереди, Горскому и Унгебауэру удалось-таки отведать волжских деликатесов. Будет, чем похвастать дома.

По окончании трапезы молодые люди совершили эскападу в окрестности вокзала. Заканчивался шестой час вечера, а уже практически стемнело. Благо вокзал в Самаре электрифицирован.

Перед самым зданием железнодорожной станции оказалось еще интереснее: всех прибывающих встречало огромное... православное кладбище. Оно вплотную подступало к привокзальной площади и вынашивало в планах интернировать прилегающие садики. Весь этот мрак и царство Аида, помимо выстроившихся на бирже извозчиков, разбавляли разносчики и торговцы вяленой и сушеной рыбой. Здесь вам и вобла, и тарань, и лещ, и чехонь, и синец, и окунь, и плотва, и прочая, и прочая. Как тут устоять?.. Унгебауэр взял тарани, Горский – воблы. По дороге на перрон купили в буфете знаменитого жигулевского пива (очередь заметно рассеялась – пассажиры занимали свои места). Кутивший у вагона кондуктор одобрительно кивнул.

Пиво и в особенности рыба превзошли все ожидания. Самара путешественникам понравилась весьма.

Весь следующий день поезд колесил по необъятным просторам Уфимской губернии. На 500 верст раскинулись ее степи с запада на восток, упираясь в Уральский хребет. Там, за ним, кончается Восточно-Европейская равнина и начинается равнина Западно-Сибирская. Там кончается Европа и начинается Сибирь... Сибирь! Сколько таинственного и загадочного кроется в названии этой удивительной страны!

Миновав Уфу с ее Белой рекою, путешественники оказались у самого подножия гор – холмы теперь стали постоянными их спутниками. Показались густые кустарники, сосны, осины. Снег отсутствовал как таковой.

Горский и Унгебауэр ехали молча. Должно быть, несколько друг от друга устали, что тоже бывает при долгой дороге.

Ближе к вечеру явился проводник с новым постельным бельем. Старое попросил сдать. Оказывается, в Сибирском поезде заведено менять спальные принадлежности через каждые три ночи. Лейтенант флота нашел момент подходящим и, еще раз поблагодарив любезного попутчика за внимание, сообщил, что отныне намерен спать наверху, как то и положено, исходя из приобретенных билетов.

Демьян Константинович вскоре удалился в салон играть в преферанс и обзаводиться новыми знакомствами. Антону Федоровичу ничего не оставалось, как залечь с книгой. Когда стемнело, пришлось зажечь лампу.

К полуночи горы заметно подросли. Появились высокие ели и пихты, заметные даже невооруженным взглядом. Также обращала на себя внимание обильная каменистость. Нередко встречались и валуны, поросшие мхом. В лесах наблюдался снег.

В третьем часу ночи явился озлобленный Унгебауэр. 120 рублей проигрышу испортили его настроение кардинально. Вне себя от возбуждения, лейтенант не находил покоя.

– Будет тебе, Демьян Константинович! – успокаивал его проснувшийся Горский. – Завтра непременно отыграешься.

– Да, да! Завтра отыграюсь... Завтра всенепременно отыграюсь!.. – бубнил офицер флота. – Однако каков ловкач!..

– Ты о ком?

– Об Ильине, о ком же еще? – раздраженно огрызнулся Унгебауэр.

– Я, знаешь ли, дорогой друг, с господами из салона не знаком, а потому знать их не обязан, – обиженно отозвался Горский.

– Да, да... Извини, Антон Федорович. Погорячился...

– Ложись спать. Уже поздно.

– Лягу, лягу... Вот только покурю и лягу.

Покуриив, лейтенант так и не лег. Сон решительно не брал его.

Вскоре показались огоньки небольшого городка. Бодрствовавший Унгебауэр сверился с расписанием – Златоуст. Демьян Константинович заявил, что выйдет подышать. Предложил присоединиться Антону Федоровичу, который также потерял сон. Разгоряченный офицер накинул шинель и, не дожидаясь товарища, сошел на платформу.

Златоуст расположился в весьма живописном месте. Окруженный горами, он выгодно отличался от любого провинциального городка равнинной России. «Так, должно быть, выглядят наши кавказские курорты», – размышлял Горский, кутаясь в пальто и вглядываясь в темноту.

Унгебауэр рассчитывал о чем-то потолковать с проводником, но тот явно не желал разговаривать. Лишь утвердительно кивал, зевал и отворачивался. Красоты южного Урала он, вероятно, лицезрел не единожды.

В половине десятого утра прибыли в Челябинск – уездный город Оренбургской губернии. Здесь Сибирский поезд совершал длительную остановку, связанную с пополнением запасов угля, воды, провизии. Производился досмотр состава, проверялись буксы.

Пятичасовая стоянка позволяла вдоволь нагуляться по городу. Не мывшиеся пять дней, Горский с Унгебауэром условились посетить баню. Несмотря на то, что в поезде имелась собственная ванна, многие пассажиры ею брезговали. Ванной активно пользовалась прислуга, поэтому существовала высокая вероятность подцепить какую-нибудь заразу в виде вшей или чего-нибудь подобного. К тому же имела место систематическая нехватка воды как таковой.

Наняв извозчика, путешественники приказали свезти их в лучшие в городе бани.

Парились часа два, не меньше. Всякий человек, особенно дворянин, привыкший к комфорту в виде ванны, душа и прочих удобств, поймет, с каким наслаждением Антон Федорович и Демьян Константинович смывали с себя накопившуюся за дни странствий грязь. С не меньшим упоением стегали они друг друга березовыми вениками.

После бань, чистые и румяные, попутчики отправились осматривать город. Одигитриевский женский монастырь, что на Южном бульваре, чем-то отдаленно напомнил киевскую Софию. Поблизости имелся добротный каменный римско-католический костел, что для уездного города большая редкость. Прогулялись по Никольской до весьма уютного Пушкинского сквера, прошлись по Скобелевской, по Уфимской спустились к Миассу – местной речке с вычурным названием. На Сибирской улице обратил на себя внимание Христорожественский собор, построенный, должно быть, при Екатерине Великой, ежели не раньше. Через квартал на запад проглядывал минарет мечети. И тоже каменный.

Еще одна деталь, которая бросалась в глаза, а вернее впивалась в уши – местный диалект. Довольно быстрая и отрывистая речь уральцев отнюдь не отличалась той мелодичностью, которая присуща малороссам. Слова челябинцев бодро начинаясь, затем вдруг резко обрывались, усекались и подпрыгивали, точно безрессорная карета по булыжной мостовой. Утвердительную частицу «да» здесь часто заменяют междометием «ну». Местные инородцы внесли свою лепту: «бяда», «брявно», «туды», «добрай» и прочая. Этот довольно комичный говор Горскому, тем не менее, понравился. Всегда интересно узнавать что-то новое. Да и не может народ, раскинувшийся на тысячи верст огромной Империи, говорить одинаково на всем своем протяжении. Об этом следует помнить.

Отобедав в ресторане по очень скромным даже для Киева ценам, Антон Федорович и Демьян Константинович разыграли три пирамиды на бильярде. Все разы выигрыш остался за киевлянином. Оно и не удивительно: Горского к этой занимательной игре приучил товарищ-сокурсник, с которым они не один десяток раз оттачивали мастерство в кондитерской Семадени на Крещатике. Коллежский секретарь предусмотрительно настоял на крайне малом банке, дабы еще больше не обозлить не умевшего проигрывать лейтенанта.

– Ну, Антон Федорович! Ну, шельмец!.. – сокрушался Унгебауэр, глядя как шары из слоновой кости один за другим влетают в лузы. – Напомни мне в другой раз, чтобы я более никогда не держал с тобой пари на бильярде!

К двум часам пополудни попутчики благополучно добрались до станции. Город встретил их радушно и хлебосольно, а потому понравился и запомнился. Вообще же Челябинск при должном внимании и грамотном управлении обещал однажды стать центром собственной губернии. Тому способствовала и значительная удаленность от Оренбурга – 600–650 верст (та же Уфа в два раза ближе).

Точно по расписанию – в два с четвертью – поезд тронулся на восток. Страна гор сменилась страной равнинных лесостепей. Из встречавшихся деревьев большую часть занимали березняки, меньшую – боры. Изредка попадались тополевые рощи и осиновые колки. К ночи поезд должен был добрать до Тобольской губернии.

Вечером Унгебауэр ушел отыгрываться в преферанс. Звал с собою Горского, но тот категорически отказался, ввиду необученности игре и отсутствию любви к картам. Коллежский секретарь продолжил чтение рассказов графа Толстого, уже более года отреченного от Церкви.

Демьян Константинович на сей раз вернулся раньше – около полуночи. Он едва стоял на ногах и мог что-то говорить. Настолько был пьян.

– В чем дело? – вскочил Горский. – Почему ты пьян?

– Я отыгрался!.. – улыбнулся Унгебауэр и рухнул на диван. Из кармана его брюк торчали мятые десятирублевые билеты. Стало быть, флотский офицер действительно отыгрался и на радостях перебрал с алкоголем. Бессонная ночь Антону Федоровичу была гарантирована. Он снова предложил лейтенанту занять нижнее место, но тот гордо отказался. Едва не уронив лампу, Демьян Константинович все-таки сумел забраться наверх, воспользовавшись складным столиком в качестве лесенки.

Остановку в Петропавловске в седьмом часу утра попутчики пропустили. Оба спали как волов продавши. Один, потому что в стельку напился, другой – из-за первого.

К полудню оба проснулись. Горский отчитал Унгебауэра за недопустимое поведение, порочащее офицерский мундир.

– Положим, не мундир, а тужурку, – поправил его опухший Демьян Константинович.

– Я выразился образно! – вспыхнул коллежский секретарь. – Неужели ты думаешь, я не отличу мундир от тужурки?

– Будь любезен, не кричи. Голова раскалывается...

– А что мне еще остается, чтобы донести до тебя, что пьянство – прямая дорога к позору!

– У нас пол-Империи пьет.

– Потому что у нас пол-Империи крестьян! При их тяжелом физическом труде и при их малограмотности это простительно. Они просто не в состоянии найти себе самое занятие. Но ты же! Ты – образованный дворянин! Ты можешь читать книги, музицировать, играть на бильярде и в карты, в конце концов, вести светские беседы в салонах...

– Так я и вел беседы...

– Но зачем при этом напиваться, точно деревенский пропойца? Зачем?

– Знаешь что, мой дорогой схимник, – сжал зубы лейтенант. Левая его рука вцепилась в кортик, – не тебе меня учить уму-разуму! А коли считаешь меня деревенским пропойцей, то не имею более возможности продолжать с тобой общение.

Унгебауэр убежал курить, оставив Горского наедине со своими мыслями. Между попутчиками, ставшими за это время товарищами, случилась глупая и ненужная ссора.

Без двадцати четыре прибыли в Омск – главный город Акмолинской области. Область эта, лишенная всякой природы, представляла собою, за редким исключением, голую степь. Половину ее жителей составляли тюркские народы с круглыми головами и характерным разрезом глаз. Главным источником впечатлений в сей неживописной местности оказался полноводный Иртыш. Очень скромная железнодорожная станция встретила пассажиров бураном. Город заволокла белая пелена. В окна вагонов задувал такой сильный ветер, что никому и в голову не пришло выйти на дебаркадер. В столице Степного генерал-губернаторства поезд простоял целый час.

Вечером Унгебауэр вновь ушел просаживать деньги за игрой в преферанс. Как и следовало ожидать, явился жуир поздно и в еще более скотском состоянии, чем давеча. Горский сделал вид, что спит. Он догадывался, что Демьян Константинович нарочно так надрался, дабы его позлить. Пусть теперь спит на ковре, как собака, если не сможет залезть наверх. Будет подлецу урок! Уступать ему нижнее место киевлянин не хотел.

К ваящему удивлению офицер флота легко подтянулся, опершись о стену, и перевалил свое отяжелевшее тело на полку.

На следующий день Антон Федорович увидел самую настоящую тайгу. Лиственные леса уступили место хвойным. Ели и пихты прочно обосновались в окрестных пейзажах, устланных снегом. От омского бурана не осталось и следа.

Унгебауэр мучился от головной боли, но заговорить с Горским не пытался. Коллежский секретарь, как обычно, уткнулся в книгу и своего попутчика не замечал. Тогда лейтенант выкинул очередной курбет: напился уже к обеду. Антона Федоровича это сильно обозлило. Вдобавок ко всему некстати явился проводник с новым постельным бельем (неужели прошло три ночи?). На Демьяна Константиновича поглядел с недоумением и как будто с презрением. Без лишних вопросов кондуктор сгреб в охапку унгебауэровские простыни, быстро застелил свежие и застыл на пороге в ожидании чаевых. Порывшись с минуту в кармане, офицер флота извлек помятую «зелененькую» и с гордым видом вручил ее служащему. Не поверив своему счастью, проводник изумленно округлил глаза, тотчас опомнился, схватил предлагаемую трешку, оскалил желтые от курения зубы, расшаркался и мигом исчез. Пока щедрый дуралей не передумал.

Собрав последние силы в кулак, самодовольный лейтенант взобрался наверх, как и в прошлый раз, оттолкнувшись от стены. Наловчился, стервец.

Невозможность находиться в одном купе с беспробудным пьяницей заставила киевлянина капитулировать в вагон-ресторан.

«Вот так свезло с попутчиком... – думал Горский, глядя на дешевую скатерть. – И ведь по большому счету Демьян Константинович весьма симпатичный человек, но его пагубная привычка к алкоголю...»

Завершить мысль Антон Федорович не успел – его отвлек благовидный господин средних лет, устроившийся напротив. В ресторане по случаю обеденного времени все столы оказались заняты.

– Мое почтение, – коротко улыбнулся незнакомец. – Вы позволите?

– Да, конечно! – приветливо отозвался коллежский секретарь. Представившаяся возможность с кем-то познакомиться и поговорить очень его прельщала. Всяко лучше, чем дышать алкогольными миазмами, которыми пропиталось его купе.

Пристроив рядом трость, на которую опирался, незнакомец тотчас подозвал официанта. Заказав селянку с ростбифами, мужчина, тем не менее, заказывать спиртное не стал. Ограничился сельтерской.

– Селянку, пожалуйста, – попросил Антон Федорович, который также желал супу.

Благовидный господин несколько секунд изучал молодого человека, намереваясь завязать разговор. Строгая черная тройка, белый воротничок – мужчина производил впечатление педанта. От открытого лба отступали седеющие волосы. Густые усы, закрывавшие всю верхнюю губу, не по моде оставались естественными, то есть нефабренными. В добрых глазах проглядывали нотки ехидства и предприимчивости, свойственной коммерсантам. Именно так определил его профессию Горский.

– Нынче жутко холодно, вы не находите? – спросил он у Антона Федоровича.

– Признаться, не замечал. Быть может, ваш вагон плохо топят.

– Вероятно, вы правы. Непременно поставлю в известность кондуктора... Простите, что не представился. Игнатий Ферапонтович. Коммерсант.

– Коллежский секретарь Горский, – чиновник привстал. – Антон Федорович.

– Уже бывали в этих краях?

– Нет, впервые.

– А куда путь держите?

Игнатий Ферапонтович задавал вопросы так спокойно и так уверенно, точно справлялся о некоем пустяке. На самом же деле в глазах читалось неподдельное любопытство.

– В Дальний.

– В Дальний? – несколько удивленно вскинул бровь мужчина. – Этот порт сейчас очень популярен. В определенных кругах.

– Поясните.

– Одни судачат о Дальнем, как о городе-мечте, диковинной сказке, которая со временем воплотится в самый преуспевающий порт на всём Тихом океане. Другие скептически ухмыляются и искренно сомневаются в русской способности доводить дело до конца, а потому видят в Дальнем лишь черную дыру, засасывающую миллионами средства из нашей казны. Таким образом, получается, что о Дальнем говорят все, – улыбнулся коммерсант.

Официант принес заказы.

– Благодарю, – Горский заложил салфетку. – А к какой категории относитесь вы, Игнатий Ферапонтович? Какую разделяете точку зрения?

– Одну единственную разделяю – рациональную, – ответил мужчина, будто ожидавший вопроса.

– И в чём же она состоит? – вовлекался в разговор Антон Федорович.

– Селянка превосходна! Признаться, не ожидал...

– Вы уходите от ответа, – пожурил его Горский.

– Просто я не хочу навязывать вам свое мнение. Вы сами всё поймете, когда придёте на место, – загадочно пояснил Игнатий Ферапонтович, уплетая суп.

Повисла пауза, в течение которой Антон Федорович угостился едой. Селянка ему тоже очень понравилась.

– Позвольте узнать, а какова ваша сфера деятельности в Квантунской области? – спросить также непринужденно, как это делал собеседник, у Горского не получилось.

– А кто вам сказал, что моя сфера деятельности в Квантунской области?

– Но...

– Я еду в Харбин.

– Стало быть, ваше дело в Маньчжурии?

– Да, в Маньчжурии.

– Что же вас привело в эту китайскую провинцию?

– Китайскую? – делано удивился Игнатий Феррапонтович. – Полно вам! Какая же она китайская?

– Разве нет?

– Ну вот. Снова я вас должен в чём-то убеждать. Честно скажу, мне так это не нравится... – коммерсант покончил с селянкой и перешел к ростбифам.

– Извините... Но ведь я не прошу вас в чём-то меня убеждать. Я лишь спрашиваю вашего мнения.

– Мое мнение строится сугубо на логике и здравом смысле. Ответьте мне, господин Горский, с какой стати нашему Правительству взбрело в голову проложить железную дорогу во Владивосток через Маньчжурию?

– Так много короче, нежели огибать по Амуру.

– Но это же не наша территория!

– Как видите, китайцы пошли нам навстречу.

– А не потому ли мы всё это затеяли, чтобы не строить железную дорогу дважды? – коммерсант направил вилку на Антона Федоровича. – Я полагаю, вы понимаете, о чём я.

– Понимаю. Но для чего нам Маньчжурия с ее населением, которое ни бельмеса не понимает по-русски?

– А туркестанцы понимают по-русски? А кавказские абреки?

– То есть Маньчжурия нужна нам как некий форпост?

– Форпост? Но от кого? Китайцы нынче не представляют никакой опасности.

– Тогда чем же, по-вашему, ценна Маньчжурия?

– Своими природными богатствами.

– Природными богатствами? – усомнился Антон Федорович.

– Что ж, открою вам все карты: в Маньчжурии обнаружены залежи золота. Впрочем, это уже секрет Полишинеля.

– Стало быть, вы занимаетесь золотодобычей?

– Да. Моей фирме принадлежит рудник недалеко от Харбина. И поверьте, если бы Маньчжурия была китайской, я бы ни за что не рискнул отправиться туда.

Поезд тем временем сбавил ход – приближалась река, а за нею небольшая станция.

– Обь, – подсказал коммерсант. – Сколько стоим, любезный? – вопрос официанту.

– В три пополудни отбываем-с.

– Почитай два часа! – воскликнул золотодобытчик, достав часы. Что примечательно, отнюдь не золотые.

– Благодарю вас за беседу, Игнатий Феррапонтович! Возможно, еще свидимся.

– Дорога дальняя – непременно свидимся. Кстати, вы играете в преферанс?

– Нет.

– А в винт?

– Тоже нет.

– Очень жаль. Мы вот с товарищами едва ли не каждый вечер за ломберным столом проводим.

– Предпочитаю игру на бильярде.

– Одобряю. В свое время я делал успехи, – коммерсант взял трость на манер кия и прицелился в пустую рюмку. – Но теперь больная нога не позволяет мне практиковаться. Увы.

Игнатий Ферапонтович с досадою поглядел на трость.

– На бильярде любят играть военные. С нами тут один лейтенант флота винтует. Весьма симпатичный молодой человек с немецкой фамилией... Запомню. Он может составить вам компанию.

– Сомневаюсь, что на такой захолустной станции найдется бильярд. Да и к тому же лейтенант Унгебауэр едва ли сможет составить мне компанию, – сыронизировал Горский.

– Вы знакомы? – первый раз всерьез удивился коммерсант.

– Мне посчастливилось ехать с Демьяном Константиновичем в одном купе.

Как высокоинтеллигентный человек, Игнатий Ферапонтович не позволил себе и тени улыбки в отношении паяца Унгебауэра.

Деревянный вокзальчик Оби заполнили пассажиры. Толпа окружила невысокого человека в фуражке и путевой тужурке. Главным образом у станционного начальника (а это был он) допытывались, где возможно принять баню. Он лишь разводил руками, хотя и подсказал несколько адресов. При этом предупредил, что всем желающим попариться не удастся.

Что, спрашивается, мешало помыться в Челябинске, когда поезд стоял пять часов?

Гуляя по дебаркадеру, Горский дышал свежим сибирским воздухом и представлял, как сейчас мучаются ссыльные и каторжные, которые тем же самым путем едут в Нерчинск, Александровское, Иркутск. Его – пассажира первого класса – 7 дней путешествия изнурили весьма. Что же говорить о заключенных? Впрочем, они, за редким исключением, сами виноваты в своей участи.

На второй путь прибыл состав с переселенцами. Всё сплошь вагоны IV и III классов. Бородатые мужики весело выглядывали из окон, улыбались. Как-де сложится у них жизнь на новом месте? Пожалуй, одному Богу известно. Замечательно, что при всех неминуемых трудностях, с которыми им придется столкнуться, крестьяне были заряжены оптимизмом.

В 3 часа пополудни поезд, на котором путешествовал Антон Федорович, тронулся. Всё дальше и дальше пробирался он в недра сибирской тайги, увлекая за собой десяток вагонов и полторы сотни людей. Пронзительно свистя, паровоз выпускал клубы черного едкого дыма, преодолевая версту за верстой. Странствующих сопровождали вековые ели, внушительным частоколом растянувшиеся вдоль железнодорожного полотна, закрывая солнце. Исполинский по размерам и скудный до населения край встретил непрошенных гостей снегами и вьюгами. За рекою Томью погода и вовсе испортилась. Несколько раз машинисту приходилось замедлять ход до черепашьего. Вероятно, опасался схода с рельсов.

На маленькую станцию Тайга прибыли, как следствие, с часовым опозданием: в 12½ ночи, вместо 11½. Из вагона, в котором ехал коллежский секретарь Горский, на станции сошел крепкий господин в шубе. Сошел с чемоданами.

– И что он забыл в этой глухомани? – риторически спросил Антон Федорович у проводника.

– В этой – ничего, – уверенно и весьма определенно ответил кондуктор. – В Тайге обычно сходят те, кто направляется в Томск. Отсюда проложена отдельная ветка до губернского города.

Из-за опоздания стоянку сократили с пятидесяти минут до получаса – нечего в таком Богом забытом месте прозябать. Таким образом, в час ночи поезд продолжил свой путь.

Горский поспешил лечь спать, дабы уснуть до пробуждения Унгебауэра. Тому после двух дней запоя будет, вероятно, не по себе.

Сквозь сон Антон Федорович слышал болезненное мычание Демьяна Константиновича, его частые отлучки в клозет и бесконечные подъемы и спуски с верхней полки. От удушающего перегара спасала простыня.

5. Фоски и онёры

Несмотря на ночные эскапады морского офицера, молодой чиновник Министерства юстиции выспался отменно. В кои-то веки. Приятно потянувшись, он почувствовал запах табака, смешанного с тошнотворным амбре разложившегося алкоголя. Рядом ощущалось тяжелое дыхание лейтенанта.

Открыв глаза, киевлянин, к своему удивлению, обнаружил, что в купе порядочно темно. Серые тучи прочно нависли над небосводом, ничего хорошего не предвещая. Ветер завывал в щели всю ночь, из-за чего Антона Федоровича несколько просквозило.

Придвинувшись к окну, Горский пытался не смотреть на Унгебауэра, медленно массирующего виски.

– Я знаю, ты сейчас на меня злишься... – начал оправдываться Демьян Константинович, но Антон Федорович споро ретировался. Надо думать, в уборную. Лейтенант понял, что перегнул палку и что восстановить прежние отношения с товарищем ему будет трудно.

Всю первую половину дня Горский читал, пресекая любые попытки Унгебауэра к миру. За ½ часа до полудня должны были добраться до Красноярска, но с давешним опозданием рассчитывать на точное прибытие не приходилось. К тому же имелись веские предпосылки к еще большему отставанию от расписания, потому что небесная канцелярия приготовила для Енисейской губернии, должно быть, месячный запас осадков. Хотя кто его знает, какова их норма здесь, в Сибири?

Накопившийся на рельсах снег вынуждал машиниста замедляться, так как рисковать сотнями человеческих жизней (и своей в частности) исключительно из-за бдения расписания глупо и, пожалуй, преступно.

В Красноярск состав добрался к трем часам. Добротный вокзал второго класса был лучшим на Средне-Сибирской железной дороге. Хорошо освещенный, он, тем не менее, смотрелся весьма одиноко и траурно на фоне голой пустоши, раскинувшейся вокруг. Отсутствие поблизости всякой растительности неприятно удивило Горского и напомнило ему степной Омск. Город не просматривался вовсе. Быть может, из-за сильной метели, а быть может, из-за своей исключительной невыразительности.

В вестибюле вокзала отыскался телефон! Однако возле одного отчего-то никого не было. «Не пользуется спросом», – подумал Антон Федорович. На самом же деле аппарат оказался банально неисправен...

Многие господа устремились в телеграфную подать весточку родным. Некоторые осаждали буфет, иные просто фланировали по вокзалу. Что замечательно, по залам гуляли целыми семьями, точно по музею. Как потом объяснил проводник, местные жители таким образом «выходят в свет»...

В Красноярске стоять меньше положенного не стали. Более того, вышла двадцатиминутная заминка. С чем она была связана, не знал даже кондуктор. Безразлично пожал плечами, он сказал одно единственное слово: «Сибирь!».

Только в 4 ½ часа продолжили следование. Чем обернется почти четырехчасовая задержка, Горский не знал. Но то, что из-за этого как снежный ком навалятся неприятности, подсознательно понимал.

Унгебауэра в купе не случилось. Проверять, куда делся лейтенант флота, коллежскому секретарю не хотелось. Да и куда мог пропасть этот балагур? Не иначе как в салон-вагоне проигрывается в преферанс или в винт.

Несколько дней конфликта с Демьяном Константиновичем вымотали Антона Федоровича морально. Не так представлял он себе это путешествие... В глубине души Горский надеялся, что его попутчицей станет прекрасная барышня. У них завяжется разговор, найдутся общие темы и многоверстный путь покажется легкой прогулкой.

Зачем подобная фантазмагорическая барышня могла ехать в Дальний, ну или хотя бы в Харбин, он заранее придумал. Она могла быть дочерью генерала, истосковавшейся по родному тяте. Могла быть сестрою милосердия, направлявшейся в далекие края для лечения наших солдат от тифа. А могла быть корреспондентом столичной газеты... что уж совсем романтично.

Нет, коллежский секретарь отнюдь не являлся хоть сколько-нибудь ферлакуром или, Боже упаси, ханжой, однако молодость заставляла работать мозг в амурном направлении.

Горскому вспомнились сапфировые глаза Агаты. Агата!.. Вот кого бы он хотел видеть своею спутницею! Вот кто скрасил бы его дорогу! Вспомнив о ней, у него сжалось сердце...

Их расставание произошло так же внезапно, как и встреча. Новость Воскресенского о Дальнем и о вакантной должности судебного следователя свалилась на Антона Федоровича как снег на голову. Никак не ожидал он такого подарка судьбы. Первое время коллежский секретарь витал в эмпиреях, совершенно оторвавшись от брэнного мира. Счастье и радость переполняли его душу. Он больше не мог ни о чём думать.

Но вот разум протрезвел, и открылась ужасная истина: с Агатой придется расстаться. Как бы сильно он к ней ни привязался, как бы сильно он ее ни любил, он знал одно: Дальний – это его шанс встать на выбранный путь, начать тернистую карьеру судебного следователя. Горский понимал, что только добившись признания и определенного финансового успеха, он сможет рассчитывать на ее руку...

Но будет ли она его ждать? Станет ли эта синеокая красавица годами хранить его любовь?

Ответ напрашивался очевидный, хотя Горский его наивно отвергал. Однажды, покидая Минск и отправляясь в Киев, он точно так же надеялся на лучшее...

Вопреки самым скептическим ожиданиям Антон Федорович и предположить не мог, что дорога в Квантун окажется такой тяжелой и изнурительной. Вот уже восьмой день он пересекал необъятные просторы нашей великой Империи, а добрался лишь до ее середины! Вагон первого класса стал прочно ассоциироваться с домом, как будто иного, киевского дома, у него никогда и не было. Будто его вотчина только здесь, в тесном купе, и здесь же ему суждено провести остаток жизни.

На следующий девятый день пути Горским овладел такой навязчивый сплин, что не помогала и книжка. Чиновник Министерства юстиции раздумывал над тем, чтобы помиловать

Унгебауэра и завести с ним разговор о Дальнем. Тем паче, лейтенант давеча вернулся трезвый и спокойный. Так и поступил.

– Демьян Константинович... – начал коллежский секретарь, отложив книгу. Морской офицер напрягся, сдвинул брови – не ожидал. – Скажи мне, отчего в дороге так скучно? Отчего порой находит такая безудержная тоска?

– Я бы назвал это эффектом замкнутого пространства, – поразмыслив, ответил Унгебауэр.

– Но о каком замкнутом пространстве может идти речь, если мы время от времениходим на станциях и даже гуляем по городу, как это было в Челябинске?

– И тем не менее каждый день, вне зависимости от остановок, мы возвращаемся в наш вагон, в наше купе. Наше пространство всегда ограничено...

– А как же станции и города? Чем оно ограничивается там?

– Оно ограничивается временем, – философски заметил Демьян Константинович, подкручивая усы.

Горский задумался. Он ждал, что лейтенант попросит прощения, однако Унгебауэр сидел как ни в чём не бывало. Внутренний стержень у этого человека, безусловно, присутствовал.

Бог с ним. Антон Федорович обойдется без его извинений.

– Как прошел вчерашний винт? – поинтересовался коллежский секретарь.

– С чего ты взял, что я играл в винт, а не в преферанс? А быть может, я был в ресторане.

– Едва бы ты вернулся трезвый из ресторана, – саркастически заметил Горский. – К тому же обшлаг твоего рукава испачкан мелом. И ты сам говорил, что предпочитаешь винт преферансу.

– Хе-хе!.. – искренно усмехнулся Демьян Константинович, осматривая форму. – Ну ты и чертяга, Антон Федорович!

– Просто в следующий раз не води рукавами по ломберному столу, – улыбнулся в ответ киевлянин. – Так что же: выиграл или снова проигрался?

– Выиграл. Но очень мало. Я вообще думаю завязать с картами... здесь, в салоне.

– Почему же?

– Очень уж местные господа лихо играют... Тот же Ильин, например.

– Ты что-то подозреваешь? – воодушевился Антон Федорович.

– Да в целом нет...

– Но я же вижу!

– Они порядочные господа...

– ...однако ты полагаешь, что они шулеры? – попытался угадать Горский.

– В общем-то, да, – сознался лейтенант.

– На чём основаны твои выводы? – тоном бывшего следователя осведомился коллежский секретарь.

«Пора привыкать», – сказал он себе.

– Несколько раз у господина Ильина в последний момент оказывались такие карты, вероятность нахождения которых у него являлась весьма низкой. Будто бы он заранее знал мою руку. Конечно, ему могло дико везти, но что-то мне не верится в подобную благосклонность фортуны.

– Гм. Ты подозреваешь исключительно Ильина?

– Не знаю... Калинин и Иваницкий не похожи на шулеров, но они вполне могут быть в сговоре.

– С кем ты играешь в паре?

– Сразу видно, Антон Федорович, что ты не играл в винт, – печально вздохнул Унгебауэр. – В винте партнеров не выбирают. Всё решает жребий.

– Из этого может следовать лишь одно: в сговоре вся троица.

- Возможно.
- Пожалуй, я могу тебе помочь.
- Каким образом? Ты ведь не знаешь правил.
- А ты мне с ними поможешь.
- Запомнить их не так-то просто.

Несколько часов Демьян Константинович обучал Горского премудростям винта. К концу второго часа у Антона Федоровича разболелась голова. Запомнить, что значит левё, фоска, онёр, рёббер, бланка, коронка – труда не составило. Куда сложнее оказалось запомнить запись очков и последовательность торгов.

- Признаться, я совсем запутался... – повесил голову коллежский секретарь.
- Полноте! Начнешь играть – тотчас втянешься! – задорно парировал Унгебауэр.
- Учти, я играть не собираюсь.
- Для чего тогда я тут распинался?? – возмутился лейтенант.

– Знать общие сведения не помешает. Но мне думается, что названные тобою господа выигрывают исключительно за счет ловкости рук.

- Что же ты предлагаешь?
- А вот что...

К шести после полудня прибыли в Нижнеудинск. Почти пять часов опоздания... Короткая остановка, и снова в путь. На завтра путешественников ждал Иркутск.

В восьмом часу вечера Унгебауэр оправил форму и пошел в салон. Горский должен был присоединиться к товарищу спустя десять минут.

Эти десять минут Антон Федорович приводил себя в порядок. Сперва он хорошенько высморкался (остатки былой простуды), затем сменил несвежую сорочку и, наконец, причесался. Причесываясь, обратил внимание, что волосы успели порядком отрасти. Нелюбивший помад он, однако, пожалел, что не обзавелся фиксатуаром. Ну да мелочи.

В салон-вагоне, кроме картежников, никого не было. В окружении господ в строгих черных тройках Унгебауэр отнюдь не выделялся, ибо и сам щеголял вороной тужуркой. Шел разгар торгов.

– Две пики, – коротко бросил господин с плешью, что сидел у окна напротив Демьяна Константиновича. Стало быть, его напарник.

- Две трефы, – возвысил игру молодежавый блондин с веснушками.

Унгебауэр спасовал, а когда очередь дошла до четвертого винтующего, тот вдруг просиял в лице и громко поздоровался:

– Господин Горский! – воскликнул золотодобытчик, с которым Антон Федорович имел честь познакомиться в ресторане. Как-де его звали? – Рад вас видеть! Желаете присоединиться?

- Добрый вечер, Игнатий Ферапонтович!

– Нет-нет! Никаких имен! Когда мы играем в винт, предпочитаем обходиться фамилиями. Зовите меня господин Ильин.

- «Вот как! Игнатий Ферапонтович – это и есть тот самый ловкач Ильин!»

- Как вам будет угодно, – невозмутимо согласился коллежский секретарь.

– Позвольте вам представить моих товарищей, – господа за столом отложили карты и поднялись. Ильин стал их представлять: – Мой напарник по этому робберу и сегодняшнему дню, господин Иваницкий, – им оказался веснушчатый блондин. – Это господин Калинин, – «Плешь». – Ну а с лейтенантом Унгебауэром вы, как я понял, знакомы.

- Совершенно верно, – ответил за Горского Демьян Константинович.

- Так вы играете? – не унимался золотодобытчик.

– Играть в винт впятером весьма обременительно... Вы продолжайте, господа, а я погляжу, наберусь опыта.

– Лучший опыт в практике! – разомкнул уста блондин.

– Господин Иваницкий прав. Присоединяйтесь! – продолжал настаивать Ильин. Присутствие в салоне наблюдателя его очевидно не устраивало. – Так что? Впрочем, как знаете. Нам хватит и господина Унгебауэра. Какое счастье, что он нам повстречался – а то, знаете ли, надоело играть с болваном.

– Простите, с кем?.. – опешил Горский.

Картежники дружно засмеялись.

– Так называется винт втроем, – пояснил Демьян Константинович. – Когда нет четвертого игрока, одному приходится играть с «болваном», то бишь с незримым напарником, карты которого кладутся рубашкой вниз. Господин Ильин хотел сказать, что игра с эдаким товарищем весьма скучна.

Антон Федорович уселся на диван поблизости. С этой точки ему хорошо просматривались карты Унгебауэра и совершенно не просматривались карты «черной троицы», как назвал их для себя коллежский секретарь. Таким образом, имея сообщника, постоянно слонявшегося в салоне, господа винтёры имели возможность знать карты соперника.

Игра продолжилась. Заказ выиграли Ильин с Иваницким дойдя до четырех треф. Сидя с довольно длинной пиковой коронкой, Унгебауэр ничего не мог поделаться с онёрами соперников. Необходимые леве они набрали, чем значительно приблизили несколько десятков рублей, что стояли на кону. На зеленом сукне появились новые записи.

– Господин Горский, заклинаю вас: смените вашего товарища! Этак я с ним по миру пойду! – театрально и несколько фривольно заныл Калинин. Стало быть, вошел с Унгебауэром в хорошие сношения, раз позволяет себе такие колкости.

– Не сочиняйте, дорогой друг – эту игру мы проиграли из-за вас! – в той же манере ответил Демьян Константинович.

– Это почему же? – выпучил на него глаза «Плешь».

– А потому! Имея на пару почти все пики, вы, тем не менее, отдали им игру!

– Помилуйте! С моими-то фосками возвышать до пяти?

– А!.. Черт с вами, Калинин. Соберитесь!

– Господин Горский! Ваш попутчик настоящий изверг! – скривился плешивый, пристально глядя на Антона Федоровича.

«Минуточку! Откуда он знает, что Унгебауэр мой попутчик? Знакомый – еще не означает попутчик. Рассказать мог только Игнатий Феррапонтович. Стало быть, связи у них тесные. Причем эти связи распространяются далеко за пределы ломберного стола и этого салона».

– Он не изверг, – защитил товарища Горский. – Просто лейтенант Унгебауэр весьма азартная персона.

Следующая партия сложилась для Демьяна Константиновича еще печальнее. Заявленные три бубны им собрать не удалось, зато противники разжились аж шестью взятками, что предопределило роббер.

Унгебауэр с Калининным падали в пропасть. Чем дальше шел винт, тем рискованнее они производили заказы, желая, разумеется, поскорее отыгаться. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не одно обстоятельство, помогшее Антону Федоровичу уличить шулерство.

– Который час, господа? – поинтересовался Демьян Константинович, точно пребывавший в прострации.

– Половина девятого доходит, – уверенно ответил Ильин, лишь мельком взглянув чуть выше Иваницкого. Горский запомнил это направление, провел умозрительную проекцию и обнаружил совсем уж небольшие настенные часы, круглый циферблат которых находился не менее как в трех саженях от того места, где сидел блондин! Коллежский секретарь тотчас отдал должное остроте зрения Игнатия Феррапонтовича.

Присмотревшись к Ильину, Антон Федорович несколько раз заметил, как золотодобытчик молниеносно и коротко стрелял глазами в Демьяна Константиновича. Вскоре открылось, что поглядывал Ильин не на лейтенанта, а куда-то в сторону. Горский и здесь прочертил траекторию и... не поверил собственным глазам. На стене аккурат за спиной Унгебауэра висело зеркало!

«Вот так номер! Неужели Демьян Константинович не видел? – под впечатлением размышлял коллежский секретарь. – С эдакой орлиною зоркостью Игнатию Феррапонтовичу не составляло труда рекогносцировать карточную руку морского офицера».

Намечалась очень важная партия. Хмурый лейтенант хотел досрочно капитулировать, однако, почувствовав уверенную руку Горского у себя на плече, взбодрился, с азартом принялся сдавать карты.

– Я верю в вас, мой друг! – произнес Антон Федорович, стоя позади Унгебауэра и заслоняя тем самым его королей и тузов от зорких глаз Ильина. Важно было закрыть собою лейтенанта до поднятия карт.

Игнатий Ферапонтович напрягся. За коллегу вступился Иваницкий:

– Этак вы ему только мешать будете.

– Право слово, господин Горский, присядьте! – выдал себя Калинин.

«Все, все, черти, в сговоре! А ну-ка, сыграйте по правилам, мерзавцы!»

Говорят, дуракам и пьяницам везет. Не хотелось бы списывать удачнейший расклад Унгебауэра из длинной бубновой коронки исключительно на его чрезмерное пристрастие к спиртному. Думается нам, что сие явилось Божьим Провидением.

Назначив сперва «пять бубен», он вскоре взвинтил игру до малого шлема, чем ввел Иваницкого с Ильиным в замешательство. Посмирневший Калинин также занервничал, хотя уж он-то нервничать как раз не должен был. Вместо того, чтобы помочь при торге, плешивый напарник Унгебауэра всем своим видом давал понять, что в собственных картах не уверен. Играть малый шлем на червах противники не решились, не говоря уже о шлеме большом.

Взять шесть леве Унгебауэру и Калинину латентно мешал сам Калинин, который, избежавшись в начале игры от крупной бланки, поставил под угрозу провала не только самый малый шлем, но и свою репутацию честного человека. Роббер завершился едва начавшись. Опьяневший от выигрыша, Демьян Константинович вскочил из-за стола с воплем:

– Так-то, господа! Уф, отыгрался! С меня довольно! – одернув тужурку, он потащил за собою Антона Федоровича. – А с вами, Калинин, только в дурака играть, ей-Богу! – бросил на прощание лейтенант.

– Всего наилучшего, господа, – поклонился Горский и вышел вслед за товарищем.

Уже в купе своего вагона Унгебауэр искренно благодарил Антона Федоровича за поддержку. Лейтенант сделал из коллежского секретаря золотого тельца, приносящего материальный успех.

– Это правда лишь отчасти, – скромно согласился чиновник Министерства юстиции. – Своим выигрышем, а вернее отыгрышем, ты обязан моей спине.

– Твоей спине?.. – нахмурился офицер.

– Именно.

– Но каким образом?

– Моя не слишком широкая спина, тем не менее, сумела закрыть твое отражение в зеркале.

– В зеркале?..

– Поражаюсь, как ты не заметил зеркало, что висело аккурат за тобой!

– Я действительно его не заметил... Но оно, вероятно, находилось весьма далеко от меня... Как же они могли видеть мои карты? Полагаю, это невозможно!

– У Ильина превосходное зрение. Возможно, даже дальнороркость.

– Стало быть, эти подлецы каждую партию знали мои карты!

– Именно поэтому ты и проигрывал.

– Но ведь я запросто мог оказаться не на том месте, спиной к зеркалу, а, положим, у окна, как то было в первый раз. Или сбоку, как намедни. В винте расположение соперников и команды напарников определяются исключительно жребием. Поэтому что-то в твоих доводах не сходится...

– Все сходится! – парировал Горский. В мозгу его выстроилась стройная цепочка фактов. – Первую свою игру с этими господами ты проиграл, так?

– Ну, я...

– Так или не так?

– Так, так.

– Ты сидел у окна? На том месте, которое сегодня занимал Калинин?

– Верно.

– Стало быть, твои карты просматривались в отражении окна.

- Гм...
 - А когда ты сидел сбоку, ты выиграл. Так?
 - Так...
 - Они просто дали тебе отыграться, чтобы в следующий раз вытащить на большую ставку. Недаром ты сегодня оказался напротив зеркала!
 - Может быть... Но жребий!..
 - Как он проводится?
 - На стол кладется колода, и каждый тянет по карте. У кого самая младшая – тот выбирает место и становится сдатчиком. Двое, вытащивших младшие карты, играют в паре.
 - То есть перед тем, как колода кладется на стол, ее кто-то тасует?
 - Верно.
 - Ты хотя бы раз это делал?
 - Нет... Но ведь колода всегда на виду!
 - Практически каждый шулер владеет техникой вольта.
 - Чем?
 - Вольтом. Это искусная ловкость одной руки, при которой нужная карта оказывает в нужном месте. В твоём случае – наверху.
 - А...
 - Поверь, каждый раз тебя сажали туда, куда было условлено.
 - Ну и сволочи! – подскочил Унгебауэр. – Они мне за это ответят!
 - Не горячись! Успокойся! Прошу тебя, Демьян Константинович, сядь!
 - Я – офицер морского флота! – гордо выпятил грудь лейтенант. – Никому не позволено издеваться над...
 - Прекрати! Сколько ты им проиграл?
 - Это не имеет значения!
 - Сколько? – повысил голос Антон Федорович.
 - Ну... с учетом сегодняшнего выигрыша... рублей 20 осталось вернуть.
 - Всего-то? Это не те деньги, ради которых стоит устраивать скандал. Самое главное, ты не проигрался в пух и прах, а сумел выйти сухим из воды. Это дороже.
- Жуира Унгебауэра Горский все-таки убедил. Вскоре желание отомстить за надувательство покинуло лейтенанта всецело.

6. Байкал

Десятый день пути таил в себе долгожданный переход через Байкал – самое глубокое озеро в мире и самое обширное из пресноводных в Старом Свете. Глубина его доходит почти до пяти тысяч футов! Площадь – тридцать тысяч квадратных верст. Увидеть это своими глазами – большая удача, ибо мало кто в нашей Империи может похвастаться как пребыванием на самом Байкале, так и в Сибири в целом.

Поезд изо всех сил пытался наверстать пятичасовое опоздание, однако справиться со временем так и не сумел. В Иркутск путешественники прибыли затемно, хотя было лишь 4 часа после полудня по времени петербургскому. Разница ощущалась.

По дебаркадеру бродило множество солдат. Группка мастеровых сосредоточилась у деревянного парапета. Крестьянка в пуховой шали с корзиною под локтем продавала пирожки. Двое путейцев что-то увлеченно обсуждали с озябшим городовым в черной шинели. Народу для позднего вечера более чем достаточно.

Простояв час, состав продолжил свой путь вдоль правого берега Ангары. До озера оставались считанные версты. Около полуночи по местному времени поезд остановился на станции Байкал.

Как жаль, что была полночь! Но и даже в темноте суровой сибирской ночи антрацитовым блеском переливался Байкал, чернел своими беспокойными водами.

На станции, которая представляла собою скорее порт, а не станцию, суетились сотни носильщиков и путейцев, мастеровых и солдат, дам и господ, крестьян и крестьянок. Железнодорожное полотно оканчивалось пристанью у самой воды, где выделялись симметричные трубы высокой громадины. Это новенький паровой ледокол «Байкал» ожидал пассажиров для дальнейшей транспортировки на восточный берег. Никогда еще в своей жизни коллежский секретарь Горский не видел таких больших кораблей.

Ветер усиливался.

– Боюсь, начинается буря! – покачал головою Унгебауэр, придерживая фуражку локтем (обе руки его занимали саквояжи). – Гляди, какие волны поднялись!

Взобравшись на деревянную пристань, сколоченную из гигантских бревен, путешественники попали под сильнейший ветер, налетевший внезапно. Горского едва не сорвало в воду, и если бы не случившийся с багажной тележкой артельщик, молодой чиновник рисковал и вовсе не добраться до Квантуна. Сверху открывалась величественная панорама озера, раскинувшегося вокруг гор и отвесных скал. Помимо обыденных заберегов, урез Байкала облепили непривычные белые наледи.

– Это сокуи, – пояснил Демьян Константинович, бывавший в здешних краях.

– Поразительно! – воскликнул Антон Федорович.

– Это еще что! Видал бы ты, какие торосы выдаются тут зимой!

– Что, прости? Торосы?

– Да! Это такие большие ледяные глыбы, которые образуются из нагромождения осенца.

– Да Господи! Здесь что ни слово – загадка!

– Осенец – это обломки толстого крепкого льда. Но поздней осенью его не увидишь – рано. Разве что колобовник. Да и то вряд ли.

Горский усмехнулся. Жители Прибайкалья, как оказалось, большие выдумщики на слова.

Внизу тем временем медленно, но верно, вагоны загонялись на нижнюю палубу ледокола, специально для такого дела оснащенную рельсами. Покамест не достроили Кругобайкальскую железную дорогу, так пассажирам и мучиться...

Разместившись в комфортабельной каюте, путешественники с нетерпением ожидали отплытия. Вот уже кончили погрузку, а ледокол всё стоял.

– Не выйдем в ночь – опасно. Волны! Какие волны поднялись! – повторял Унгебауэр, глядя в окно.

«Стало быть, не выйдем», – с сожалением подумал Горский. В этом вопросе морской офицер знает наверняка. Кому, как не ему, лучше знать?

Разумеется, в бурю, да еще и в ночь, ледокол не вышел. Вышел он поздним утром одиннадцатого дня пути. Все 60 верст просидел Антон Федорович у иллюминатора, наблюдая за беспокойными водами Байкала. Встречавшиеся на пути плавучие льды едва ли затрудняли навигацию, однако ледокол предпочитал по мере возможности их обходить.

– Зачем это он их обходит? Что будет такой машине от небольшой глыбы? – не понимал Горский.

– Мало ли... – с серьезным видом протянул лейтенант флота. – Спущенный на воду два года тому, этот ледокол уже в прошлом году простаивал по неисправности. Тут лучше не рисковать. Как говорится, обжегшись на молоке, дуешь на воду.

Коллежского секретаря неприятно удивил самый факт поломки нового судна. Что у нас за строители такие в России, что снятый со стапелей корабль (притом ледокол!) уже на второй год выходит из строя?

При всем при этом «Байкал» смотрелся более чем достойно и презентабельно. Даст Бог, еще не одну тысячу пассажиров перевезет.

Порядка пяти часов заняла переправа. Еще засветло причалили к станции Мысовой Забайкальской области, а еще через полчаса Горский с Унгебауэром сидели в буфете и пили чай, поглядывая за вещами. К местным артельщикам – поголовно бывшим каторжным – доверия было мало.

– Жизнь здесь адская, должно быть, – предположил Унгебауэр. Трезвый лейтенант производил самое благоприятное впечатление, в отличие от своего порочного антипода.

– Отчего же? Здесь очень мило: леса, свежий воздух! Природа – просто дух захватывает!

– Что природа, когда вокруг одни каторги? Куда, думаешь, беглым податься? Здесь и ошиваются, в окрестностях. Очень тут беспокойно. Как давеча на Байкале.

Точно в подтверждение его слов из лесу раздался выстрел.

– Убили кого-то... – сглотнул Горский.

– Вряд ли, – зевнул морской офицер. – Должно быть, кто-то из местных стрелял. Для остротки. Так порой делают перед тем, как запереть ворота на ночь.

Вагоны составили довольно быстро. Вернувшись в собственное купе, Горский испытал неприятное дежавю. Ему хотелось поскорее покинуть эту осточертевшую комнатку с плюшевым диваном и поселиться, наконец, в нормальном доме. Единственное, что приятно удивило, так это то, что оба спальных места были аккуратно застелены свежим бельем.

Верхнеудинск проехали ночью. Оба товарища к тому времени мерно посапывали – день для них выдался долгий и, как сказали бы физики, энергозатратный.

К концу двенадцатого дня добрались до Читы. Ночное прибытие создало массу хлопот станционному коменданту. Ему пришлось вызывать дополнительный взвод солдат. Места здесь крайне опасные, чистую публику необходимо строжайше оборонять. Тем паче, в одном из вагонов ехал генерал из Петербурга. Обо всем этом Горскому и Унгебауэру поведал осведомленный кондуктор.

В Чите стояли очень недолго и вскоре двинулись дальше. На Яблоновый хребет в помощь основному паровозу пришел еще один – сзади. С горем пополам вскарабкались.

Приближалось важное место Великого Пути: Китайский разъезд. Здесь железная дорога раздваивалась. Один из путей вел на Нерчинскую каторгу, другой – пересекал левый приток Амура – Ингоду – и уходил напрямик на Китай. Туда-то наш состав и свернул.

Леса засим закончились. Им на смену пришли степные равнины с их узкоглазыми кочевниками.

На стыке тринадцатого и четырнадцатого дней (по харбинскому времени, которое опережает петербургское на 6 часов и 24 минуты) поезд остановился на многолюдной станции Маньчжурия. Отсюда начиналась совсем иная, Маньчжурская железная дорога, а посему путешественники повинны были сменить поезд.

Тут-то и начались неприятности...

7. Поднебесная

Впервые в жизни Горский оказался за границей, и впервые в жизни он видел так много китайцев. Ночь в своем апогее, а народу – точно в воскресный день на Крещатике. Кто-то что-то несет, кто-то кого-то обгоняет. Суeta жуткая. Повсюду маячат длинные косы. Наверное, ни в одной стране мира мужчины не отрачивают эдак волосы.

– Вот она – Желтороссия! – иронично воскликнул Унгебауэр, глядя на фраппированного Горского.

– Какая к черту Желтороссия? Тут Русью и не пахнет, – перефразировал классика киевлянин.

– Как будто нет? Разве? Все начальники станций русские, солдаты – русские, коммерсанты – и те поголовно наши русские! Подданные Государя Императора.

Сколько ни убеждал Демьян Константинович товарища, признавать Маньчжурию Желтороссией Антон Федорович наотрез отказался.

Поезд на Дальний по причине задержки Сибирского состава отложили на то же время следующего дня – без десяти час пополудни. Надо заметить, что последующие даты и часы будут представлены по времени местному, то есть харбинскому. Тотчас по прибытии наши путешественники перевели стрелки своих «луковиц».

Коллежский секретарь хотел сперва расположиться в буфете, но лейтенант флота быстро его отговорил – требовалось елико возможно скорее получить билеты.

– К чему такая спешка? – не понимал Горский. – Сядем за стол в буфете, и я спокойно пойду и возьму наши билеты.

– Не всё так просто, Антон Федорович. Вагонов первого класса здесь обычно нет. Второго – раз, два и обчелся. А сколько будет желающих, представляешь?

У касс образовалась такая давка, что, право, стыдно стало за соотечественников. Толкались локтями, напирали, ругались. Не щадили даже дам и детей. Последних пришлось в скором порядке уводить, дабы их не затоптали обезумевшие взрослые.

Первый всплеск неудовольствия случился очень скоро, когда служащий за окошком объявил, что билеты второго класса закончились.

– Как так?! – шумели господа, что пробились в авангард. – Там же три вагона!

– Этого не может быть!

– Мерзавцы!

Второй всплеск озлобленности произошел тогда, когда кто-то в толпе узнал, что один из трех вагонов второго класса полностью передали в распоряжение петербургского генерала и его немногочисленной свиты, состоящей из двух адъютантов, вестового и денщика. Его превосходительство обложили отборными ругательствами, самыми безобидными из которых были «столичная гнида», «лампасный хрен» и «зажравшаяся сволота».

Горский и Унгебауэр печально вздыхали, смиренно ожидая своей очереди.

Через некоторое время пустили новую сплетню: дескать, и вагонов третьего класса не всем хватит. Этот беспочвенный слух подогрел и без того вскипяченное русское общество, потому что перспектива ехать с китайцами в вонючем четвертом классе положительно никого не прельщала. Про опального генерала как-то вдруг позабыли, обратив недостойные ругательства в адрес местных путейцев. Только своевременное вмешательство начальника станции помогло остановить эскалацию конфликта.

– Уважаемые пассажиры! Дамы и господа! – закричал главный путеец. – Прошу вас не впадать в панику и не верить той чепухе, что распространилась среди вас! Я, как начальник станции, смею вас заверить, что билетов третьего класса хватит всем! Поэтому нет никакой необходимости толкаться и лезть в драку. Повторяю: билетов третьего класса хватит всем пассажирам Сибирского поезда!

Страсти улеглись, народ поутих. Тем не менее еще долго в разных концах очереди слышались неодобрительные восклицания.

Простояв не меньше получаса, Горский никак не мог взять в толк, отчего выдача билетов на Китайско-Восточную железную дорогу ведется так долго. Оказалось, что каждому совершеннолетнему пассажиру надлежало заполнить расписку, согласно которой за любое увечье, полученное в пути, маньчжурская дорога ответственности не несет! Каково?

Впрочем, такой пугающей предусмотрительности имелось свое рациональное объяснение. Регулярного пассажирского сообщения между Квантунской областью и столицами пока нет, а потому корректировки в расписании и задержки неизбежны. Некоторые участки дороги, как заверял Унгебауэр, и вовсе не готовы. В первую очередь он имел в виду, безусловно, Большой Хинганский хребет.

Итак, подписавшись под листами К.В.ж.д., Антону Федоровичу и Демьяну Константиновичу оставалось надеяться лишь на самих себя и Господа Бога. Получив долгожданные билеты, они вернулись в буфет.

В буфете, разумеется, все места были заняты. Дамы и господа с кислыми физиономиями утешали себя тем, что им, по крайней мере, посчастливилось присесть, в отличие от подавляющего большинства остальных пассажиров. И только многочисленная детвора громко кричала и хихикала, бегая между родительскими вещами. Им было веселее всего.

Простояв с полчаса, коллежский секретарь не выдержал и уселся на собственный чемодан. Стоять более он не мог. Лейтенант примеру товарища не последовал – всё-таки морской офицер.

Унгебауэр занимал себя тем, что постоянно бегал курить и постоянно возвращался с красными щеками – мороз в Маньчжурии ударил степенный. После каждой такой вылазки он с четверть часа отогревался и снова убегал. Антон Федорович предпочел погрузиться в чтение, хотя непривычная обстановка чужой страны отнюдь не способствовала вниманию.

Мучительно долго тянулось маньчжурское время. Казалось, оно настолько уступало русскому, что за три наших часа кончался лишь один китайский. Как порою оно не к месту ускоряется и как, бывает, совершенно ненужно замедляется...

К полудню распогодилось. Восточная Азия сжалилась над европейскими путешественниками и подарила им чудесный солнечный день. Подтаял снег, появились прогалины. К дебаркадеру подали очень необычный состав: с новенькими вагонами странной конструкции в голове и старыми товарными в хвосте. Странность конструкции первых заключалась в стальном бронированном поясе, который проходил вдоль всего корпуса ниже уровня окон.

– На «владикавказце» поедem! – воскликнул Демьян Константинович.

– На чём? – не понял Горский.

– Вагон владикавказского типа по системе французского инженера Полонсо! – пояснил осведомленный Унгебауэр. – Выпускаются на Путиловском заводе специально для Кавказа и К.В.ж.д. В первом регионе для защиты от абреков, в нашем случае – от хунхузов.

– О здешних разбойниках наслышан, – гордо качнул головою Антон Федорович.

– Не дай Бог нам их встретить.

После погрузки багажа началась посадка. К вящему удивлению коллежского секретаря, солдаты, прислуга и некоторые прочие усеченные в средствах русские подданные не без сожаления залазили в товарные вагоны, перемешиваясь с китайским людом, коего здесь собралось в избытке.

– Что же это они точно скот поедут?.. – раскрыл рот Горский.

Лейтенант пожал плечами. Антона Федоровича настолько поразил самый факт перевозки человеческих душ в товарном вагоне, что он неосознанно поплелся в их сторону. Заглянув внутрь одного из вагонов, он увидел по центру железную печь, вокруг которой на деревянных скамейках теснились несчастные пассажиры. Тепла от столь незначительной топки едва ли хватит, чтобы обогреть такое количество народу.

– Чего рот открыл, благородие? Али хошь к нам? – грубо крикнул ему младший унтер-офицер и заржал как лошадь.

– Залазь к нам, милостивый государь! – подшутил рядовой с сигаркой в зубах.

– Аль не дурак! – хлопнула себя по бедрам полнокровная матрона.

Опомнившись, Антон Федорович бегом вернулся к Демьяну Константиновичу.

– Поглядел? – серьезно спросил офицер флота.

– Поглядел...

– По сравнению с ними мы с тобою как короли поедем.

Поехать королями не вышло. В некупированный вагон третьего класса набилось около полусотни человек. Вагон был поделен на три отделения: для курящих, для некурящих и для дам. На практике же отделение для дам оккупировали в том числе и господа из-за количественного преимущества самого мужского пола. Так как собравшееся общество положительно не привыкло ездить в III классе, то устанавливать верхние полки и забираться на них никто не отважился, не говоря уже про багажные, коими порой не брезговала чернь. Кроме того, в вагоне дурно пахло предыдущими пассажирами. Чтò здесь творится жарким летом – страшно представить.

Горский и Унгебауэр расположились в среднем некурящем отделении, то есть в самом эпицентре. Соседство с чистой публикой несколько приободряло, но весьма умеренно. Лучше, чем в товарном вагоне, но много хуже, чем в первом классе Сибирского поезда. Там имелась возможность для приватной беседы, здесь – нисколько. Разумеется, приставать к лейтенанту с расспросами о Дальнем Горский не стал. Как-то чересчур неловко.

В час пополудни наконец выехали. Сверив билеты при входе, кондуктор куда-то исчез и больше не появлялся. Охраны в поезде, кажется, также не предусматривалось.

– Как тебе Маньчжурия, мой друг? – с легкой издевкой ткнул товарища в бок Демьян Константинович. – Так ты ее себе представлял?

– Нет...

– Дикий, необузданный край, не так ли?

– По одной железнодорожной станции судить о всей Маньчжурии и Китае в целом глупо.

– О, да! Здесь я полностью согласен. Все открытия у тебя впереди, дорогой Антон Федорович!

Чтò имел в виду лейтенант Унгебауэр, Горский, разумеется, не знал, но догадывался, что край этот таил в себе массу любопытного и непривычного для русского человека.

С интересом вглядываясь в окно, коллежскому секретарю вскоре наскучил однотипный степной пейзаж. Под устланными снегом полями угадывались многочисленные пашни и огороды. Возделывание земли составляло, пожалуй, главную китайскую заботу. Трудолюбию жителей Поднебесной в пору поучиться.

Каждый час поезд останавливался на какой-нибудь маленькой захолустной станции с труднопроизносимым названием, написанным, правда, по-русски. К вечеру стоянки эти порядком опротивели. Народу на них садилось мало, сходило – единицы. Тогда как большинство пассажиров банально тратило свое время. Почти на каждой станции происходила подкачка воды в тендер.

К 7½ часам прибыли в более-менее крупный городок Хайлар, где простояли аж 25 минут! Антон Федорович за это время успел отлучиться в буфет, ужаснуться ценам и вернуться обратно.

– Это неслыханно! – делился впечатлениями киевлянин. – Полтора рубля за курник! Уму непостижимо!

– А чего ты ждал от армян?

– А! Стало быть, ты уже бывал здесь раньше! Потому сам и не пошел...

– Отнюдь. Именно на этой станции я ни разу не сходил.

– Значит, кондуктор сказал?

– Снова нет. Просто в Маньчжурии, как это ни странно, большинство станционных буфетов держат армяне.

– Вот оно что... И ведь покупают же!

– А кому охота с голоду подыхать? – ухмыльнулся Унгебауэр.

Первая длительная остановка произошла в 3 часа ночи. Лейтенант мерно посапывал. Антона Федоровича сон не брал ни в какую. В жуткой тесноте спать как-то не хотелось: слишком много наслонилось раздражающих факторов. Неприглядная станция Иректэ ничем особенным от прочих не отличалась, между тем поезд простоял на оной весьма долго: практически час.

Позавидовав сладкому сну товарища, коллежский секретарь растолкал Демьяна Константиновича.

– Ты что?.. – пробудился морской офицер.

– Мы уже 40 минут стоим в этой глуши! Должно быть, что-то с паровозом.

Унгебауэр выглянул в окно, зевнул.

– Что за станция, разглядел? – спросил он.

– Кажется, Иректэ.

– Тогда понятно.

– Что понятно?

– Запасаемся углем и водой. Скоро будет подъем на Хинганский хребет. Часть вагонов отцепят – так что ты не пугайся и меня не буди. Паровоз сразу все не потащит. Дорога там будет зигзагами. Ее еще прозвали «Бочаровскими тупиками» по имени инженера. Кстати, именно этот инженер ныне роет под горой туннель. Наравне с Кругобайкальской дорогой – стройка века!

К Хингану путешественники добрались около пяти утра. Некоторые пассажиры к тому времени успели проснуться, дабы не пропустить интересное зрелище. Всё произошло в точности как и описывал Унгебауэр. Горский видел место будущего туннеля, видел огромную петлю при въезде, видел, как отцеплялись вагоны и как паровоз тащил их то в одну сторону, то в другую. Поговорка «ехать впереди паровоза» воплощалась в «Бочаровских тупиках» всецело.

В утренней заре молодому чиновнику особенно запомнились вершины гор, покрытые лесом. Природа здесь отличалась разнообразием, радовала глаз. Вдоль железной дороги встречалось множество запорошенных снегом сваленных бревен, шпал и прочего материала. Заметно, что работа на перевале шла обстоятельная.

Первая станция после Хингана, точно белая ворона, почему-то носила русское название Салтаново. Запомнился также поселок Чингис-Хан. Вполне может быть, здесь жил великий монгольский завоеватель.

Коллежский секретарь чувствовал себя отвратительно. Ему ужасно хотелось есть и спать, а кроме того, остро встала гигиеническая потребность. После Челябинска минуло 10 дней. Десять дней, как Антон Федорович не принимал ванны и не парился в бане. Этого вполне достаточно, чтобы обзавестись устойчивым конским запахом вкупе со вшами. Дабы не создавать благоприятные условия для возникновения последних, юноша дважды умудрялся мыть голову в умывальнике.

Несколько проще оказалось с голодом. Наученный Унгебауэром, Горский выходил за пределы станций, где беспрепятственно и за очень скромную плату приобретал у китайцев (или маньчжуров – кто их разберет?) те же самые яства, что у армянских буфетчиков, только в разы дешевле. Местных торговцев, к слову, на вокзал не допускали. Стало быть, станционное начальство имело в том свою выгоду, свой гешефт. Кто-то несомненно «брал на лапу». А страдать повинны, как всегда, простые обыватели.

Коллежскому секретарю удалось с часок-другой поспать. Но вот накопившаяся грязь никак не желала оставлять в покое расстроенные нервы.

– Демьян Константинович, не помыться ли нам в Цицикаре? – великомученически спросил Горский, отыскав в вагоне расписание.

– Когда прибываем?

– К 9½ вечера. Стоим час!

– Мало, не успеем. Да и закрыты будут все бани... Не грусти! – подбодрил Унгебауэр расстроившегося товарища. – Завтра в Харбине попаримся!

Антону Федоровичу ничего не оставалось, как уставиться в окно и ждать приближения главного маньчжурского города.

Обратили на себя внимание некоторые новые особенности китайского края. В редких рощицах, что попадались на пути, непременно прятались кладбища с высокими памятниками. Чуть ли не под каждым деревом здесь был кто-то похоронен. Увидел дерево – знай, здесь могила. Впрочем, для империи с пятисотмиллионным населением это логично.

Также бросались в глаза обгоревшие дома.

– Остались от боксерского восстания, – пояснил лейтенант.

В одиннадцатом часу следующего дня поезд прибыл в Харбин. На перроне собралась толпа встречающих, в основном русские солдаты, офицеры и чиновники. Гордо реявший над вокзалом российский триколор внушал оптимизм. В числе первых из вагона вышел Горский.

Тотчас дал о себе знать мороз. Несмотря на то, что Харбин находится примерно на одной широте с такими нашими южными городами, как Астрахань и Одесса, холод здесь стоял похлеще киевского. Снегу навалило достаточно, а доселе приветливое солнце куда-то исчезло, верно, посчитав свою миссию выполненной.

Что больше всего удивило Антона Федоровича, это самый город. Коллежскому секретарю пришлось признать, что Харбин – самый настоящий русский губернский город. Большое число каменных зданий построены в классическом стиле, вывески магазинов непременно на русском, наши солдаты, наши офицеры, наши обыватели, наши русские дети и наши извозчики на наших же тощих лошадках... И по соседству со всей этой *нашей* цивилизацией как-то очень удачно и гармонично смотрелись многочисленные китайцы. Будто не мы у них в гостях, а они у нас...

Горский, как убежденный патриот и монархист, начинал понимать глубинные мотивы, которые двигали восставшими против европейского засилья ихэтуанями, прозванными «боксерами» за пристрастие к физическим упражнениям, напоминавшим кулачные бои. Китайскому национальному подъему, вне всяких сомнений, стоило отдать должное. Оказывается, у этих внешне скромных людей внутри имеется прочный титановый стержень собственной идентичности. Будто сонными тиграми глядят они на русских, выжидая удобного момента для атаки. На улицах коренное узкоглазое население, будь то господин или простой крестьянин, ведет себя предельно сдержанно, но твердо. Дороги не уступают, глядят пренебрежительно и даже вовсе порою не замечают.

И тем не менее мнение о китайцах у Антона Федоровича сформировалось исключительно положительное. Спокойная, трудолюбивая нация, обладающая высокими патриотическими чувствами, в моменты критические имеет свойство сплачиваться. Как рассказывал Унгебауэр, жестокость и пытки у них в крови. Но позвольте, кто же будет безразлично наблюдать, как гости хозяйничают в их доме? Да и вправе ли мы в чём-то упрекать китайцев, вальяжно расположившись на их земле? Смеем ли мы критиковать эту, безусловно, выдающуюся цивилизацию, которая старше нашей на несколько тысяч лет?!

Анализируя китайскую культуру, религию и восточное мировоззрение, уже много позже, прожив некоторое время в Дальнем, коллежский секретарь откроет для себя истину, которую определит как аксиому. С китайцами нужно иметь добрососедские отношения, но ни в коем случае не претендовать на их земли. К китайцам надо относиться с большим уважением,

но ни в коем случае не считать их недоразвитой желтолицей расой. Ибо есть у их империи нечто такое, что помогло им пережить все иные существовавшие великие цивилизации, как-то: шумерская, египетская или римская. А стало быть, мы вправе говорить, что Китай – мудрейшая страна, а китайцы – мудрейшие из людей. И великой глупостью будет со стороны России отказаться от такого союзника в угоду обладания девятистами тысячами квадратных верст Маньчжурии. Уж лучше бы мы бросили все силы на борьбу с зарождающимся уродом внутри собственного государства: с вновь возникшим украинским самосознанием малороссов. Как житель Киева Антон Федорович воочию наблюдал за ростом этого псевдонационализма. Образованные господа из числа чиновников, офицеров и промышленников мило улыбаются этому недоразумению, которое, по их мнению, ни во что существенное не выльется, но так и останется ребячеством. Ведь как можно разделить неделимое, да еще и противопоставить разделенные части друг другу, думают они. Истинной химерой считают они возможность расчленения русского народа, ибо народ наш не настолько глуп, чтобы обособлять великорусов от малороссов или белорусов. Так полагали многие, но только не коллежский секретарь Горский, который видел в этом реальную угрозу не столько для Империи (она у нас, слава Богу, крепкая), сколько для дальнейшего развития нашей нации. В колыбели русской цивилизации зародилась гидра, которую многие презрительно называют букашкой, будучи не в состоянии оценить ее истинные размеры. И вместо того, чтобы перейти к решительной борьбе, в первую очередь к борьбе за умы, мы отчего-то медлим, ждем, когда эта гидра вырастет в чудовище. Как бы однажды не стало поздно.

Но Киев и Малороссия были там, далеко, за тысячи верст, а здесь был Харбин. Русский Харбин.

Прежде чем заехать в баню, Унгебауэр подал блестящую идею: дабы снова не надевать исключительно несвежее белье, приобрести в магазине новое, а от старого избавиться. Предложение товарища Горский всецело поддержал. Раскошелившись на новые сорочки с воротничками и манжетами, а также на пару носков с исподним, путешественники поехали со всем этим скарбом в центральные бани. Несколько часов отмывались они от грязи, парились вениками и обливались водою в лучших отечественных традициях. С чистым телом и превосходным настроением отправились они затем в ресторан, где с лихвою восполнили гастрономические пробелы. Хватило даже времени прогуляться по набережной Сунгари и поглазеть на длинный мост о восьми пролетах. Жаль не лето – единственное, о чём сокрушались Антон Федорович и Демьян Константинович. Впрочем, запомнили кое-что упомянуть.

Еще в банях Горский с изумлением увидел заткнутый за пояс Унгебауэра револьвер.

– Наган?..

– Он самый, – лейтенант вытащил револьвер и покрутил его в руках. Коллежскому секретарю вспомнился полицейский смит-вессон. – Творение тульских мастеров по бельгийскому патенту.

– Позволишь взглянуть? – Антону Федоровичу еще не доводилось держать в руках новые револьверы системы Нагана, которые приняла на вооружение русская армия с 1895 года. Захотелось сравнить.

Много лестных отзывов слышал Горский про данную модель. От своего товарища, минского частного пристава Бекаревича, он узнал, что наганы в сравнении со смит-вессонами на фунт легче, на три дюйма компактнее, при меньшем калибре на тридцать процентов мощнее и, что немаловажно, уже семизарядные. Отставной помощник пристава Антон Федорович с видом профессионала разглядывал занимательную модель огнестрельного оружия. Отдернув с правой стороны дверцу, запирающую камору, он нажал пальцем на выступающую гильзу и ловко вытащил патрон. Калибр был меньше смит-вессоновского примерно на линию, если не больше. Вернул патрон в камору, покрутил барабан. Потрогал шомпол-экстрактор и антабку.

– Хорош! – резюмировал Горский, возвращая револьвер.

– Смит-вессону не чета! Не мне тебе объяснять. Вижу, ты в оружии разбираешься. Хочешь себе такой?

– Хочу, – тотчас ответил молодой чиновник. – Только для чего?..

– Э, брат!.. Да здесь без револьвера никуда! А ежели китайцы вновь бунт учинят?

– Пожалуй, ты прав, – согласился Антон Федорович. – Но где мне его достать?

– Попробую выяснить, – ответил Демьян Константинович, удаляясь.

Непонятно как, но Унгебауэру удалось узнать у банщика адрес некоего Ивана Ивановича, который-де «подсобит».

После бани путешественники решили всё же отобедать, а уже затем отправиться в гости к загадочному Ивану Ивановичу, которого и звали-то, скорее всего, иначе.

Торговец оружием отыскался во флигеле старого домика недалеко от ресторана, что значительно сэкономило время. Человек невысокого роста (отнюдь еще не старый) с круглым китайским лицом и раскосыми глазами едва ли мог быть в действительности Иваном Ивановичем, хотя по-русски он говорил бегло и весьма сносно.

– Сто изволице? – спросил он, глядя на гостей стальным непроницаемым взглядом.

– Нужен револьвер системы Нагана. Самозарядный, – объяснил Унгебауэр.

Порывшись в закромах, продавец наконец что-то извлек. В руках Ивана Ивановича оказался потертый наган.

– Как вы искали: самозарядный, – китаец продемонстрировал модель. – Пличём бельгийский. Поглядзице на малкиловку.

На боковой крышке револьвера имелось соответствующее заводское клеймо: «L. Nagant brevete Liège 1898». Никаких заметных отличий от тульской модели Унгебауэра Горский не нашел. Тем не менее аутентичные бельгийские наганы ценились выше своих русских аналогов. Возможно, здесь играл роль привычный стереотип, дескать, если европейское, стало быть, непременно лучше российского. Впрочем, в большинстве случаев этот стереотип, к сожалению, подтверждался.

– Сколько вы за него хотите? – спросил Антон Федорович. Револьвер ему приглянулся.

– Солок пять, – назвал цену Иван Иванович.

– Сколько?.. – нахмурился Демьян Константинович. – Потрудитесь объяснить, любезный, чем обоснована такая высокая цена?

– Говолу же: бельгийский. В Лоссыи таких мало. В Халбине – единицы. Ну, холосо... – вздохнул торговец, видя, что покупатели сомневаются. – Так и быць... Солок тли. За меньсе не плодам.

– Сорок три! Да в Москве такой за тридцать купить можно! – сбивал цену лейтенант.

– Гдзе Москуа, а гдзе Халбин, – спокойно ответил китаец.

– Бог с вами! Беру! – решил коллежский секретарь.

В глазах Ивана Ивановича блеснул огонек.

– Обожди, обожди!.. – подорвал вдруг Унгебауэр. Выхватив из рук товарища револьвер, он громогласно воскликнул: – Ага!

У китайца едва заметно дернулась бровь.

– Взгляните, господа! – продолжал распалиться морской офицер. – На бельгийских образцах затылок рукоятки разъемный, а здесь цельный! К тому же мушка у льежских револьверов усеченная, а не как у наших – полукруглая!

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Горский, хотя уже угадывал ответ.

– А то, что это никакой не «бельгиец», а типичная русская модель!

– Но здесь малкиловка! – слабо запротестовал торговец, уличенный в обмане.

– «Малкиловку» затерли и набили новую, чтобы дороже продать! – Унгебауэр разозлился не на шутку. – Пойдем отсюда, Антон Федорович! Я не желаю больше видеть этого проходимца!

Путешественники собрались уходить.

– Подоздице! – окликнул их Иван Иванович. Очень быстро он достал для гостей новый револьвер.

Офицерский наган с клеймом «Императорский Тульский оружейный завод 1900» сохранился много лучше своего предыдущего собрата и сомнений в подлинности не оставлял.

– Другое дело! – взбодрился Унгебауэр. – Назови цену.

– Тлидцать тли.

– Да ну? Его себестоимость 22 рубля и 60 копеек. Ну, плюс коммерческая выгода. 28 рублей – максимум, – торговался Демьян Константинович.

– Тлидцать тли.

– Ну хорошо. Учитывая, что мы в Харбине – тридцать.

– Тлидцать тли, – третий раз повторил китаец.

Лейтенант развел руками.

– Решать тебе, Антон Федорович!

– Я согласен. Пусть будет тридцать три, – кивнул коллежский секретарь, щедро спуская свое киевское жалованье за 1⅓ месяца. Или ¼ квантунского, которого он, к слову, еще не получал.

И все-таки торговца удалось уговорить на скидку. Нагану требовались патроны, которые продавались во всех магазинах и у спекулянтов одинаково: по 8 рублей за сотню. Китаец в итоге отдал револьвер и сотню зарядов с бездымным порохом и никелевыми пулями за 40 целковых.

– Хитрый лис этот Иван Иванович! – выходя на улицу, сказал Унгебауэр. – Ну да черт с ним! Поздравляю, Антон Федорович! Ты сделал хорошее приобретение!

– Я тоже так считаю. Самовзводный курок – это большой прогресс и большое преимущество. Не понимаю, почему наганами не обеспечат полицию?

– Но признай, если бы меня не было рядом, ты купил бы у этого мошенника потрепанный тульский образец втридорога!

– Если бы тебя не было рядом, я бы вообще не задумался о покупке оружия.

Близость ресторана и подпольного магазина выиграла определенное время. Как уже упоминалось выше, путешественники совершили запоминающийся променад по заснеженной набережной Сунгари, глядя на ее темные воды. Так славно Горский и Унгебауэр провели эти три с половиной часа в Харбине, что каждому из них решительно не хотелось возвращаться в Маньчжурский поезд.

Взяли извозчика, поехали к вокзалу. Средства Антона Федоровича таяли на глазах. Уже и ста рублей не осталось...

– Я вот никак не возьму в толк, это ведь настоящий офицерский наган с системой обтюрации, не предназначенный для гражданского населения, так? – спросил молодой чиновник.

– Верно, – подтвердил лейтенант.

– Причём стреляный, так?

– Угу.

– Тогда откуда он его взял?

– Гм. Вероятно, кто-то сдал.

– Сдал? Чтобы русский офицер сдал свое оружие?? – вспыхнул Антон Федорович.

– Конечно нет. Револьвер, должно быть, подобрали у покойника.

Горского передернуло.

– Иного объяснения у меня нет, – грустно пожал плечами Унгебауэр.

Харбин путешественники покинули в 2 часа после полудня. Город, который принадлежал Китайской империи, фактически относился к империи другой – Российской. Переплетение русского и китайского, однако, не делало из Харбина той гремучей смеси, которую можно наблюдать в иных российских глубинках, заселенных инородцами. Соседство европейского

и восточного здесь настолько естественно, что не режет глаз и не заставляет брезгливо морщиться.

Пейзажи за окном имели единую концепцию, главными компонентами которой были заснеженные поля, кладбища и полуразрушенные дома. Чем дальше на юг следовал поезд, тем более колоритные открывались виды. Колорит сей заключался исключительно в концентрации приведенных выше признаков. Точно профессор математики, Горский вывел для себя формулу Маньчжурии, где количество сгоревших хижин увеличивалось прямо пропорционально движению на юг. Между тем компонента эта была, безусловно, переменная, потому как не год – десять–пятнадцать лет и Китай заново отстроится, а об ихэтуаньском восстании будут помнить лишь из книг.

Вновь потянулись одна за другою деревянные станции с китайскими названиями, русскими начальниками и предприимчивыми армянскими буфетчиками. Пассажиры пользовались любой остановкой, чтобы размять затекшие члены, ибо жесткий вагон третьего класса к комфорту, мягко говоря, не располагал. Что же говорить о тех несчастливцах, что тряслись хотя и в отапливаемом, но все же в товарном вагоне?

Еще одна бессонная ночь отняла у Антона Федоровича сил больше, нежели обязалась восстановить. «Ну почему люди не летают как птицы? – думал коллежский секретарь. – Как было бы удобно и просто добираться до пункта назначения по воздуху». Смелые мысли рисовали далекое будущее, в котором у каждого человека, точно у сокола, появятся размашистые крылья. Крыльями этими наши потомки научатся виртуозно управлять. Легко подымаясь и плавно опускаясь, они будут преодолевать тысячи верст холмов и равнин, преодолевать Атлантику и Тихий океан, кружиться над вершинами Эвереста и Монблана. Вскоре Горский задумался над вопросом крайне низких температур и пониженного содержания кислорода в верхних слоях атмосферы. Пожалуй, это должно создавать немалые трудности, но летающие дамы и господа в его воображении от этого нисколько не страдали. Тогда Антон Федорович понял, что это всё лишь плод его фантазий, а сам он благополучно пребывает во сне. Осознав истину, чиновник Министерства юстиции просыпаться не спешил, но приложил максимум усилий, чтобы как можно дольше понаблюдать и понаслаждаться диковинными полетами человекокрылых. И так не хотелось ему возвращаться в тесный вагон маньчжурской железной дороги, и так не хотелось ему рушить столь понравившуюся иллюзию, что Горский каким-то непонятным образом переборол разум и продолжил пребывать в царстве Морфея.

Ранним утром на подъезде к Гунчжулину всех пробудил панический женский голос.

– Что же это? Как же так? Украли! Караул! Украли!!! – вопила хорошо одетая барыня в бархатном платье.

– Вы не могли бы не кричать в такую рань?

– Господи...

– Вот и выспались... мда-с!..

– Что стряслось, сударыня? – спросил мужчина со старомодными растрепанными бакенбардами.

– Украли! Караул!!!

– Да что у вас украли, ответьте?

– Кошелек! Украли кошелек! Караул!!! Кондуктор! – истерила дама, выпучив глаза.

– Вы уверены? – пытался ее успокоить ретроград, оказавшийся самым участливым. – Как вы обнаружили пропажу?

– Он был здесь! В этой самой сумке! А теперь его нет!!!

– Прошу вас, успокойтесь! Будьте благоразумны!

– Кондуктор!..

– Кондуктора в нашем вагоне нет. Да и для чего он вам? Разве что сделает чаю.

– Вы еще смеете надо мною насмеяться?? – раскраснелась обворованная.

– Боже упаси!

Горский и Унгебауэр понимающе переглянулись, одинаково вздохнули. И надо было такому случиться, что потерявшая кошелек барыня ехала в одном с ними отделении за перегородкой. На громогласную сирену откликнулись и из соседних секций, ввиду чего вскоре весь вагон знал о случившемся. Кто-то тотчас принялся строить догадки, припоминая подзрительных субъектов, фланировавших между полками. Несколько человек поддержали предположение новоявленного «следователя» и, таким образом, определился даже подозреваемый, которым избрали полнокровного мужчину с толстыми губами, по слухам, ехавшего в соседнем вагоне. И уже собиралась делегация добровольцев, поставивших себе целью привести мерзавца на допрос, как вдруг пропавший кошелек возьми да и отыщись. И где бы вы думали он всё это время находился? В сумке у своей владелицы-истерички! Каково?

Вдрызг разревевшись постигнутому горю, барыня полезла в сумку за платочком, а вместо платочка к вящему своему удивлению извлекла тот самый кошелек. Быстро пересчитав находившиеся в нем деньги, она тихо по инерции всхлипнула и как-то криво, искусственно улыбнулась.

– А кошелек-то был здесь... – сконфужено и очень тихо произнесла дама, что не сразу все и услышали.

– Ах вот оно что! – искренно поразовался господин с бакенбардами. – Ну и хорошо!

– И где же он был? – ехидно спросил кто-то невидимый.

– В сумке... – зардела барыня.

– В сумке? – продолжал злорадствовать некто. – Стало быть, вор раскаялся и решил вернуть украденное?

– Перестаньте издеваться над дамой! – запротестовал ретроград, выступивший в защиту истерички.

– Это пусть она над нами перестанет издеваться!

В целом слава Богу, что всё так закончилось. Что нашелся кошелек, что никого не привели к ответу. Этот характерный для нашего общества эпизод показал наше невежество во всей красе. Сперва мы ленимся что-то проверить, делаем скоропалительные выводы, обвиняем невинных людей и строим черт-те какие домыслы, поднимая панику. Тогда как случившееся зачастую не стоит и выеденного яйца. Семь раз отмерь и один раз отрежь. Кому, как не Горскому, будущему судебному следователю, этого не знать.

День проходил под флером утреннего конфуза. Настроение у пассажиров сложилось отвратительное. Всем хотелось поскорее добраться в Дальний и в Порт-Артур – конечные пункты южной линии. По разговорам делалось очевидным, что большинство путешествующих направляются именно в наш военный порт. Кто-то, как Антон Федорович, ехал на новое место службы, кто-то, как Демьян Константинович, возвращался из отпуска, кто-то воссоединялся с семьей, кто-то искал коммерческой выгоды.

Сразу за Мукденом случился очень неприятный эпизод, который мог стать роковым. В вагон, где ехали Горский и Унгебауэр, внезапно выстрелили. Каким-то чудом пуля прошла в дюйме от виска Демьяна Константиновича, застряв в опущенной деревянной полке. Ошарашенно глядя на отверстие в окне аккурат перед собой, лейтенант с ужасом осознал, что Господь уберег его от верной смерти. Напуганные пассажиры попадали на пол и свернулись калачами, прячась за бронированным низом «владикавказца». И только Горский с Унгебауэром неподвижно сидели в прежних положениях, глядя друг на друга с открытыми ртами.

– Это Маньчжурия, – пояснил оправившийся от шока лейтенант.

«Это Маньчжурия. Это Маньчжурия», – вертелось в голове у коллежского секретаря, будто заевшая граммофонная пластинка. Точно свыше лейтенанту был преподан урок, сделано очевидное предупреждение. Беспросветное пьянство, которым порой увлекался морской

офицер, на небесах незамеченным не осталось. Лишь глупцы полагают, что *Он* там ничего не видит, а коли и видит, то ничего не предпринимает. И видит, и предупреждает...

Мысли о духовном захватили Горского до самого Ляояна. Всю стоянку на этой более-менее значимой станции южной ветки Антон Федорович провел на дебаркадере. Не успели они остановиться, как взмыленный адъютант петербургского генерала припустил, вероятно, на телеграф. Не иначе как столичный вояка испугался выстрела.

Ожидания коллежского секретаря всецело подтвердились. Уже в Дашицяо к приходу поезда стянули усиленный гарнизон и очистили платформу от всех китайцев.

– С этакой политикой невольно начнешь понимать ихэтуаней, – поделился размышлениями с товарищем Горский.

– Вот-вот, – согласно кивнул Унгебауэр. – И поверь мне, китайцы своего последнего слова еще не сказали.

В тот момент в голове Антона Федоровича впервые в жизни сформулировалась крамольная мысль: при таком отношении простых людей к генералам и генералов к простым людям, будь то хотя бы узкоглазые, революция неизбежна.

«Вздор! – возразил себе киевлянин. – Не будет никакой революции. Обойдутся господа социалисты». Строгие меры Правительства против инакомыслия, а также направленные на государственную безопасность Горский обычно одобрял, но только если таковые меры не доходили до абсурда, как в случае с петербургским генералом. Примерещилось его превосходительству, что стреляли не в вагон третьего класса, а в него, вот и прогнал взашей всех китайцев со следующей крупной станции. Разумеется, вся Империя до сих пор пребывает в состоянии крайнего потрясения от убийства Сипягина 2 апреля сего года. Доселе неизвестная партия социалистов-революционеров чудовищно легко отправила на тот свет министра внутренних дел, заставив говорить о себе всё просвещенное (и не только) общество. Подонок Балмашёв, который совершил это страшное злодеяние, учился с Антоном Федоровичем в одном университете – Святого равноапостольного князя Владимира. Поступив в 1900 году в киевскую *alma mater*, он тотчас принял активное участие в забастовках и стачках, став едва ли не главным их инициатором и координатором. Попав в список студентов, коих Правительство отправляло в солдаты, Балмашёва в конце января 1901 года арестовали и спустя несколько месяцев заключения сослали в Смоленскую губернию отбывать воинскую повинность. К осени минувшего года власти пошли навстречу бунтарям и к Балмашёву в частности: его отпустили восвояси. Трудно себе представить, но одного из главных руководителей студенческой забастовки вновь приняли в киевский университет! Синусоидное настроение нашего Правительства по отношению к студентам привело к всплескам очередных волнений, которые вылились в многочисленные аресты и ссылки. На этом фоне озлобленный репрессиями Балмашёв, как воплощение русских эсеров (социалистов-революционеров), убивший одного из главных «деспотов» Империи, выглядел в глазах либеральной общественности героем. А между тем большинству ликующих социалистов невдомек, что застреленный «сатрап» Дмитрий Сергеевич готовил проект реформы, согласно которому расширялись полномочия земства, а к управлению губерниями планировалось привлечь большее число лиц местного населения. Не за это ли в том числе выступают господа социал-демократы и социал-революционеры? Впрочем, за что выступают последние хорошо видно из названия их партии: за хаос и террор. Степан Балмашёв же кончил, как и полагается: на шлиссельбургской виселице. О судьбе этого человека Горскому поведал бывший инспектор киевского университета, а ныне негласный инспектор кадетского корпуса действительный тайный советник Константин Трофимович, с которым, несмотря на один щекотливый эпизод, у Антона Федоровича остались добрые приятельские отношения. Будучи одним из любимчиков его превосходительства и к тому же отставным полициантом, Горский быстро попал в опалу среди сокурсников, которые в одночасье разглядели в нем шпиона, коим

он, разумеется, никогда не был. Ни одного баламута за время своей учебы Антон Федорович не выдал, однако же неизменно считался предателем и шпииком.

Устало потерев глаза, коллежский секретарь понял, что жутко утомился. Кое-как устроившись в углу жесткой скамейки, он сумел-таки заснуть прежде, чем поезд добрался до Дашицяо. Путешествие заканчивалось, а потому душа Антона Федоровича ликовала: наконец-то он покинет осточертевший вагон и приступит к службе!

Проснулся Горский рано. От полулежачего-полусидячего положения затекли члены. Лихорадочно разминая отнявшуюся руку, другою он вытаскивал часы.

– Доброе утро, Унгебауэр... – прошептал Антон Федорович своему бодрствовавшему товарищу. – Седьмой час доходит...

– Угу, – кивнул Демьян Константинович. – Хочу тебя поздравить, мой друг.

– С чем? – не понял юноша.

– Мы в Квантунской области.

– Вот как? Это же превосходно! – лицо коллежского секретаря расцвело. – Значит, скоро мы будем в Дальнем?

– Точно так, ваше благородие, – пафосно ответил лейтенант.

– А ты мне так ничего о нем и не рассказал!.. – с досадой выдохнул Горский.

– Непременно расскажу. Я от своих слов не отказываюсь. Но сперва ты увидишь всё сам.

– Представляю, какой это грандиозный порт! Какая внушительная стройка!

– Не хотел бы тебя разочаровывать, – деликатно кашлянул Демьян Константинович, – но, право, не жди от Дальнего чего-то выдающегося.

Горский поутих.

– Тебя кто-нибудь встретит? – поинтересовался Унгебауэр.

– Встретить... должны, – неуверенно ответил Антон Федорович. – По крайней мере, так говорил Кондратий Яковлевич.

– Кто такой Кондратий Яковлевич?

– Судебный следователь. Помнишь, я тебе о нем рассказывал. Я служил под его началом.

– В Киеве?

– Ну а где же?

– Ха-ха! – лейтенант рассмеялся противным злым смехом.

– Отчего ты смеешься?

– Я поражен твоей наивностью. Неужели ты думаешь, что кому-то здесь нужен?

– Позволю вам заметить, Демьян Константинович, – холодно произнес Горский, – что вы позволяете себе потешаться над судебным следователем города Дальнего!

– Полноте, Антон Федорович! Не сердись. Сам в твои годы был романтиком...

– Что в этом плохого? – медленно оттаивал коллежский секретарь.

– Это совсем не плохо. За тем лишь исключением, что больно будет разочаровываться жизнью.

– Это уж ты за меня не решай.

– А я и не собираюсь.

Большая часть пассажиров сошла перед самым Дальним: в местечке Нангалин. Вагон опустел процентов на восемьдесят.

– Куда они все? – опешил Горский.

– За Нангалином дорога раздваивается. Мы свернем на Дальний, а все эти дамы и господа пересядут в поезд до Порт-Артура.

– А почему не наоборот? Их же больше.

– Не знаю. Быть может, так удобнее военным.

Очень скоро по левую сторону пути заискрились на солнце волны Талиенваньского залива. Показались трубы завода, производственные постройки, склады и серые домики. Миновав маленькую рощицу с низенькими деревьями, поезд прибыл в Дальний.

8. Катастрофа

Проследовав в глубоком овраге и проехав под высоким деревянным виадуком, паровоз остановился на более чем скромном дебаркадере перед массивной трубой электростанции. В хозяйственных зданиях поблизости расположились железнодорожные мастерские, за которыми угадывалась тихая гавань. У Антона Федоровича возникло неприятное впечатление, будто его обманули.

«Куда я приехал?» – с тревогой подумал молодой чиновник.

Заметив замешательство товарища, Унгебауэр поспешил пояснить:

– Это лишь временная станция, которая предполагается как товарная. Главный вокзал построят там, в выемке перед мостом.

– Вот как? Тогда понятно... – немного успокоился Горский.

Публика высыпала из вагонов и очень скоро разобрала багаж и всех наличных извозчиков, что ожидали поблизости. Получив чемодан, коллежский секретарь остановился и огляделся. Но не зрение, а обоняние составило первый портрет нового места. В структуре холодного квантунского ветра ощущался ясный запах морской тины и чего-то еще, чего-то очень экзотического и пряного. Анализаторы Антона Федоровича уже улавливали что-то похожее на станциях Маньчжурии, но лишь здесь, в Дальнем, этот запах обрел форму. Должно быть, так пахнет весь Китай.

На западе взору Горского открылся самый город. Удивительно красивый по своей архитектуре, он сочетал в себе лучшие традиции европейского зодчества с его конусовидными башенками и фахверковыми перекрытиями, а загнутые на китайский манер крыши весьма удачно подчеркивали ориентальный колорит. Антон Федорович сразу влюбился в этот, как оказалось, очень небольшой порт и с веселой усмешкой отогнал прочь дурные мысли, овладевшие им в вагоне.

– Нравится? – с серьезным видом любопытствовал Демьян Константинович, ухватившись за саквояжи.

– Очень нравится! – улыбнулся киевлянин. – Я и не предполагал, что он такой маленький.

– А это и не весь город.

– Да?

– Угу. Это только Административный городок. Здесь живут чиновники, служащие заводов, порта, железной дороги и Морского пароходства. Здесь живу и я, здесь будешь жить и ты. А вот и наши!

Им навстречу радостно шагал, размахивая руками, мужчина в черном котелке и сером драповом пальто.

– Приветствую вас, Демьян Константинович! Как добрались? – осведомился незнакомец.

– Благодарю вас, неплохо. Едва не убили правда, но ничего-с! – крамольно отшутился Унгебауэр.

– Да ну?? – искренно испугался мужчина в котелке. – Кто же это вас намеревался?..

– Благо, что только намеревался. Хунхузы – кто еще? Перед самым виском пуля прошла. Антон Федорович не даст соврать. О, пардон! Я вам не представил своего товарища.

– Коллежский секретарь Горский, – назвалса чиновник Министерства юстиции, стягивая перчатку.

– Мой коллега и товарищ, начальник стиведорского отдела Константин Павлович Кулимовский! – презентовал подчиненного Унгебауэр.

– Очень рад! – протянул руку Кулимовский.

– Как прошло открытие? – справился Демьян Константинович.

– О, превосходно! – возвел руки к небу Константин Павлович. Должно быть, жестикуляция была его излюбленным приемом. – Здание получилось отличное! А по внешнему виду и вовсе, на мой скромный взгляд, лучшее в городе!

– Что ж, поглядим! – с нетерпением отозвался лейтенант.

– А вы что же, его не видели, когда подъезжали?

– Да где там! За выемкой ничего не видать.

– А, ясно. Ну-с, едемте? – подпрыгнул от мороза Кулимовский.

– А где же твои встречающие, Антон Федорович?

Вопрос Унгебауэра поставил Горского в тупик и резко опустил поднявшееся было настроение.

– Должно быть, еще не прибыли, – неуверенно промямлил киевлянин.

– Так милости просим с нами! – воскликнул лейтенант.

– Благодарю, Демьян Константинович, но я всё же останусь. Да и не знаю я, куда мне ехать.

– Позвольте любопытствовать, вы к нам по какому ведомству? – чрезмерно заискивающе спросил Кулимовский.

– По судебному, – не без гордости отозвался Горский, для солидности откашлявшись в кулак.

– Антон Федорович ни много ни мало будет нашим судебным следователем.

– О!..

– Так что советую вам, Константин Павлович, с ним подружиться и во всём помогать. Иначе рискуете попасть в каталажку!

– Я ни в коем случае! Что вы!.. – пуще прежнего перепугался начальник стиведорского отдела Морского пароходства К.В.ж.д. Этот весьма милый человек совершенно не понимал юмора и принимал всё сказанное за чистую монету. Антону Федоровичу даже показалось, что у господина Кулимоского, как нынче выражаются, «не все дома». Коллежский секретарь сделал себе в мозгу заметку, справиться на сей счет у Унгебауэра. В частной беседе, разумеется.

– Не волнуйтесь, Константин Павлович, – успокаивал разнервничавшегося господина Горский. – Демьян Константинович шутит.

– Вы, право, не подумайте ничего... – затараторил Кулимовский. – Я, знаете, за всю жизнь ни разу не уклонился от правосудия... э... я хотел сказать... то есть... я никогда не был судим... я всегда сотрудничал с полицией и следователями...

– Довольно, Константин Павлович! – осек его хохотавший Унгебауэр. – Антон Федорович уже сто раз понял, что вы человек в высшей степени порядочный и педантичный, иначе никто бы вам не доверил столь важную должность, как-то управление стиведорским отделом.

Кулимовский согласно закивал, начинал постепенно приходить в себя.

– Итак, Антон Федорович, ты с нами?

– Нет.

– Как тебе угодно, – не стал настаивать Унгебауэр. – В любом случае я буду ждать тебя сегодня в 8 вечера!

– Но я не знаю твоего адреса...

– Угольный проспект, дом лейтенанта Унгебауэра. Все рикши знают!

– Рикши?..

– Прощай! До вечера! – Демьян Константинович уже сверкал пятками.

– Всего наилучшего! – приподнял котелок Кулимовский.

– Может быть, вы, наконец, мне поможете? – язвительно крикнул Константину Павловичу морской офицер.

– Да-да!.. Конечно!.. – залезил стиведор, подхватывая у Унгебауэра оба (!) саквояжа.

Горский стоял на дебаркадере точно вкопанный. Настолько его поразила первая встреча с Дальним и с чудаковатым Кулимовским, что, право, требовалось какое-то время, чтобы навести в голове порядок.

Антон Федоровича одолевали противоречивые чувства. До сей поры ему очень нравился как человек Демьян Константинович. Даже несмотря на его пагубное пристрастие к алкоголю. Теперь же лейтенант Унгебауэр предстал перед ним высокомерной и чванливой личностью, нещадно смеявшимся над юродивым коллегой. При этом он не упустил возможности подтрунить над брошенным на произвол судьбы Горским.

Да, молодой чиновник ясно понял, что никто его встречать здесь не будет, ибо едва ли он тут кому-то нужен. Тем не менее коллежский секретарь держался молодцом и свои на сей счет беспокойства старался не показывать. Унгебауэр, однако, всё это заметил и стал держаться еще выше и надменнее. Хотел, вероятно, показать, что его положение в Дальнем одно из лучших. Приглашение к себе домой есть не что иное, как очередное хвастовство.

«Впрочем, – подумал Горский, – возможно, я много выдумываю, и Демьян Константинович станет вновь тем же любопытным собеседником и верным товарищем».

Угольный проспект. Какое интересное название!

Обождая, покамест пролетка Унгебауэра скроется из виду, Антон Федорович отправился на поиски свободного извозчика. Увы, конного возницы поблизости не случилось, зато имелся достаточно большой выбор из шести рикш. Ни один из скудно одетых мужчин китайской национальности на Горского не поглядел. Все они уткнулись в землю, сжимая в руках оглобли неказистых колясок.

Из гуманных соображений ехать на рикше киевлянину не хотелось. Но еще больше ему не хотелось в этакий мороз брести пешком не менее полуверсты, таща при этом весьма нелегкий чемодан. Из шести мужчин, пятеро из которых были с длинными, обмотанными вокруг головы косами, выделялся один, который, в отличие от других, лоб не брил и косы не носил. Имевшиеся в его распоряжении волосы он туго скрутил в пучок на макушке. На левой щеке возницы розовело продолговатое родимое пятно или ожог. Именно этого удалыца Антон Федорович и выбрал в качестве извозчика.

Но куда ему было ехать? Адреса мирового судьи он не знал, имени тоже. Он лишь знал, что ужасно устал и хочет поскорее помыться и отоспаться. Стало быть, ехать коллежский секретарь решил сперва в гостиницу. Поймет ли рикша?

– В гостиницу! – громко приказал молодой человек.

Не сказав ни слова, жилистый азиат в войлочных башмаках и толстой куртке припустил по добротной дороге в сторону Административного городка. Ритмично перебирая ногами, он разогнал коляску до скорости ординарного киевского ваньки. Устав смотреть на подпрыгивающий впереди пучок черных волос, Горский сосредоточился на изучении окрестностей.

Из того, что он увидел, напрашивались определенные выводы. Первое. Дальний – очень маленький город. Второе. Всё, что находилось за железнодорожной выемкой, называть городом не поворачивался язык. Нагромождение на широком пространстве низких и длинных домов, большая часть которых носит временный характер, похоже скорее на лагерь для беженцев, но никак не на ведущий морской порт на Тихом океане. Третье. Во всём городе превосходные шоссированные дороги. Четвертое. Административный городок фантастически красив. Как-то трудно свыкнуться с мыслью, что это не заграничный, а наш русский город. Строили его господа с большим воображением. Пятое. Нигде прежде в Маньчжурии Горский не видел рикш. И даже в таком крупном городе, как Харбин, запряженных в оглобли китайцев Антон Федорович не встречал. Шестое. В Дальнем, как и во всей Маньчжурии, поздней осенью очень холодно. Утепленное пальто коллежского секретаря пока еще справлялось с порывами холодного квантунского ветра, но что же будет зимою?..

Тем временем рикша доехала до круглой площади у самого края Административного городка, на которой расположилась православная часовня. Русская святыня стояла на пересечении сразу шести улиц и будто бы напоминала всем въезжающим путешественникам, что Дальний – это Россия. Глядя на золоченые восьмиконечные кресты и маковки, Антон Федорович испытывал непередаваемое чувство патриотизма.

Обогнув часовню, китаец потащил рикшу по неприлично пустынной улице, вдали которой просматривался огороженный каменным забором сад. Впрочем, как вскоре убедился Горский, в Административном городке вообще все дома обнесены кирпичной изгородью с крестообразными просветами. На самых оживленных проспектах были устроены превосходные панельные тротуары, не хуже тех, что украшают собой Николаевскую улицу в Киеве. Напротив сада тянулись длинные двухэтажные не иначе как казенные строения, похожие на казармы. В самом саду помимо замерзших лужаек и лысых деревьев виднелся столб для гигантских шагов и площадка для лаун-тенниса. Стало быть, летом местной интеллигенции есть, чем себя занять. Зимой должны быть в моде званые вечера.

Обогнув дом со шпилем с левой стороны, рикша вытянул коляску к большой и, по-видимому, главной площади Административного городка. Центральным элементом этой площади являлось большое трапециевидное двухэтажное здание в парижском стиле, уходившее обоими крыльями в переулки. На мезонине его фасадной части красовались большие круглые часы. Вероятно, городская администрация. Слева от этого архитектурного шедевра и чуть южнее высилась церковь с высокой колокольней. Антона Федоровича немало озадачил тот факт, что своим входом она была обращена не на запад, а на восток. Присмотревшись, Горский увидел, что вход в православную святыню устроен всё же с запада, куда ведут диагональные дорожки. Смутила его та самая колокольня, что высилась прямо над апсидами и алтарем.

Позади Администрации раскинулся широкий Инженерный проспект (название Горский узнает позже). Здесь собрались самые фешенебельные особняки, ближайшим из которых владел инженер Сахаров. Дом дальнинского градоначальника Антон Федорович хорошо запомнил по фотографиям из газет и журналов. Ну и в восточной части главной площади Административного городка приветливо встречала путешественников гостиница «Дальний» с крытой

верандой и хорошо знакомым шпилем. Значит, именно это здание огибал рикша, сворачивая за садом влево.

Подкатив к самому крыльцу гостиницы, возница остановился, не смея повернуться. Коллежский секретарь вновь, как и тогда в Москве, забыл условиться о стоимости проезда. Хотя едва ли скромный китайский извозчик задрал бы цену. Спрыгнув с коляски, Горский вплотную приблизился к инородцу.

– Сколько с меня? – громко спросил Антон Федорович.

– Сколько не жалко, – на чистом русском ответил азиат.

Чиновник смутился.

– Признаться, я впервые в Дальнем, да и вообще в Маньчжурии, поэтому с местными тарифами знаком мало...

– Я же говорю: сколько не жалко, – удивительно настойчиво и гордо повторил рикша.

– Но я могу дать меньше, чем положено...

– А вы дайте больше. Чтобы уж наверняка, – дерзкий китаец при всей своей наглости соблюдал, тем не менее, субординацию. Уткнувшись взглядом в землю, он не позволял себе выпрямиться. Безропотное подчинение дорогого стоило.

Горский протянул вознице серебряный рубль. Азиат почтительно поклонился.

– Желаете, чтобы я вас подождал? – спросил он.

Секунду подумав, Горский решил не упускать единственного в окрестностях рикшу. Мало ли куда придется ехать?

– Никогда не думал, что китайцы могут так хорошо говорить по-русски, – улыбнулся Антон Федорович. Однако комплимент не удался.

– Я не китаец, – холодно огрызнулся азиат.

– Вот как? А кто же – маньчжур?

– Я кореец.

– Прими мои извинения.

– Вам не за что передо мной извиняться. Мало кто из европейцев отличит корейца от китайца или маньчжура.

– Ты, должно быть, долгое время жил в России, коли так хорошо говоришь по-русски?

– Всё верно. Двадцать один год из тридцати семи лет своей жизни я прожил во Владивостоке.

– И что же ты там делал?

– Ловил рыбу.

– Гм. Но ведь рыбу можно ловить и в Корее. На твоей Родине ее ничуть не меньше.

– Моя родина – Россия. Хотя и Корею я тоже люблю, – задумчиво прибавил рикша. – Там прошло мое детство и отрочество.

– Но что заставило тебя отправиться во Владивосток?

– Странно, что вас интересует именно это, а не то, как я оказался в Дальнем.

Глаза Антона Федоровича расширились от изумления. Мало того, что рикша-кореец прекрасно говорил по-русски, так он еще умел совмещать иронию с аналитикой.

– Впрочем, мне сейчас не до этого, – честно признался Горский. – Как-нибудь побеседуем.

С этими словами коллежский секретарь подхватил тяжеленный чемодан и потащился с ним в гостиницу. Очень уютная и симпатичная снаружи, она оказалась не менее радушной внутри. Скучавший портье с напомаженными волосами приветливо улыбнулся.

– Милости просим, добрый день!

– Добрый! Могу я остановиться в вашей гостинице?

– Остались несколько номеров, но они, к сожалению, без ванн...

– Ничего, помоюсь в бане. Я хотел бы заселиться.

– Извольте ваш документ.

Горский положил на конторку новенький заграничный паспорт, полученный перед самым отъездом из Киева. Портье аккуратным почерком вписал вновь прибывшего в книгу постояльцев, как того и требовал полицейский надзор.

– Сегодня же мы регистрируем ваш паспорт в полиции, и уже завтра вы сможете его забрать.

Положив документ в общую стопку, портье подзвал посыльного, чтобы эту самую стопку ему и вручить.

– Вы, кажется, последний с московского поезда, – счел нужным пояснить напомаженный мужчина. – Едва ли кто-то еще появится...

Антону Федоровичу достался номер с видом на внутренний сад, на Инженерный проспект и на дом господина Сахарова – дальнинского градоначальника. Не слишком тесная комната приятно удивила чистотой и опрятностью. Гостиница всё-таки перворазрядная.

Умывшись холодной водой и сменив сорочку, Горский не представлял дальнейших действий без хорошей бани. В вестибюле гостиницы он тщетно пытался выведать у портье адрес какого-либо мытного заведения, но чем больше он допытывал любезного дальнинца, тем больше вгонял того в краску.

– Понимаете, господин Горский... В Административном городке, где мы с вами сейчас находимся, почти в каждом доме есть канализация и водопровод. Надобности в банях, как таковых, здесь нет... Иное дело Европейский город, что по ту сторону железной дороги. Там есть несколько бань, но мыться в них я бы вам не рекомендовал, дабы не подцепить какую заразу...

– Вот как? Стало быть, вы предлагаете мне искупаться в море? – разозлился коллежский секретарь. Одна мысль остаться грязным сводила его с ума.

– Прошу меня простить... – пуще прежнего сконфузился портье. – Ваше благородие, верно, к нам по службе, а потому я не сомневаюсь, что вам в скором времени предоставят особняк со всеми удобствами. Мой вам совет: разыщите сперва ваше начальство.

– Благодарю за совет.

– Прошу меня простить... – повторил гостиничный служащий.

Горского трясло от негодования. Будучи человеком крайне чистоплотным, он не мог допустить и мысли о том, чтобы явиться к мировому судье в непотребном виде. И если казенная тужурка и свежая сорочка смотрелись удовлетворительно, то вот едкий запах пота и грязи, коим Антон Федорович пропитался в «Маньчжурском экспрессе» рушили любые намеки на его благообразность. Сформировать у начальства положительное первое впечатление – задача важнейшая.

Выйдя на крыльцо, коллежский секретарь с грустью осознал, что в этом далеком краю он совершенно один. Точно в подтверждение его мыслей, налетевший осенний ветер обжег лицо холодом. К своему равному климату Дальнего необходимо было еще привыкнуть.

На пустынной площади одиноко стоял кореец-рикша, дожидаясь русского господина.

– Послушай... Я очень хочу помыться. Гостиничный служащий сказал, что в городе всего несколько бань, да и те посещать не стоит. Где бы ты посоветовал мне помыться? – излил душу Горский, с надеждой уставившись в темные глаза азиата.

Молчание затянулось. Иностранец столь же пристально глядел на Антона Федоровича, ничего при этом не произнося. В его глазах киевлянин заметил какой-то шальной огонек, какое-то сомнение, а скорее растерянность. Кореец никак не ожидал, что у него спросят совета, будут говорить с ним на равных.

Этот русский очень добр.

– Залезайте, – единственное, что сорвалось с неподвижных уст возницы.

Составив некоторое представление о Дальнем и его районах, Горский с удивлением для себя открыл, что рикша не собирается покидать пределы Административного городка. Зная от гостиничного портье, что бань в окрестностях нет, Антона Федоровича посетило дурное предчувствие.

Дурное предчувствие коллежского секретаря так оным и осталось, потому что жилистый кореец прикатил рикшу к... баням!

– Вот-те раз... – развел руками Горский. – А портье убедил меня, что в Административной части бань нет.

– Это не так. Есть две бани Общества К.В.ж.д. Одна для младших служащих, а эта, – азиат мотнул головой в сторону здания, – для старших. Если хорошо попросите, вам позволят тут помыться.

– Может, лучше опробовать ту, что для младших?.. – неуверенно спросил юноша.

– Нет, вам лучше сюда. Коллежский секретарь вполне сойдет за старшего, – подкупаяще уверенно заключил кореец.

– Ты и в чинах разбираешься??

– Немного.

– Господи, да мне тебя сам Бог послал! – воскликнул Горский, спрыгивая с рикши. – Как тебя зовут?

– Ким Мун Хи. Или просто Ким.

– Рад знакомству, Ким! А я Антон Федорович Горский. Назначен в Дальний исправляющим должность судебного следователя.

Кореец почтительно поклонился.

– Мне на первое время потребуется помощник. Человек, который поможет разобраться в деталях местного быта; который хорошо ориентируется в городе. Да и с извозчиками здесь, как я погляжу, туго. согласишься ли ты стать... таким человеком? – аккуратно спросил Горский.

– Вы хотите, чтобы я стал вашим слугой? – резко пробурчал Ким, точно обидевшись. Именно это последнее слово так не хотел произносить молодой чиновник.

– Скорее помощником... – смутился Антон Федорович.

Какая удача, о Господь Всемогущий!

– Я согласен.

– Но я еще не назвал тебе свою цену!..

– Деньги не имеют значения. Служить тому, кто чист душою и сердцем, значит служить Господу.

– Ну, не так уж и чист...

– Я в вашем распоряжении.

– И всё же я хотел бы условиться о цене, ибо решительно не представляю, сколько платят местной... прислуге.

– 10–15 рублей китайским боям, поварам – 15–25. Русским чуть больше. Но я не русский, поэтому мне хватит и 10-ти рублей. Это ровно столько, сколько мне необходимо для жизни и ровно столько, чтобы вас не приняли за жлоба, а меня за идиота.

– Вот как? Что ж, озвученная тобою сумма весьма для меня приемлемая.

Определив миндальничание Горского за колебание, Ким поспешил прибавить:

– Я также буду вам готовить и убирать фанзу.

– Что убирать?

– Фанзу, то есть дом.

– Да пожалуйста!

– Уверю вас, господин Горский, дешевле и старательнее прислуги вы себе во всём Дальнем не сыщете! – кореец разошелся не на шутку. Боялся отпустить Антона Федоровича, точно тот был Жар-Птицей.

– Да, да! Я же сказал, что согласен!

– Но вы не всё обо мне знаете... – глаза рикши наполнились влагой.

– Чего же я такого не знаю? А впрочем, всё равно. Я тебя принимаю без всяких «но»! А сейчас я хочу наконец помыться!

– Я буду ждать вас на этом самом месте.

Разговор с банщиком получился коротким, но успешным. Как-то сразу и очень легко между мужчинами возникло взаимопонимание. За весьма умеренную плату Антон Федорович воспользовался всеми удобствами, коими пользуются старшие служащие Общества Китайско-Восточной железной дороги. Хорошенько попарившись, смыл с себя всю дорожную грязь,

Горский сидел в раздевальне за большим деревянным столом ипил освежающий изюмный квас. В номерах никого не было, и от этого на душе делалось неуютно.

Порт Дальний предстал перед двадцатисемилетним чиновником Министерства юстиции городом-призраком. Местные жители, будь то русские или китайцы, точно попрятались перед самым его приездом. Увлеченные своими делами немногочисленные прохожие как тараканы торопились забежать в свои щели – присутствия; редкие мученики-рикши тащили обрюзгших толстосумов, и уж совсем не наблюдалось праздно прогуливавшейся публики. Хотя фланировать по превосходным каменным плитам уличных тротуаров, должно быть, одно удовольствие. В теплой бане наш приезжий герой совершенно запамятовал, что на дворе холодный ноябрь.

Горский отпил квасу. Как же далеко он сейчас от родного Киева...

Реминисценции увиденного в Дальнем постепенно уходили на второй план, тогда как на первый план вышла необходимость создания четкого плана, диспозиции на день. Первоначально надлежало разыскать мирового судью – его, Антона Федоровича, непосредственного начальника. Следовало с ним познакомиться, а еще лучше отобедать, дабы установить дружеские связи.

При мысли о еде желудок издал протяжный урчащий звук. Пунктом номер один стоило включить обед. Мало ли насколько занят будет господин судья, да и захочет ли он вообще садиться с незнакомцем за один стол? Впрочем, всё это вторично. Вся трудность заключалась в том, что Антон Федорович не знал ни имени, ни отчества, ни фамилии, ни чина и ни адреса мирового судьи, в подчинение к которому он был командирован. Кондратий Яковлевич так искренно уверял, что о нем, Горском, все в Дальнем извещены, что его-де ждут здесь едва ли не с оркестром и шампанским, а поводов для беспокойств решительно никаких, что молодой чиновник весьма недальновидно ничего о своем новом начальнике и не узнал. Доверился порядочному Воскресенскому. Как выяснилось, напрасно.

Живот Антона Федоровича затянул очередную сонату, поэтому наслаждаться послебанной негой расхотелось. Осушив разом кружку с квасом, Горский решил вернуться в гостиницу подкрепиться.

На обратном пути коллежский секретарь затеял поговорить с новоиспеченным слугой о трудностях дальнинской жизни, но Ким однозначно заявил, что беседовать, влача нелегкую коляску, он не будет. Просил его понять и не сердиться.

В гостинице Антона Федоровича ждал сюрприз. Сюрприз, облаченный в полицейскую форму, сидел на венском стуле в открытом настежь номере, который занимал Горский.

– П-простите?... – заикнулся от удивления киевлянин.

Полный и в обычной жизни, должно быть, веселый и добродушный мужчина преклонных лет недоверчиво сощурился. Подниматься с чужого стула он не спешил.

– А, господин Горский? – вместо приветствия протянул служитель закона. Особых знаков отличия в его форме не отмечалось, но и на городского он похож не был. – Вы уж простите мою наивность – служба у меня такая.

– Простите, с кем имею честь? – спокойно осведомился Антон Федорович, с трудом придя в себя. «Хороша гостиница – ничего не скажешь!»

– Полицейский надзиратель Куроедов Тихон Тимофеевич. Прошу любить и жаловать! – с бесовским задором отчеканил мужчина.

– Любить мне вас положительно не за что. Извольте объяснить, что вы делаете в моем номере и как вы сюда попали? – оставаться безмятежным молодому чиновнику не удалось.

– Попал я к вам очень просто. При помощи вот этого ключа, – встав наконец, Куроедов покрутил медным ключом. – Его мне любезно предоставил портье. А что это вы, Антон Федорович, так разволновались?

– Я требую объяснений! – повысил голос Горский. Полицейский надзиратель вел себя в высшей степени нахально и бестактно.

- Объяснений? Но как раз их я хотел спросить у вас, юноша.
- Я вам не юноша, а ваше благородие господин коллежский секретарь!
- Пошел . . . , молокосос! Здесь я решаю к кому и как обращаться!
- Как?.. Будьте покойны, Тихон Тимофеевич: ваши словесные экзерсисы в точности дойдут до господина полицмейстера! Едва ли после таких слов он оставит вас в должности!
- Ты вздумал меня пугать, щенок? Меня?? – взревел надзиратель. Выпучив глаза и брызжа слюной, он являл собою наиболее антипатичный тип русского полицейского: бесстрашного идиота, уверенного в своей правоте. – Да кто ты такой??
- Да будет вам известно, что я назначен исправляющим должность судебного следователя города Дальнего! – с гордостью прорычал Горский.
- Судебного следователя?.. В таком случае я – апостол Павел! Ха-ха! – злобно рассмеялся Куроедов.
- Не верите?..
- Конечно нет! – усмехнулся Тихон Тимофеевич. – И знаешь почему? Не знаешь? А потому, что в Дальнем должности судебного следователя нет! Нет! Ха-ха! Все функции оного возложены на мирового судью!
- Вот как?.. – сжал кулаки киевлянин. – Тогда предлагаю сейчас же проследовать в камеру к господину мировому судье! Он извещен о моем прибытии и заставит вас передо мной извиниться!
- Надзиратель на секунду задумался.
- Блефуешь, чертяка! Ну да тебе уже не отвертеться! И прежде чем мы пойдем с тобой к Алексею Владимировичу, ты объяснишь мне, для чего тебе это, – с этими словами Куроедов аккуратно и победоносно поднял со стола наган, купленный Горским в Харбине у китайца Ивана Ивановича за 33 рубля. Антон Федорович хорошо помнил, как положил револьвер в чемодан, перед тем как отправиться в баню. Значит, не пойми откуда взявшийся Тихон Тимофеевич уже успел покопаться в его вещах.
- Для защиты. В Российской Империи разрешается ношение и хранение оружия, если таковое необходимо для самообороны в случае непосредственной угрозы жизни и здоровью, – по-школярски дословно процитировал Свод Законов чиновник Министерства юстиции.
- И кто же, позволь узнать, покушается на твою жизнь?
- Прекратите амикошонство, или я . . .
- Заткнись и отвечай на вопрос, – хладнокровно продолжил издеваться надзиратель. Нападение на полицейского карается по всей строгости – наверное, поэтому Тихон Тимофеевич излучал такую уверенность.
- Вы за всё ответите . . . – процедил сквозь зубы Горский. Лишь святое Провидение уберегло его в тот момент от глупостей.
- Так кто тебе угрожает?
- В Маньчжурии много хунхузов. Я полагаю, вы о них слышали.
- И что?
- Мне дорога моя жизнь.
- Положим, так. Тогда тебе не составит труда предъявить разрешение из полиции на покупку данного типа огнестрельного оружия.
- Антон Федоровича прошиб холодный пот. Противная липкая струйка сбегала вниз по его позвоночнику. Этого он не учел. Действительно, по закону покупка оружия допускалась или по разрешению командира полка (для офицеров), или по разрешению местной полиции. Первого у него быть не могло, ибо к армии он никаким образом не относился, а второго у него попросту не имелось.
- Что же ты молчишь? – довольно вскинул брови Куроедов. – Куда делась твоя бравада? Так-то Тихона Тимофеевича обманывать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.